

И.В.Киреевский
П.В.Киреевский

16+

Собрание сочинений

В 3-х т. Т. 3

И. В. Киреевский
П. В. Киреевский
А. Ф. Малышевский
Собрание сочинений.
В 3-х т. Т. 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918222

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98718-0

Аннотация

Эпистолярное наследие (письма и дневники) Ивана и Петра Киреевских – двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века. И. В. Киреевский (1806—1856) положил начало самобытной отечественной философии, основанной на живой православной вере и опыте восточно-христианской аскетики. П. В. Киреевский (1808—1856) прославился как фольклорист и собиратель русских народных песен. Издание подготовлено доктором философских наук, профессором А. Ф. Малышевским.

Содержание

Глава I. Письма и дневник И. В. Киреевского	8
§ 1. Письма[1]	8
1. А. А. Елагину[2]	8
2. А. И. Кошелеву[5]	10
3. А. И. Кошелеву	16
4. А. И. Кошелеву	18
5. М. П. Погодину	24
6. Родным	26
7. Родным	27
8. Родным	34
9. Родным	35
10. Родным	36
11. Родным	38
12. Родным	40
13. Родным	41
14. Родным	44
15. Родным	48
16. Родным	51
17. Родным	60
18. Родным	68
19. П. В. Киреевскому	75
20. Родным	80
21. Родным	86

22. Родным	90
23. Родным	91
24. Родным	93
25. Родным	94
26. Родным	95
27. Родным	97
28. Родным	100
29. Родным	106
30. М. В. Киреевской	111
31. Родным	115
32. М. В. Киреевской	116
33. Родным	117
34. Родным	119
35. Родным	123
36. Родным	124
37. Родным	126
38. Родным	128
39. А. И. Кошелеву	131
40. В. А. Жуковскому	133
41. А. И. Кошелеву	135
42. Н. М. Языкову	137
43. А. И. Кошелеву	138
44. А. А. Елагину	142
45. А. П. Елагиной	143
46. Н. М. Языкову	144
47. А. С. Хомякову	148

48. В. А. Елагину	151
49. П. В. Киреевскому	153
50. А. С. Хомякову	154
51. А. С. Хомякову	160
52. П. В. Киреевскому	163
53. М. П. Погодину	166
54. В. А. Жуковскому	168
55. М. П. Погодину	177
56. Оптинскому старцу Макарию[264]	183
57. А. П. Елагиной	185
58. А. П. Елагиной	186
59. Оптинскому старцу Макарию	188
60. П. В. Киреевскому	190
61. Оптинскому старцу Макарию	191
62. Оптинскому старцу Макарию	196
63. М. В. Киреевской	198
64. Оптинскому старцу Макарию	204
65. Оптинскому старцу Макарию	205
66. М. П. Погодину	205
67. Оптинскому старцу Макарию	207
68. Оптинскому старцу Макарию	208
69. Оптинскому старцу Макарию	209
70. Оптинскому старцу Макарию	211
71. В. А. Жуковскому	211

Конец ознакомительного фрагмента. 217

частично письма были подготовлены сводными братьями И. В. Киреевского, Василием Алексеевичем и Николаем Алексеевичем Елагиными, для первого собрания сочинений И. В. Киреевского 1861 г., изданного А. И. Кошелевым, в качестве материалов для биографии. Отдельная подборка писем И. В. Киреевского была осуществлена М. О. Гершензоном для второго издания собрания сочинений И. В. Киреевского, вышедшего в 1910–1911 гг. В издании, подготовленном М. О. Гершензоном, были помещены письма И. В. Киреевского ранее печатавшиеся в «Русском архиве» (1870. Кн. 4 и 5; 1904. Кн. 8; 1907. Кн. 1; 1909. Кн. 4 и 5) и книге Н. П. Колюпанова «Биография Александра Ивановича Кошелева» (М., 1892). Письма И. В. Киреевского к оптинскому старцу Макарию были опубликованы в нескольких изданиях: 1) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1902; 2) Символ. 1987. № 17; 3) Четвериков С. И., протоиерей. Оптина пустынь. Париж, 1988; 4) Иван и Петр Киреевские в русской культуре. Калуга, 2001; 5) Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М., 2002; 6) Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Калуга, 2006. Имеются всего четыре автографа писем И. В. Киреевского к оптинскому старцу Макарию: 19 сентября 1846 года, до 5 января 1847 года, между 11 января и 17 марта 1847 года, между 8 февраля и 17 марта 1847 года (НИОР РГБ. Ф. 213. Карг. 82. Д. 13), остальные же известны в рукописных копиях (НИОР РГБ. Ф. 213. Карг. 82. Д. 14; РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28). – *Сост.*

² Елагин Алексей Андреевич (1790–1846) – участник Отечественной войны 1812 года, поручик 13 артиллерийской бригады, штабс-капитан артиллерии. Писатель, переводчик, поклонник немецкой идеалистической философии. Двоюродный племянник В. А. Жуковского, друг декабриста Г. С. Батенькова. Отчим Ивана, Петра и Марьи (1811–1859) Киреевских. Жена – Авдотья (Евдокия) Петровна Юшкова (1789–1877) – троюродная сестра А. А. Елагина, вдова секунд-майора Василия Ивановича Киреевского (1773–1812). Дети: Василий Алексеевич Елагин (1818–1879) – историк-славянофил (занимался средневековой историей Чехии), был женат на своей троюродной сестре Екатерине Ивановне Мойер (1821–1899); Николай Алексеевич Елагин (1822–1876) – калужский помещик, общественный деятель в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года; Рафаил Алексеевич Елагин (?–1823); Андрей Алексеевич Елагин (1823–1844); Елизавета (Лиля) Алексеевна Елагина (1825–1848); Гавриил Алексеевич Елагин (?–1851). – *Сост.*

³ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю. – *Сост.*

**И. Киреевский,
П. Киреевский
Собрание сочинений.
В 3-х т. Т. 3**

**Глава I. Письма и дневник
И. В. Киреевского**

§ 1. Письма¹

1. А. А. Елагину²

Август 1826 года³

Вы ко мне не хотите писать, милый папенька, потому что в грустном расположении духа, а я гораздо лучше бы хотел от вас получить грустное письмо, нежели шуточное, и пишу к Вам теперь именно потому, что мне невесело. В эти минуты душа невольно как-то обращается к тому, что всего дороже, и забывает все, что ее рассеивало, и все обыкновенные заня-

тия, которые, скользая только по поверхности ее, не доходили вглубь. Я, по крайней мере, во время печали невольно ищу предмета, который бы вполне занимал всего меня, который бы заключал в себе не одно определенное желание, не одну определенную мысль, но входил бы во все желания, во все мысли, и если что-нибудь живое на земле может быть таким предметом полного «я», то, без сомнения, это Вы и маменька⁴. Ибо вы оба служите для меня связью всей прошедшей моей жизни и входите во все те планы, которые воображение строит в будущем, которые, может быть, несбыточны, но которые трогают самые чувствительные струны моего сердца. На всем пути жизни моей (которую, признаюсь, люблю одевать в блестящие краски) я вижу Вас непременным спутником моим, и до сих пор не рождалось у меня ни одного желания, ни одной надежды, которые бы вполне занимали меня и которые бы могли исполниться без Вас. Вот почему и думается об Вас, когда грустно, а если думается, то и пишется. Но, впрочем, мысли эти не связываются ни с чем тем, что у нас теперь делается, ни с чем из того, что нас теперь занимает, и связываются только с тем, что занимает всегда, к чему я постоянно возвращаюсь от вседневных занятий. Итак, если бы писать к Вам об том, о чем думается, и так, как хочется, то я не писал бы к Вам ни об Вас, ни обо мне, ни об нашем, но писал бы к Вам о высочайшем счастье, о средствах к общему нашему достижению оно, о самоусовершенствовании и

---

⁴ А. П. Елагина. – *Сост.*

т. п. Не знаю, впрочем, в какую минуту Вы получите письмо мое, может быть, в минуту холодную, – а мне бы не хотелось профанировать моих мыслей. Итак, если Вы хотите, чтобы я к Вам писал, то обещайте мне, что Вы иначе не распечатаете письма моего, как тогда, когда Вам будет грустно. Это необходимое условие для того, чтобы понять меня, как я того хочу.

2. А. И. Кошелеву⁵

1827 год

Спасибо, Кошелев, за твое письмо. Истинно счастливый подарок. Я в нем нашел прежнее участие, прежнюю любовь и доверенность. Минута получения была для меня драгоценною минутою. Признаться стыдно, но необходимо для облегчения совести, что и я начинал уже сомневаться в твоих чувствах ко мне. Твои холодные письма и Бог знает, что еще, а может быть, и привычка к потерям внушали мне самые грустные мысли. Я их развивал и оправдывал. Я думал: теперь Кошелев живет в свете, сделал много новых знакомств и, может быть, приобрел новых друзей; они открыли ему новую сторону в жизни, и его образ мыслей мог измениться; может быть, он нашел людей с умом возвышенным, с дарованиями решительными, и те качества, которые уважал

---

⁵ Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – русский публицист и общественный деятель, славянофил. – *Сост.*

прежде, уже считает ничтожными. Я, со своей стороны, долгим молчанием дал ему право думать, что и я переменялся, и пр., и пр. Все это оправдывалось одно другим и сливалось в одно тяжелое чувство. Но твое письмо, милое, дружеское, разом уничтожило все сплетение несправедливых предположений, сказав: Кошелев тот же, он тебя любит и уверен в твоей любви.

Благодарю тебя за твои расспросы обо мне и буду охотно отвечать на них обстоятельно, ибо нет тяжелее состояния, как быть не узанным теми, кого мы любим. Для меня на всем земном шаре существуют только два человека, которых одобрением я дорожу, как собственным, – это ты и Титов⁶. И оба вы меня не поняли. Вы думаете, что я, не зная цены жизни, бесполезно трачу свое время, не сожалея о потерянных минутах и не имея в душе того огня, который не позволяет успокоиться в бездействии, за настоящим забываю и прошедшее, и будущее; что я произвольно предоставил обстоятельствам направлять мои поступки по воле случая и оправдываю это состояние (которое ты справедливо называешь состоянием ничтожества) тем, что в нем есть нечто поэтическое. Но в самом деле не знаю я, есть ли поэзия в произвольной утрате самобытности; знаю только, что я не искал такой поэзии. Но не вы виноваты в том, что не поняли меня; виноват один я, или, лучше сказать, те обстоятельства, которые

---

⁶ Титов Владимир Павлович, псевдоним Тит Космократов (1807–1891) – дипломат и литератор. – *Сост.*

ввели меня в двусмысленное положение.

Если бы перед рождением судьба спросила меня: что хочешь ты избрать из двух? Или родиться воином, жить в беспрестанных опасностях, беспрестанно бороться с препятствиями и, не зная отдыха, наградой за все труды иметь одно сознание, что ты идешь к цели высокой, – и лечь на половине пути, не имея даже в последнюю минуту утешения сказать себе, что видел желанное? Или провести спокойный век в кругу мирного семейства, где желанья не выходят из определенного круга возможностей, где одна минута сглаживает другую, и каждая встречает тебя равно довольным, и где жизнь течет без шума и утекает без следа? ...Я бы не задумался о выборе и решительно рукою взял бы меч. Но, по несчастью, судьба не посоветовалась со мною. Она окружила меня такими отношениями, которые разорвать значило бы изменить стремлению к той цели, которая одна может украсить жизнь, но которые сосредоточивают всю деятельность в силу перенесения. И здесь существует для меня борьба, и здесь есть опасности и препятствия. Если они незаметны, ибо происходят внутри меня, то оттого для меня значительность их не уменьшается.

В самом деле, рассмотри беспристрастно (хотя в теперешнем твоём положении это значит требовать многого): какое поприще могу я избрать в жизни, исключая того, в котором теперь нахожусь? Служить – но с какою целью? Могу ли я в службе принести значительную пользу отчеству? Ты гово-

ришь, что сообщение с людьми необходимо для нашего образования, и я с этим совершенно согласен, но ты зовешь в Петербург. Назови же тех счастливых, для общества которых должен я ехать за тысячу верст и там употреблять большую часть времени на бесполезные дела. Мне кажется, что здесь есть вернейшее средство для образования: это возможность употреблять время, как хочешь. Не думай, однако же, что бы я забыл, что я русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего отечества. Нет! Все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? На этом поприще мои действия не будут бесполезны, я могу это сказать без самонадеянности. Я не бесполезно провел мою молодость и уже теперь могу с пользою делиться своими сведениями. Но целую жизнь имея главною целью образовываться, могу ли я не иметь веса в литературе? Я буду иметь его, дам литературе свое направление. Мне все ручаются в том, а более всего сильные помощники, в числе которых не лишнее упомянуть о Кошелеве, ибо люди, связанные единомыслием, должны иметь одно направление. Все те, которые совпадают со мной в образе мыслей, будут моими сообщниками. Кроме того, слушай одно из моих любимых мечтаний: у меня четыре брата, которым природа не отказала в способностях. Все они будут литераторами, и у всех

будет отражаться один дух. Куда бы нас судьба ни завела и как бы обстоятельства ни разрознили, у нас все будет общая цель – благо отечества и общее средство – литература. Чего мы не сделаем общими силами? Не забудь, что когда я говорю мы, то разумею и тебя, и Титова...

Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога. Но чем ограничить наше влияние? Где положишь ты ему предел, сказав *пес plus ultra*⁷? Пусть самое смелое воображение поставит ему геркулесовы столбы⁸ – новый Колумб⁹ откроет за ними новый свет.

Вот мои планы на будущее. Что может быть их восхитительнее? Если судьба будет нам покровительствовать, то представь себе, что лет через 20 мы сойдемся в дружеский круг, где каждый из нас будет отдавать отчет в том, что он сделал, и в свои свидетели призывать просвещение России. Какая минута!

Но если я теперь не делаю ничего, то причина тому, по несчастию, слишком достаточная. Я так расстроил свое здоровье в нынешнюю зиму, что всякое напряжение ума для ме-

---

⁷ До крайних пределов (*лат.*) – *Сост.*

⁸ Геркулесовы столбы – название, использовавшееся в Античности для обозначения высот, обрамляющих вход в Гибралтарский пролив. – *Сост.*

⁹ Колумб Христофор (1451–1506) – испанский мореплаватель итальянского происхождения, в 1492 году открывший для европейцев Новый Свет (Америку). – *Сост.*

ня вредно. Некоторые обстоятельства заставляют даже опасаться чахотки, и поэтому ездить верхом, ходить, спать и прочее составляют все мои занятия. Даже кофе, на который ты так нападаешь, должен я был променять на шоколад *à la santé*. Трубка еще не покидает меня, но это потому, что она мне не вредит. Впрочем, образ жизни моей весьма однообразен. Утро я провожу в своей комнате: читаю романы, стихи и все то, что не требует большого труда. После обеда сплю, а ввечеру езджу верхом. Новых знакомств не делаю и выдаюсь только с Рожалиным¹⁰, Полевым¹¹, Мицкевичем¹² и Соболевским¹³, с которым вместе езджу по окрестностям Москвы. Вот тебе подробный отчет обо всем, что до меня касается. Надеюсь получить от тебя такой же. Если же ты собираешься скоро к нам, то оставь Титову завещание не лениться. Он стал ни на что похож.

---

¹⁰ Рожалин Николай Матвеевич (1805–1834) – русский писатель, литератор, переводчик. – *Сост.*

¹¹ Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – русский писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик. – *Сост.*

¹² Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798–1855) – польский поэт, деятель национально-освободительного движения. – *Сост.*

¹³ Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) – известный библиограф и библиофил. – *Сост.*

3. А. И. Кошелеву

4 июля 1828 года

Москва

Письмо твое доставило мне такое же наслаждение, какое получает скупой, когда пересматривает свои сокровища, и хотя никогда не сомневался в их целости, но, несмотря на то, все-таки чувствует неизъяснимое удовольствие пересчитывать их беспрестанно и снова убеждаться в их невредимости. Те не знают тайн дружества, которые говорят, будто оно чуждается слов, и, конечно, они не испытали прелести дружеских уверений, простых, но крепких, как рукожатие. Когда время очистит наши чувства и воспоминание отделит радость от горя, восторг от скуки, поэзию от прозы – тогда слова дружбы соберутся в одном углу сердечной памяти вместе с лучшими событиями жизни.

Болезнь твоя меня не беспокоит, но ты, как кажется, считаешь ее чем-то важным, и напрасно: вся неприятность крапивной лихорадки ограничивается скукой чесания, и то не больше трех или четырех дней, после которых она проходит безо всяких последствий, кроме большего здоровья.

Мне хотелось, чтобы во время твоей поездки в Рязань ты ограничил бы свои занятия одним мышлением, т. е., не стараясь прибавить к понятиям новых сведений из новых книг, уже полученных прежде, перегонял бы через кубик переду-

мыванья и водку мыслей передвоил бы в спирт. Их количество, может быть, уменьшится, но зато качество прибудет и невольно заставит тебя писать. А это теперь для тебя необходимо. Мне кажется, первый удачный опыт, показав себе свои силы, решит тебе сделаться писателем. Это звание не мешает ничему, но, напротив, еще помогает сделать одним камнем два удара. К тому же не забудь, что ты обещал Погодину¹⁴; он задумал пресмешную вещь: хочет писать особенную брошюрку о том, что политическое равновесие Европы принадлежит к числу тех мыслей, которые вместе с поверьями о колдунах, привидениях и чертях суть порождения невежества и суеверия и в *наш просвещенный* век должны вывестись и исчезнуть при свете *истинного* мышления. Сколько я ни толковал ему, а переубедить не мог, ибо для этого нужно понять, что такое политическое равновесие, а здесь-то и запятая. Однако надеюсь еще остановить его от этой шалости, которая достойна издателя «Московского вестника». Впрочем, ты не говори об этом ни ему, когда увидишься, ни кому другому. Пусть оно умрет вместе со всеми его глупостями. По-моему, эта последняя стоит казаков останкинских.

Сомневаться в моем ответе на твое будущее обещанное письмо не должно. Охотно готов возобновить с тобою бумажную мену мыслей: будь же опять мой кошелек, в который я стану складывать все золото мое. Скажи мое почтение

---

¹⁴ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, коллекционер, журналист и публицист, писатель-беллетрист, издатель. – *Сост.*

твоей маменьке, также и ото всех моих, которые тебя обнимают. Моя маменька с самого твоего отъезда была нездорова, теперь ей лучше. Прощай, твой Киреевский.

4. А. И. Кошелеву

1 октября 1828 года

Получивши твое письмо 17 сентября, я отложил ответ до сегодняшнего дня, потому что решил писать к вам, петербургским, только два раза в месяц, 1-го и 15, для того чтобы писать, ибо иначе я вечно бы остался при одних сборах. Итак, ты не должен на меня сердиться за медленность ответа и наперед приучи себя ждать 2 недели, выключая экстренных случаев. Я лучше хочу наверное писать изредка, нежели собираться целый год – писать каждый день, т. е. я не хочу брать примера с людей, каков Кошелев. Нечего сказать, министр на обещания! Хотел писать часто и до сих пор написал только одно письмо; хотел прислать отрывки из своих сочинений об истории, и я уверен, и сочинения, и отрывки sind noch im Werden¹⁵. Хотел перевести Cousin¹⁶, хотел прочесть

---

¹⁵ Существуют пока в стадии становления (нем.). – *Сост.*

¹⁶ Кузен (Cousin) Виктор (1792–1867) – французский философ и политический деятель, в 1828–1851 профессор философии в Сорбонне, член Государственного совета при Луи Филиппе, пэр Франции, член Французской академии (с 1830) и Академии моральных и политических наук (с 1832), министр просвещения (1840). – *Сост.*

всего Гердера¹⁷, и я дам руку отсечь, что ты одного не кончил, а другого и не начинал. Знаешь ли ты, отчего ты до сих пор ничего не написал? Оттого, что ты не пишешь стихов. Если бы ты писал стихи, тогда бы ты любил выражать даже бездельные мысли, и всякое слово, хорошо сказанное, имело бы для тебя цену хорошей мысли, а это необходимо для писателя с душой. Тогда только пишется, когда весело писать, а тому, конечно, писать не весело, для кого изящно выражаться не имеет самобытной прелести, отдельной от предмета. И потому: хочешь ли быть хорошим писателем в прозе? – пиши стихи. Я уверен, что Титов моего мнения. Что Шеллинг¹⁸ любит поэзию и хорошо знает всех древних и новых поэтов, это известно, но, читая его речь об искусствах, нельзя сомневаться, что бы он в молодости не писал стихов. Зато Кант¹⁹, поручусь, не прибрал ни одной рифмы, зато они незванные приходили к нему в его прозе, зато читатели Канта к читателям Шеллинга как 5 к 5000. Изо всего этого следует: Кошелев, пиши стихи! Не будешь писать стихов, не будешь иметь читателей, как бы твои мысли хороши ни были, следовательно: Кошелев, пиши стихи!

Я уверен, что не только для усовершенствования слога,

---

¹⁷ Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ, писатель-просветитель. – *Сост.*

¹⁸ Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) – немецкий философ. – *Сост.*

¹⁹ Кант (Kant) Иммануил (1724–1804) – немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии. – *Сост.*

но и для образования ума и воображения, для развития чувства изящного (которое, как мы с тобой знаем, есть начало, причина, мера и цель всякого усовершенствования), следовательно, для счастья жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни необходимо писать стихи, и поэтому, Кошелев, пиши стихи!

Ты, верно, согласен, что чем образованнее человек, тем он лучше владеет своим языком, но разве эту мысль, и ты увидишь, что в ней самой заключается еще другая: чем лучше человек владеет языком, тем он образованнее. Следовательно, опять возвратимся к моему припеву: Кошелев, пиши стихи!

Не думай, что бы это была шутка или что я пишу к тебе об стихах от *ничего писать*: нет, у меня это крепко лежит на сердце, и я считаю *за долг* говорить тебе об том, что мне кажется в тебе недостатком. Впрочем, если ты знаешь другое средство заставить себя заниматься языком для самого языка, тогда, пожалуй, можешь и не писать стихов. Но мне все-таки лучшим средством кажутся стихи, поэтому: Кошелев, пиши стихи!

Перейдем к прозе, т. е. к моим занятиям. С твоего отъезда мои занятия состояли в ничегонеделании. Прожектов много, но лени еще больше. Не думай, однако, что б я не писал стихов: я часто их делаю, хотя, разумеется, никому не показываю. Но мое стихотворство не помешает моей деятельности. Не знаю, отчего, мне даже некогда читать то, что хочется, а

некогда оттого, вероятно, что я ничего не делаю. Правда, я прочел комедий 200 после твоего отъезда, одну сыграл, одну перевел, но мои прожекты об Жуковском²⁰, об критике, об философии в России – до сих пор все еще прожекты. На днях намерен приняться за исполнение. Между тем много еще других сочинений-кандидатов, которые просятся в комплект, но которых я до сих пор оставляю при особенных поручениях. А между тем ты понимаешь, что они друг другу мешают, перебивают друг у друга места и пр. Но я буду писать, и скоро. Если бы ты знал, как весело быть писателем. Я написал одну статью, говоря по совести, довольно плохо и, если бы мог, уничтожил бы ее теперь. Но, несмотря на то,

---

²⁰ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, сочинивший множество элегий, посланий, песен, романсов, баллад и эпических произведений. Также известен как переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог. В 1817–1841 гг. учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Федоровны и наставник цесаревича Александра Николаевича. Тайный советник (1841). Автор слов государственного гимна Российской империи «Боже, Царя храни!» (1833). В литературном отношении считал себя учеником Н. М. Карамзина. Литературный наставник А. С. Пушкина. Реформатор русской поэзии, в число стихотворных размеров русского языка ввел амфибрахий и белый пятистопный ямб. Усовершенствовал русский гекзаметр. Автор классического перевода «Одиссеи» (1842–1846). В. А. Жуковский был родственником И. В. Киреевского по материнской линии. Авдотья Петровна Елагина-Киреевская родилась в селе Петрищево Белёвского уезда Тульской губернии в семье помещика Петра Николаевича Юшкова, занимавшего видное место в тульской губернской администрации. Ее мать Варвара Афанасьевна Бунина (1769–1797) была сестрой по отцу и крестной В. А. Жуковского, который стал первым учителем Авдотьи Петровны и на всю жизнь ее другом. – *Сост.*

эта одна плохая статья доставила минуты неоцененные; кроме многого, скажу только одно: есть в Москве одна девушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю и которая отроду меня не видывала. Тут еще нет ничего особенно приятного, но дело в том, что у этой девушки есть альбом, куда она пишет все, что ей нравится, и, вообрази, подле стихов Пушкина²¹, Жуковского и пр. списано больше половины моей статьи. Что она нашла в ней такого трогательного, я не знаю, но, несмотря на то, это одно может заставить писать, если бы даже в самой работе и не заключалось лучшей награды.

Кстати или не кстати: на другой день после твоего отъезда был у меня А. П.²² с своею поэмою²³. Я уговорил его не печатать ее, не сделавши некоторых поправок, а поправки я ему задал такие, что, надеюсь, будет работы по крайней мере еще на год. Мне того только и хотелось, ибо в поэме много хороших мест, но вся она никуда не годится. Чем больше он будет поправлять ее, тем лучше. Я знаю, ты другого мнения, но если ты хочешь спорить, то я возвращусь опять к старому припеву: Кошелев, пиши стихи. Между тем пиши письма. Сделай по-моему, пиши редко и много. Отчего бы, например, не развивать тебе твои мысли об истории в письмах ко

---

²¹ Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – русский поэт, драматург и прозаик, критик и теоретик литературы, историк, публицист. – *Сост.*

²² Вероятно, А. С. Пушкин. – *Сост.*

²³ Вероятно, «Борис Годунов». – *Сост.*

мне! Мы будем спорить, толковать, и, право, это будет нам обоим полезно, а всего полезнее для твоего сочинения, ибо это заставит тебя невольно больше и чаще об нем думать. Одно условие: пиши без приготовлений, что в голову придет, и в том порядке, как придет в голову, иначе мне век не дожидаться твоего письма. Такая переписка всего лучше познакомит нас с положением друг друга: для нас теоретические мысли еще жизнь, наша опытность – опытность ума, покуда мы не будем богаче делами, чем мыслями, до тех пор, вместо вопросов о здоровье, житье-бытье и пр., нам надо спрашивать друг у друга: какие перемены в нашем образе мыслей? Ответом на этот вопрос мы скажем все. В старости будет у нас другая переписка.

Твоим мыслям о *Cousin* я очень рад. Что ты говоришь о его лекциях, я то же думал об его «*Fragments philosophiques*²⁴». Но я еще больше рад тому, что тебе нравится Гердер. Не испорченность ума, как ты думаешь, но большая зрелость заставляет тебя предпочитать поэтическое сухим выкладкам. Сам Шеллинг – поэт там, где дает волю естественному стремлению своего ума. Только необходимость приноравливаться к ограниченному понятию читателей заставляет его иногда быть сухим. Но, мне кажется, он в этом ошибся: кто не понял мысль чувством, тот не понял ее точно так же, как и тот, кто понял ее одним чувством. Но для меня непонятно то, что ты говоришь о пламенной любви Гердера ко *Вселен-*

---

²⁴ Философские фрагменты (фр.). – Сост.

ной. Что такое любовь ко Вселенной? Ты что-то не то хотел сказать.

Было у меня еще что-то сказать тебя, но теперь забыл. Прощай.

5. М. П. Погодину

Начало 1830 года

Петербург

Благодарю тебя, любезный Погодин, за твое письмо. Ты хочешь, чтобы я подробно высказал мое мнение о твоей персоне, и потому надобно распространиться. Прежде всего, однако, надобно поблагодарить тебя за доверенность в мою правдивость, доверенность, которая, впрочем, больше тебе комплимент, нежели мне. Но скажи, пожалуйста: что за мысль исповедоваться друг другу на письме, тогда как мы два дня назад могли говорить друг другу то же и полнее, и свободнее. Как ни коротко знаком с человеком, но все легче сказать ему правду в глаза, нежели написать ее заочно. Или, может быть, ты думаешь, что я стану тебя хвалить; в последнем случае ты очень ошибся. Все хорошее, что есть в тебе, так испорчено, задавлено дурным или, лучше сказать, незрелым, неразвитым диким началом твоего существа, что нельзя довольно повторять тебе о твоих недостатках. Несвязность, необдуманность, *взбалмошность*, соединенная с очень добрым сердцем, с умом, очень часто одно-

сторонним, – вот ты и как литератор, и как человек. Одно может тебя исправить: искать и найти круг людей, которых бы мнением ты дорожил, как святыней, ибо нельзя довольно убедиться в том, что человек образуется только человеком. Если же ты останешься теперешним человеком, то, конечно, сделаешь много хорошего, может быть, иное рыцарски прекрасное, но *наверное* сделаешь много и такого, что просто называется *нечистым поступком*. Бойся этого! И не обидься грубостью моей искренности. Ты думаешь, что сделал все, когда оправдал свой поступок чистотой намерений, но это важная, *смертельная ошибка*. Кроме *совестного суда*, для наших дел есть еще другая инстанция, где председательствует *мнение*. Им ты и не дорожишь, ибо слишком много веришь в собственное. Но это мнение, не забудь, его зовут – *честь*. Можно быть правым в одной инстанции, а виноватым в другой. Но для истинного достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человека необходимо, чтобы каждый поступок удовлетворял и тому, и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. Вот одно правило, которое я всегда почитал истинным, в которое верю еще и теперь, ибо понимаю его ясно и необходимо, вот оно: если я сегодня страдаю невинно, то, верно, вчера я был виноват в том же безнаказанно и способен был сделаться виновным завтра, а наказание только предупредило, вылечило меня наперед, как горькое кушанье, исправляя желудок, предупреждает его близкое расстройство. Ибо Провидение несправедливо быть

не может, а способность к дурному или хорошему для него равнозначительна с действительным поступком. Ибо время, которое разделяет семя от плода, для него прозрачное зеркало, воздух. Вот отчего если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу и перемени ее в желанную внутренним преобразованием самого себя. Но повторяю, только люди могут воспитать человека! Ищи их и знай, что каждый шаг, сближающий тебя с недостойным, тебя отдаляет от достойных. О сочинении твоём я не говорил и не скажу никому. Пушкину очень понравился твой «Иван», и он обещал писать и послать тебе кое-что. Все здешние тебе кланяются. Жуковский благодарит за память. Кстати, покуда ты не узнал всех утонченностей того чувства, которое называют приличием, то из тебя никогда не будет проку. Нехорошо бы кончить так, но бумаги нет.

6. Родным

11 января 1830

11 часов вечера

<...> Как провели вы нынешний день? Я встретил его тяжело, а кончил грустно, следовательно, легче: я кончил его с Жуковским, у которого в комнате пишу теперь. Хотелось бы рассказать вам все, что было со мною до сих пор и, лучше сказать, было во мне, но этого так много, так смешано, так нестройно. Оставляя Москву, я уже оставил родину; в ней все,

что в отечестве не могила, и все, что могила, — я оставил все; на дорогу вы отпустили со мною память о ваших слезах, которых я причиною. Осушите их, если любите меня, простите мне то горе, которое я доставил вам, — я возвращусь скоро. Это я чувствую, расставшись с вами. Тогда, может быть, мне удастся твердостью, покорностью судьбе и возвышенностью над самим собою загладить ту слабость, которая заставила меня уехать, согнуться под ударом судьбы.

Половина первого

Я остановился писать, задумался и, очнувшись, уже не в состоянии продолжать. Прощайте до завтра. Трое суток я почти не спал, а сегодня почти ничего не ел и оттого устал очень, хотя здоров совершенно. Боюсь только, что завтра не вспомню всего, что говорил с Жуковским. Вы теперь еще не легли, а вы, маменька, еще, может быть, долго не заснете? Чем заплачу я вам?»

7. Родным

12 января 1830 года

Я приехал в Петербург вчера в два часа. В конторе дилижансов меня ждали уже два письма: одно от А. П.²⁵, другое от

---

²⁵ Очевидно, Петерсон Александр Петрович (1800— после 1877) — историк, сводный брат А. П. Елагиной (урожденной Юшковой). Учился в Дерпте. В дет-

Жуковского. Первая приискала для меня квартиру, а Василий Андреевич звал переехать прямо к нему. Я так и сделал. Жуковский обрадовался мне очень и провел со мною весь вечер, расспрашивал обо всех нас, радовался моему намерению ехать учиться и советовал ехать в Берлин хотя на месяц. «Там на месте ты лучше увидишь, что тебе делать: оставаться в Берлине или ехать в Париж». Последнее, однако, кажется, ему не нравится. Я послушаюсь его, поеду в Берлин, проведу там месяц, буду ходить на все лекции, которые меня будут интересовать, познакомлюсь со всеми учеными и примечательными людьми, и если увижу, что берлинская жизнь полезнее для моего образования, нежели сколько я ожидаю от нее, то останусь там и больше... Разговор Жуковского я в связи не припомню. Вот вам некоторые отрывочные слова, которые остались у меня в памяти; вообще каждое его слово, как прежде было, носит в себе душу, чувство, поэзию. Я мало с ним разговаривал, потому что больше слушал и старался удержать в памяти все хорошо сказанное, т. е. все похожее на него, а хорошо сказано и похоже на него было каждое слово.

При нем невольно теплеешь душою, и его присутствие дает самой прозаической голове способность понимать поэзию. Каждая мысль его – ландшафт с бесконечною перспективою. Вот что я запомнил из его разговора: «Изо всех нас твоя мать переменялась меньше всех. Она все та же, по край-

---

стве жил в доме Киреевских; в Дерпте – у Воейковых и Мойеров; в 1840-х годах поселился с семьей у А. П. Зонтаг в Мишенском. – *Сост.*

ней мере так кажется из ее писем. Все, кажется, она пишет *одно* письмо. Ты будешь со временем писателем, когда поучишься хорошенько. Теперь об этом еще и думать рано. У тебя в слоге, сколько я читал твои сочинения, есть свой характер: виден человек мыслящий, но еще молодой, который кладет свои мысли на прокрустову постель. Но со временем это качество может быть полезно, ибо это доказывает привычку думать. Теперь тебе надо наблюдать просто, бескорыстно. Теории только вредны, когда мало фактов. Замечай сам все и не старайся подвести под систему твои наблюдения: бойся вытянуть карлу и обрубить ноги великану. Впрочем, слог твой мне нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? У твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писал лучше ее. Ее письма совсем она. Она, М. А. и А. А.²⁶ – вот три. А. А. писала прекрасно, и *il y avait du génie dans son style*²⁷». Тут приехал г. Апухтин²⁸, и я ушел в ту комнату, которую Жуковский отвел для меня. Мне бы хотелось описать вам эту комнату, потому что она произвела на меня сильное впечатление своими картинами. Горница почти квадратная. С одной стороны два окна и зеркало, перед которым бюст покойной прусской королевы, прекрасное лицо и хорошо сде-

---

²⁶ Мария Андреевна Протасова, в замужестве Мойер (1793–1823) и Александра Андреевна Протасова, в замужестве Воейкова (1795–1829) – дочери сводной сестры В. А. Жуковского Екатерины Афанасьевны Протасовой, урожденной Буниной (1770–1848). – *Сост.*

²⁷ Было нечто гениальное в ее стиле (*фр.*). – *Сост.*

²⁸ Неустановленное лицо. – *Сост.*

лано. Она представлена сонною. На другой стене картины Фридриха²⁹. Посередине большая: ночь, луна и под нею сова. По полету видно, что она видит; в расположении всей картины видна душа поэта. С обеих сторон совы висит по две маленьких четырехугольных картинки. Одна – подарок Александра Тургенева, который сам заказал ее Фридриху. Даль, небо, луна, впереди решетка, на которую облокотились трое: два Тургенева³⁰ и Жуковский. Так объяснил мне сам Жуковский. Одного из этих мы вместе похоронили, сказал он. Вторая картинка: ночь, море и на берегу обломки трех якорей. Третья картина: вечер, солнце только что зашло, и запад еще золотой; остальное небо, нежно-лазуревое, сливается с горою такого же цвета. Впереди густая высокая трава, посередине которой лежит могильный камень. Женщина в черном платке, в покрывале, подходит к нему и, кажется, боится, чтобы кто-нибудь не видал ее. Эта картина понравилась мне больше других. Четвертая к ней – это могила жидовская. Огромный камень лежит на трех других меньших. Никого нигде нет. Все пусто и кажется холодно. Зеленая трава наклоняется кой-где от ветра. Небо серо и испещрено облаками; солнце уже село, и кой-где на облаках еще не погасли последние отблески его лучей. Этим наполнена вторая

---

²⁹ Фридрих (Friedrich) Каспар Давид (1774–1840) – немецкий живописец. – *Сост.*

³⁰ Андрей Иванович Тургенев (1781–1803) – поэт и его брат Александр Иванович Тургенев (1784–1845) – русский общественный деятель, историк. – *Сост.*

стена против двери. На третьей стене четыре картины, также Фридриховой работы. На одной, кажется, осень, внизу зеленая трава, наверху голые ветви деревьев, надгробный памятник, крест, беседка и утес. Все темно и дико. Вообще природа Фридрихова какая-то мрачная и всегда одна. Это остров Рюген, на котором он жил долго. Другая картина – полуразвалившаяся каменная стена; наверху, сквозь узкое отверстие, выходит луна. Внизу, сквозь ворота, чуть виден ландшафт: деревья, небо, гора и зелень. Третья картина: огромная чугунная решетка и двери, растворенные на кладбище, которое обросло густою, непроходимую травой. Четвертая картина: развалины, образующие свод посередине колонны, подле которой стоит, облокотившись, женщина. Она обернулась задом, но видно, по ее положению, что она уже давно тут, давно задумалась, засмотрелась ли на что-нибудь, или ждет, или так задумалась – все это мешается в голове и дает этой картине необыкновенную прелесть. Между дверью и окном мадонна с Рафаэлевой³¹ – чей-то подарок. Две стены комнаты занимает угловой диван, подле которого большой круглый стол – подарок прусского принца. Он сам разрисовал его. Когда Апухтин уехал, я опять пришел к Жуковскому. Ему принесли «Северную пчелу», и разговор сделался литературный. Про Булгарина³² он говорит, что у него есть

---

³¹ Рафаэль, Раффаэлло Санти (1483–1520) – итальянский живописец и архитектор. – *Сост.*

³² Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – русский журналист, писатель,

что-то похожее на слог и, однако, нет слога, есть что-то похожее и на талант, хотя нет таланта, есть что-то похожее на сведения, сведений нет – одним словом, это какой-то восковой человек, на которого разные обстоятельства жизни положили несколько разных печатей, разных гербов, и он носит с ними, не имея ничего своего.

«Выжигин» ему крепко не нравится, также и «Самозванец»; он говорил это самому Булгарину, который за то на него сердится. «Юрий Милославский» ему понравился очень. Я показывал ему детский журнал и сочинения. Он прочел все с большим удовольствием, смеялся и особенно радовался повестью, которую хвалил на каждом почти слове. Расспрашивал об нашем житье-бытье, взял мою статью на ночь и улегся спать. На другой день говорил, что она ему не понравилась. Опять прокрустова постель, говорит он. Где нашел ты литературу? Какая к черту в ней жизнь? Что у нас своего? Ты говоришь об нас, как можно говорить только об немцах, французах и пр. «Душегрейка» ему не понравилась, о Баратынском³³ также – одним словом, он почти ничего не похвалил. Говорит, однако же, что эта статья так же хорошо написана, как и первая, и со временем из меня будет прок, только надобно бросить прокрустову постель.

автор «нравоописательных» романов «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин» и др., издатель газеты «Северная пчела», журналов «Северный архив» и «Сын отечества». – *Сост.*

³³ Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) – русский поэт. – *Сост.*

<...> Потом я отправился к Титову и Кошелеву. Обедали мы вместе с Жуковским, который остался дома нарочно для меня, расспрашивал про Долбино, про Мишенское. Все дома, говорит он, все следы прежнего уже не существуют. В Москве я не знал ни одного дома, они сторели, перестроены, уничтожены, в Мишенском также, в Муратове также. И это, казалось ему, было отменно грустно. После обеда он лег спать в моей комнате, я также. В вечеру он отправился в Эрмитаж, а ко мне пришел Кошелев и увел меня к Одоевскому, где ждал Титов. Кошелев и Титов оба зовут меня переехать к ним, но кажется, что я не стесняю Жуковского. Здесь я останусь до следующей среды, до 22-го января. В своих я нашел здесь еще больше дружбы и теплоты, нежели сколько ожидал. Говоря свои, я разумею Титова и Кошелева. Вчерашний вечер у Одоевских³⁴ была совсем Москва.

Я был вчера в Казанском соборе и слушал Евангелие загадавши, но не расслушал ни одного слова, кроме последнего: *«И возвратится в дом свой»³⁵*.

Прощайте, пора на почту.

---

³⁴ Одоевский Владимир Федорович (1803–1869) – русский писатель, философ, педагог, музыкальный критик, председатель общества Любомудрия (1823–1825), издатель альманаха «Мнемозина» (1824–1825), один из основных деятелей журнала «Московский вестник» (1827–1830), соредaktor пушкинского «Современника», князь. – *Сост.*

³⁵ См.: Втор. 20, 5. – *Сост.*

8. Родным

14 января 1830 года

<...> Оттуда я пошел осматривать петербургские улицы и зашел в лавку к Смирдину³⁶. «Вертер», который у него был, уже весь продан³⁷. Он просит прислать ему экземпляров 20 на комиссию. Полевого «Истории»³⁸ у него разошлось около 200 экз., т. е. почти все, на которые он подписался. «Юрий Милославский» был расхвачен в одну минуту, и теперь его в Петербурге нельзя найти до нового получения из Москвы. Видел там «Денницу», и ее издание мне очень понравилось. Скажите это Максимовичу³⁹, которому кланяются все здешние и я включительно. Выйдя из лавки Смирдина, я озяб порядочно и отправился обедать к Демуту⁴⁰, оттуда к Титову, там домой. Вечеру явились Титов и Одоевский, с которы-

---

³⁶ Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) – русский издатель и книгопродавец. – *Сост.*

³⁷ Перевод Н. М. Рожалина, изданный А. А. Елагиным. – *Сост.*

³⁸ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1–6. 1829–1833. – *Сост.*

³⁹ Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – ботаник, фольклорист и историк. – *Сост.*

⁴⁰ Демутов трактир – дом № 40 на Набережной реки Мойки. В 1796 году французский купец Филипп Яков Демут переоборудовал выкупленный в 1765 году у адмирала Захара Мишукова дом в гостиницу на 50 номеров. К «трактиру» относилось два корпуса: дом со стороны Мойки был двухэтажным, со стороны Большой Конюшенной – трехэтажным. – *Сост.*

ми мы просидели до часу ночи. Жуковский, который сидел вместе с нами, был очень мил, весел, любезен, несмотря на то что его глаза почти слипались, как говорит Вася⁴¹, ибо он обыкновенно ложится в 10 часов. Он рассказывал много интересного про свое путешествие, про Жан-Поля⁴², говорил об «Истории» Полевого, об «Юрии Милославском» и пр., словом, выискивал разговор общезанимательный. Я еще не описал вам его образа жизни, потому что не хорошо знаю его и не успел расспросить всего подробно. Я выезжаю отсюда ровно через неделю, потому ответ на это пишите ко мне в Берлин, *poste restante*⁴³.

9. Родным

15 января 1830 года

<...> Я всякий день вижусь с своими петербуржцами: с Титовым, Кошелевым, Одоевским и Мальцевым⁴⁴. Пушкин был у нас вчера и сделал мне три короба комплиментов об моей статье⁴⁵. Жуковский читал ему детский журнал, и

---

⁴¹ Очевидно, В. А. Елагин. – *Сост.*

⁴² Жан Поль (Jean Paul), настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (1763–1825) – немецкий писатель. – *Сост.*

⁴³ До востребования (*нем.*). – *Сост.*

⁴⁴ Мальцев (Мальцов) Иван Сергеевич (1807–1880) – дипломат и литератор. – *Сост.*

⁴⁵ Очевидно, речь идет о статье И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии

Пушкин смеялся на каждом слове, и все ему понравилось. Он удивлялся, ахал и прыгал, просил Жуковского «Зиму» напечатать в «Литературной газете», но Жуковский не дал. На «Литературную газету» подпишитесь непременно, милый друг папенька, – это будет газета достоинства европейского, большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средство в критике, в простом извещении об книге, быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах. В его извещении об «Исповеди амстердамского палача» вы найдете, как говорит Жуковский, и ум, и приличие, и поэзию вместе.

<...> Жуковского опять нет дома, у него почти нет свободной минуты, оттого немудрено ему лениться писать. Вчера, однако, мы виделись с ним на минуту поутру и вместе провели вечер с Пушкиным.

10. Родным

17 января 1830 года

<...> Дни мои проходят все одним манером. Поутру я встаю поздно часов в 11, пишу к вам, потом одеваюсь, кто-нибудь является ко мне или я отправляюсь куда-нибудь; потом обедаю по большей части в трактире, после обеда я сплю или гуляю; ввечеру, если дома, то с Жуковским, а если не дома, то с петербургскими москвичами; потом еду к вам в

Москву, т. е. ложусь спать; в эти два часа, которые проходят между раздеванием и сном, я не выхожу из-за Московской заставы. Вчера Жуковский сделал вечер, как я уже писал к вам; были все, кого он хотел звать, выключая Гнедича⁴⁶, место которого заступил Василий Перовский⁴⁷, и, следовательно, число 12 не расстроилось. Жуковский боялся тринадцати, говоря, что он не хочет, чтобы на моем прощальном ве-

---

⁴⁶ Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – русский поэт, переводчик. – *Сост.*

⁴⁷ Перовский Василий Алексеевич (1794–1857) – побочный сын графа А. К. Разумовского, брат писателя Алексея Алексеевича Перовского (псевдоним Антоний Погорельский), участник Отечественной войны 1812 года. Близкий друг и с 1818 г. адъютант великого князя Николая Павловича. В. А. Перовский находился в приятельских отношениях с Жуковским. Одно время они оба были увлечены графиней С. А. Самойловой. Между ними произошло по этому поводу откровенное объяснение, в результате которого Жуковский отказался от своих притязаний на Самойлову, свидетельством чего явилось послание «К***» (23 июля – 2 августа 1819), впоследствии напечатанное в «Московском телеграфе» (1827. № 7): Товарищ! Вот тебе рука! Ты другу вовремя сказался; К любви душа была близка: Уже в ней пламень загорался, Животворитель бытия, И жизнь отцветшая моя Надеждой снова зацвела! Опять о счастье мне шептала Мечта, знакомец старины... По-видимому, Перовскому же адресованы и следующие стихотворные строки, написанные Жуковским 11 июля 1819 г.: Счастливец! Ею ты любим! Но будет ли она любима так тобою, Как сердцем искренним моим, Как пламенной моей душою! Возьми ж их от меня – и страстию своей Достоин будь своей судьбы прекрасной! Мне ж сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно, Когда всего отдать нельзя на жертву Ей! Графиня С. А. Самойлова оказалась равнодушной к обоим поклонникам и в апреле 1821 г. вышла замуж за графа Бобринского. В 1833 г. В. А. Перовский назначен оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса. Руководил ранними попытками завоевания Средней Азии – Хивинским походом (1839–1840) и Кокандским походом (1853). – *Сост.*

через было несчастное число. Чтобы дать вам понятие о Крылове⁴⁸, лучше всего повторить то, что говорит об нем Жуковский, т. е. что это славная виньетка для его басен: толстый, пузатый, седой, чернобровый, кругломордый, старинный, в каждом движении больше смешной, чем острый. Пришел Мальцев. Прощайте до завтра.

11. Родным

20 января 1830 года

<...> Неужели вы не получаете моих писем, тогда как я писал каждый день, три раза во время дороги и здесь уже раз 12? Не носят ли писем моих кому другому? Нет ли другой Елагиной у Красных ворот? Если вы теперь получили мои письма, то вы видели из них, что вчера я еще раз осматривал Эрмитаж. Я употребил на это три часа: стоял перед некоторыми картинами более 1/4 часа и потому все еще не видал большей половины, как должно. Оттуда я отправился к Dubois (это род Audrieux)⁴⁹, где меня ждали Титов и Кошелев; оттуда к Одоевскому, потом домой, где проспорил с Василием Андреевичем до 1-го о фламандской школе и, кажется, опять оставил о себе такое же мнение, какое он имел обо мне после первого нашего свидания в 26 году. Но я не

---

⁴⁸ Крылов Иван Андреевич (1769 или 1768–1844) – русский писатель, баснописец, журналист. – *Сост.*

⁴⁹ Одрие Дюбуа (*фр.*). Очевидно, условленное место встречи. – *Сост.*

раскаиваюсь: когда-нибудь мы узнаем друг друга лучше. Он читал мне некоторые стихи свои, давнишние, но мне неизвестные, – к фрейлинам, к Нарышкину⁵⁰, на заданные рифмы и пр. *Cette profanation du génie choque*⁵¹. Теперь он не пишет ничего, и тем лучше. Поэтическое дело важнее поэтических стихов. Но окончивши, ему опять хочется возвратиться к поэзии и посвятить остальную жизнь греческому и переводу «Одиссеи».

Если бы я мог высказать вам дружбу, которую мне показывают здесь все наши, то верно доставил бы вам этим большое удовольствие, особенно Кошелев, который обходится со мною так, как только делается между родными братьями. Жуковский надавал мне кучу рекомендательных писем в Берлин и Париж, кроме того, подарил мне свою дорожную чернильницу и ящик со складными перьями. Он читал письма Петрушины⁵² и говорит об них с большим чувством. В самом деле письма брата так хороши, что по ним можно узнать его. Жуковский обещается писать к вам после моего отъезда, и я уверен, что сдержит слово. Напишите мне в Берлин все,

---

⁵⁰ Жуковский В. А. Письмо к А. Л. Нарышкину («Нарышкин, человек случайный...»). Нарышкин Александр Львович (1760–1826) – царедворец и остролов; обер-гофмаршал (1798), обер-камергер (1801), директор Императорских театров (1799–1819). Несмотря на притеснения кредиторов, А. Л. Нарышкин жил в свое удовольствие и давал блестящие праздники, благодаря чему запомнился как незлобивый человек, пользовавшийся общим расположением. – *Сост.*

⁵¹ Эта профанация гения шокирует (*фр.*) – *Сост.*

⁵² П. В. Киреевский. – *Сост.*

что он скажет обо мне. По многим причинам мне это будет отменно интересно. Если можно, пишите обо всем, что для меня может быть интересно, и что мне весело будет узнать, и что нет, — только бы я знал.

12. Родным

26 января 1830 года

Рига

Вот он я, в Риге. Вчера ввечеру приехал и вчера же отправился с письмом от Жуковского к прокурору Петерсону⁵³, которым studiosus⁵⁴ Петерсон⁵⁵ страшал станционных смотрителей. Этот прокурор Петерсон принял меня как родного, как друга. Но в будущем письме я опишу это подробно. Сегодня целый день провел я в расхаживаньи, в разъездах по городу, которого достопримечательности показывал мне этот милый толстый прокурор. Сейчас из Муссы, где видел немцев, которые еще Vorschmack⁵⁶ тех немцев, к которым еду. В Дерпте я не был у бабушки⁵⁷, потому что проезжал через Дерпт в 2 часа ночи, но видел их дом и отсюда пошлю ваше письмо вместе со своим и с вашим образом. Прощай-

---

⁵³ Петерсон Остафий (?—?). — прокурор Риги. — *Сост.*

⁵⁴ Студент (нем.). — *Сост.*

⁵⁵ А. П. Петерсон. — *Сост.*

⁵⁶ Являются позором (нем.). — *Сост.*

⁵⁷ Е. А. Протасова. — *Сост.*

те, уже 1 час, а завтра мне надо вставать в 6, менять деньги, пить кофе у Петерсона⁵⁸ и поменять паспорт, который оказался недействительным, ибо по новому постановлению он живет только три недели. Найду ли я на почте письмо от вас? Я оставлю здесь у Петерсона⁵⁹ подробное описание моего отъезда из Петербурга сюда, до последнего часа отсюда в Кенигсберг. Петерсон отправит это на следующей почте.

13. Родным

27 января 1830 года

Я ошибся вчера числом и вместо 26 поставил 27. Сегодня, т. е. в понедельник, я последний день в Риге и завтра вместе со светом выезжаю в Кенигсберг, куда нанял извозчика за 40 рублей серебром. Это очень дешево, по мнению целой Риги, потому что я познакомился почти с целой Ригой у милого, почтенного, толстого, доброго Петерсона⁶⁰, который совершенно изленил меня своею добротою, добродушием, готовностью к добру и умением его делать. Весело видеть человека, которого почти каждая минута посвящена пользе и добру. Он пользуется здесь всеобщим уважением и заслуживает его более чем кто другой. *Das Rechte*⁶¹ – вот его цель, его

---

⁵⁸ А. П. Петерсон. – *Сост.*

⁵⁹ А. П. Петерсон. – *Сост.*

⁶⁰ А. П. Петерсон. – *Сост.*

⁶¹ Нужный человек (*нем.*). – *Сост.*

любовь, его божество. В два или три дня, которые я пробыл здесь, я успел уже узнать его так хорошо, что готов отвечать головою за каждый его поступок. Право, он успел уже сделать столько хорошего, показать столько доброты, сколько у другого честного человека растянется на всю жизнь. В исполнении своей должности он отличается каким-то рыцарством законности, независимостью от посторонних толков и частных волей (как вы говорите), самостоятельностью характера, твердостью, прямою и необыкновенным знанием дела и людей. Вот общая молва об нем всего города. Комната его с утра до вечера набита людьми, из которых одни приходят просить у него совета, другие помощи, третьи услуги, четвертые приходят толковать о городских новостях, пятые ничего не делать, и для всех для них достанется у него времени, охоты и веселости. Теперь особенно дом его набит народом, потому что все почетное дворянство остзейских провинций съехалось сюда провожать маркиза Паулучи⁶², который через неделю едет в Италию, оставляя свое место графу Палену⁶³. Со мной Петерсон обошелся так, как обходятся с 20-летним другом. Но я расскажу вам подробно: из Петербурга выехал я 22-го. Жуковский, Мальцев, Титов и Кошелев провожали меня в контору дилижансов. Все провожав-

---

⁶² Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849) – маркиз, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор. – *Сост.*

⁶³ Пален Матвей Иванович, Carl Magnus Freiherr von der Pahlen (1779–1863) – генерал от кавалерии, рижский военный губернатор (1830–1845), барон. – *Сост.*

шие меня обещались в тот же день писать к вам. Напишите, кто сдержит слово. Дорога была довольно беспокойна, потому что дилижансы из Петербурга в Ригу устроены скверно. Через Дерпт я проехал в 2 часа ночи и не видал никого и ничего. Но только дышать дерптским воздухом и знать, что здесь университет, здесь «Ласточка» и пр. – все это так живо напоминает нашего Петерсона⁶⁴ и Языкова⁶⁵, что мне было в Дерпте и весело, и скучно. В Ригу я приехал 25-го в 12 часов, остановился в трактире «Петербург», напился кофе, выбрился, разложился; между тем пришло время обеда, после которого я улегся спать и в восьмом часу отправился к прокурору Петерсону. У него я застал большое общество и музыку. Он сам маленький, толстый, плешивый, в теплом пестром халате сидит важно посреди комнаты в больших креслах, которые едва вмещают его персону. Когда я отдал ему письмо от Жуковского и назвал свое имя, он вскочил, бросился обнимать меня и пришел в совершенный восторг. Когда первый порыв его кончился, прерванная музыка доигралась, то он повел меня в другую комнату, прочел письмо Жуковского, говорил много об нем в Дерпте, с большим чувством, с большою душою и, растроганный разговором и воспоминанием, достал кошелек, который подарила ему А. А. W.⁶⁶ при прощании, и поцеловал его со слезами, говоря, что это луч-

---

⁶⁴ А. П. Петерсон. – *Сост.*

⁶⁵ Языков Николай Михайлович (1803–1846) – русский поэт. – *Сост.*

⁶⁶ А. А. Воейкова. – *Сост.*

шее сокровище, которое он имеет. На другой день этот кошелек отдавал мне на память. Нужно ли еще рассказывать вам, как он обходился со мною? Интересного я в Риге видел: 1) Die Domkirche, где недавно отвалился камень и открылся замурованный человек: это был рыцарь, заколовший епископа в этой же церкви. Вот повесть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, внутри все перекрашено, выбелено и – чисто. 2) Дом Шварцгейнтеров, das Schwarzhupterhaus, которого зала превращена в новую, но из-под нового можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривал еще, но интересного, кроме этого, не видал; был, однако, в Муссе, смотрел водопровод и беспрестанно гляжу на памятник 12-го года, который стоит перед моими окнами. Это такая же холодная *металлическая слава*, какая стоит у нас на Красных воротах, только вместо Красных ворот узенькая колонна, вместо Москвы Рига, вместо <?> – и пр. Забыл еще интересное: постыдный столп, к которому привязывали преступников. Довольны ли вы моею аккуратностью? Чего я не рассказал, то вы можете легко отгадать. От вас же писем здесь нет и, Бог знает, будут ли?!

14. Родным

11 февраля 1830 года

Берлин

Сегодня рождение брата⁶⁷. Как-то проведете вы этот день? Как грустно должно быть ему! Этот день должен быть для всех нас святым: он дал нашей семье лучшее сокровище. Понимать его возвышает душу. Каждый поступок его, каждое слово в его письмах обнаруживают не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величие. И этого человека мы называем братом и сыном!

Вчера получил я ваши письма, ваши милые, святые письма. Чувство, которое они дали мне, я не могу ни назвать, ни описать. На каждое слово ваше я отвечал вам слезою, а на большую часть у вас недостает слов. Не удивляйтесь этому: с некоторого времени я выучился плакать. Однако не толкуйте этого дурно: напротив, вообще я стал покойнее, яснее, свежее, чем в Москве. Зачем спрашиваете вы, борюсь ли я сам с собою? Вы знаете, что у меня довольно твердости, чтобы не пережевывать двадцать раз одного и того же. Нет, я давно уже перестал бороться с собою. Я покоен, тверд и не шатаюсь из стороны в сторону, иду верным шагом по одной дороге, которая ведет прямо к избранной цели. Мысли, в несбытности которых я раз убедился, для меня умерли без воскресенья. След, который они оставили в душе, не ослабляет ее, но укрепляет. Не знаю, поймете ли вы меня, по крайней мере, верьте, что это так. Мои намерения, планы, мечты получили какую-то оседлость. Я стал так деятелен, как не был никогда. На жизнь и на каждую ее минуту я смотрю

---

⁶⁷ П. В. Киреевский. – *Сост.*

как на чужую собственность, которая поверена мне на честное слово и которую, следовательно, я не могу бросить на ветер. Иногда мне кажется, что такое состояние души и его причина есть особенное благодеяние моего ангела-хранителя, в которого я верю. Я не рожден был к нему. Но, может быть, оно спасет меня от ничтожества и сделает достойным братом моего брата, возвышенного, сильного. Если бы можно было пережить снова, то я опять действовал бы так же, как прежде, но теперь, если бы все переменялось, я уже не возвратился бы назад, а остался бы верен теперь избранной дороге.

В Берлин приехал я третьего дня ввечеру и едва-едва мог отыскать комнату в трактире, так весь город набит проезжими, которые отправляются на франкфуртскую ярмарку. Завтра надеюсь переехать на особенную квартиру, которую отыскал мне молодой Петерсон, сын рижского прокурора, получивший в наследство от отца все его добродушие и обязательность. Он покуда единственный человек, с которым я познакомился в Берлине. Надеюсь, однако, что не оставлю ни одного примечательного человека, которых здесь как в море песку, с которым бы, по крайней мере, я не попробовал познакомиться. В Кенигсберге я провел вечер у профессора Struve⁶⁸, филолога и брата дерптского⁶⁹... Я имел к нему

---

⁶⁸ Струве Карл Людвиг Яковлевич (1785–1838) – поэт, доцент Дерптского университета, директор старой городской гимназии в Кенигсберге (с 1814); под его более чем 24-летним руководством Кенигсбергская гимназия пришла в цветущее состояние. – *Сост.*

письмо от старого Петерсона и узнал в нем человека отменно любопытного, умного, ученого, проницательного и теплого. Через полчаса мы уже были с ним как старые знакомые и расстались почти как друзья. Все, что он сказал мне интересно, я напишу в письме к Баратынскому, вместе с подробным описанием моего путешествия. Если все немецкие ученые так доступны, как Struve, то я возвращусь в Россию не с одной расходной книжкой. Последняя, впрочем, не велика до сих пор и могла бы быть вдвое меньше, если бы я знал наперед, где и что должно платить. Но опытность моя не должна пропасть понапрасну. Скажите Погодину, что я пришлю ему подробную роспись всех издержек, сделанных мною, вместе с советами и примечаниями. Но все это вместе с письмом к Баратынскому и с вторым берлинским письмом к вам я пришлю через месяц, а может быть, и меньше. А вы, ради Бога, пишите ко мне два раза в месяц и, если можно, еще больше, еще подробнее. Говорите меньше обо мне и больше об вас: это тот же я, только лучше, больше интересный для худшего. Голубушка, милая сестра⁷⁰! Исполни свое обещание, пиши всякий день и больше. Сегодня я видел тебя во сне так живо,

---

⁶⁹ Струве Василий Яковлевич, Фридрих Георг Вильгельм Струве (1793–1864) – астроном, один из основоположников звездной астрономии; С 1819 года – директор Дерптской обсерватории и ординарный профессор Дерптского университета. Начиная с 1833 – наиболее активный участник сооружения Пулковской обсерватории, открытой 19 августа 1839; В. Я. Струве стал её первым директором. – *Сост.*

⁷⁰ М. В. Киреевская. – *Сост.*

так грустно, как будто в самом деле. Мне казалось, что вы опять собираете меня в дорогу, а Маша⁷¹ сидит со мною в зале подле окна и держит мою руку и устала свои глазки на меня, из которых начинают выкатываться слезки. Мне опять стало так же жаль ее, как в день отъезда, и все утро я сегодня плакал, как ребенок. Умел однако спрятать слезы, когда пришел Юлий Петерсон⁷². Вообще не бойтесь моей излишней доверчивости. Что для меня свято, тем помыкаться я не могу, если бы и хотел: либо полное участие, либо никакого было моим всегдашним правилом, и я тем только делюсь с другими, что они могут вполне разделить со мною.

15. Родным

13 февраля 1830 года

Я был два раза на лекции у Риттера⁷³. Он читает географию, и, покуда я останусь в Берлине, не пропущу ни одной его лекции, несмотря на то что он читает в один час с Hegel'ем. Один час перед его кафедрой полезнее целого года одинокого чтения. Каждое слово его было для меня но-

---

⁷¹ М. В. Киреевская. – *Сост.*

⁷² Петерсон Юлий Остафиевич (?—?) – сын рижского прокурора О. Петерсона. – *Сост.*

⁷³ Риттер Карл, Karl Ritter (1779–1859) – немецкий географ, один из основоположников современной географической науки; крупный специалист по древнему и новому Ирану. – *Сост.*

востью, ни одна мысль не пахнет общим местом. Все обыкновенное, проходя через кубик его огромных сведений, принимает характер гениального, всеобъемлющего. Все факты, все частности, но в таком порядке, в такой связи, что каждая частность кажется общей мыслью. Даже в отдельности почти каждая частность была для меня новостью. Присоедините к этому дар слова отменно приятный, спокойный и немножко поэтический, и вы поймете, почему я предпочитаю его Hegel'ю⁷⁴, которого, впрочем, я еще не слышал. Кроме Риттера, я буду еще слушать Раумера⁷⁵, профессора новейшей истории, Stuhr⁷⁶, также профессора истории XVIII столетия, и, может быть, некоторых других, о которых отдам отчет, слышавши их. Каждую лекцию я буду записывать и присылать вам экстракты всего интересного; это будет для Петерсона и для тех, кому он захочет показать. Я был также на лекции Риттера, когда он читал географию Палестины, но только для того чтобы увидеть и удивляться его манере. Но так как эти подробности меня не очень интересуют, то я ограничусь одною всеобщей географией. Комнату я нанял особенную, хорошенькую, чистую, меблированную, с постелью, полотенцами для умывания и пр. и плачу в месяц 6 талеров, то

---

⁷⁴ Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. – *Сост.*

⁷⁵ Раумер Фридрих Людвиг Георг фон, Friedrich Ludwig Georg von Raumer (1781–1873) – историк. *Сост.*

⁷⁶ Один из преподавателей Берлинского университета. – *Сост.*

есть около 22 рублей. Не познакомился я еще ни с кем, кроме здешних русских студентов, из которых большая часть взята из семинарии и воротится в Россию такими же неумытыми, как приехали сюда. Завтра отправлюсь к Радовицу⁷⁷, к которому Жуковский дал мне письмо, оттуда к барону Мальтицу⁷⁸, оттуда к посланнику, оттуда к Гуфеланду⁷⁹. Обо всем напишу вам подробно в следующем письме, за которое готовьтесь платить рублей 20, потому что это будет не письмо, а тетрадь. Письма к вам мой журнал. Несмотря на то или именно потому не ждите найти в них многого обо мне самом. Я теперь то, что вне меня: то, что я вижу, то, что я слышу, плюс несколько мыслей об Москве, одиноких, неизменных, как Господи помилуй. Одна только перемена может быть и бывает в этих мыслях: большее или меньшее беспокойство об вас. Вот почему прошу вас всем сердцем: пишите ко мне больше и чаще... Уезжая, я думал, что меня будут интересовать подробности об моей статье; вообразите, что это было самое неинтересное место в вашем письме, если что-нибудь

---

⁷⁷ Радовиц Йозеф Мария Эрнст Кристиан Вильгельм фон, Joseph Maria Ernst Christian Wilhelm von Radowitz (1797–1853) – прусский генерал и государственный деятель. – *Сост.*

⁷⁸ Возможно, Мальтиц Аполлон Петрович (1795–1870) – тайный советник, доктор философии, писатель, барон. – *Сост.*

⁷⁹ Гуфеланд Кристоф Вильгельм, Christoph Wilhelm Hufeland (1762–1836) – лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма III. В сентябре 1827 года, в ходе своего европейского путешествия, В. А. Жуковский общался с Гуфеландом в Берлине. Жуковский был знаком с сочинениями немецкого медика и очень ценил их. – *Сост.*

может быть не интересно в вашем письме. Это письмо, я думаю, вы получите 1-го марта. Поздравляю всех вас и обнимаю крепко, крепко. Прощайте до через месяц. В Берлине я останусь до 1-го апреля, то есть до конца лекций.

16. Родным

20 февраля 1830 года

Вы, конечно, не позабыли, что обещали мне писать через 2 недели после 27 января, а вот уже 4-е марта, то есть 20-е февраля, а от вас еще нет ни слова. Вы также, верно, помните, что последнее письмо ваше было для меня не совсем понятно, потому что многое в нем было продолжением того, что вы писали ко мне в Ригу и что, следовательно, до меня не дошло. К тому же корь, шпанская муха, ваше беспокойство, нездоровье, бессонные ночи требовали бы от вас скорейшего известия. Я пишу к вам это для будущего, потому что надеюсь от вас получить прежде, чем вы получите это письмо. К брату⁸⁰ писал почти тотчас по приезде и беспрепятственно жду ответа. Я звал его на будущий семестр в Берлин, надеясь, что здешний университет будет для него полезней мюнхенского. Но теперь вижу, что ошибся. Исторические лекции здесь не стоят ни гроша, не потому что бы профессора не были люди ученые, и особенно в своей части, но по-

---

⁸⁰ П. В. Киреевский. – *Сост.*

тому, что они читают отменно дурно. Штур читает историю XVIII века по тетрадке, написанной весьма посредственно, с большими претензиями на красноречие, следовательно, дурно. Раумер, славный ученый Раумер, всю лекцию наполняет чтением реляций и других выписок из публичных листов. Эти реляции и выписки по большей части на французском языке; вообразите же, как приятно передают их немецкие уста! Немецкие остроты их еще приятнее. Особенно остряются Штур и Раумер. Когда удается им сказать что-нибудь соленое, то есть соленое на немецкий вкус, то они так обрадуются этой находке, что жуют и пережевывают свою соль до тех пор, пока она совершенно распустится, а между тем вся аудитория хохочет. Вообще история здесь не в большом уважении, и, тогда как в университете больше 2000 студентов, у профессоров истории их бывает от 40 до 50 человек. У Раумера на предпоследней лекции было 37, вместе с ним и со мною. Теологов здесь больше других, и говорят, что этот факультет здесь в цветущем состоянии. В особенности блещит Берлинский университет своим юридическим факультетом. Здесь Савиньи⁸¹, Ганс⁸², Кленц⁸³ и другие приобре-

---

⁸¹ Савиньи (Savigny) Фридрих Карл фон (1779–1861) – немецкий юрист, профессор Берлинского университета (1810–1842), прусский министр по реформе законодательства (1842–1848), автор многочисленных трудов по римскому и гражданскому праву, глава исторической школы права. – *Сост.*

⁸² Ганс (Gans) Эдуард (1797–1839) – немецкий юрист, представитель так называемого философского направления в юриспруденции. – *Сост.*

⁸³ Один из преподавателей Берлинского университета. – *Сост.*

ли известность европейскую еще больше своими лекциями, нежели книгами. Ганса я слушал несколько раз; это ученик Гегеля и читает естественное право, народное положительное право и прусское гражданское. Он отменно красноречив, умен и мил на кафедре, несмотря на то что он крещеный жид. Но этот жид провел многие года во Франции, в Париже, и это отзывается в каждом его слове: причинностью, блеском изложения и неосновательностью сведений. В его лекциях редко можно услышать новый факт (выключая одной об жидовском праве, где он сказал много любопытного), зато беспрестанные отступления к общим мыслям, отступления неуместные и которые были бы утомительны, если бы он не умел их прикрасить жаром и даром слова. Медицинский факультет также, говорят, один из лучших в Германии. Но все это не то, что нужно нам с братом. Гегель на своих лекциях почти ничего не прибавляет к своим Handbücher⁸⁴. Говорит он несносно, кашляет почти на каждом слове, съедает половину звуков и дрожащим, плаксивым голосом едва договаривает последнюю. Есть, однако, здесь один профессор, который один может сделать учение в Берлине полезным и незаменимым, – это Риттер, профессор географии. Каждое слово его дельно, каждое сообщение ново и вместе твердо, каждая мысль всемирна. Малейший факт умеет он связать с бытием всего земного шара. Присоедините к этому простоту, ясность, легкость выражения, красноречие истин, и вы

---

⁸⁴ Конспекты (нем.). – *Сост.*

поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекции. Вот все, что я до сих пор могу сказать об здешнем университете. Студенты по большей части не отличаются ничем от других граждан ни в одежде, ни в манерах. Немногие только носят усы, еще меньшее число носит длинные волосы и не носит галстуков и не больше 20 ходят с бородою, и те не берлинцы, а выходцы из других университетов. Дуэли здесь почти так же редки, как в нашей миролюбивой Москве, и если встретится где-нибудь разрубленная щека, то почти наверное можно сказать, что она принадлежит лицу не берлинскому. Знакомств я до сих пор сделал немного. Был у посланника, который пригласил меня обедать, и я провел у него почти целый день, вместе с маркизом Паулучи, который был здесь на два дня проездом в Париж. Ни жена посланника, ни дочь не знают ни одного слова по-русски и спрашивали меня, хорошо ли пишет Жуковский. Из его писем и записок они отгадывали, *qu'il doit écrire très joliment*⁸⁵. Впрочем, они любезны и со мной были очень приветливы за письмо Жуковского, которого они очень любят. Кроме того, я познакомился с бароном Мальтицем, советником при посольстве, к которому также имел письмо от Жуковского. Он только год в Берлине и провел 8 лет в Соединенных Штатах, человек отменно серьезный, молчаливый, умный и немного *ultra*. Он обещал мне показать все достопримечательное в Берлине, но до сих пор еще не успел, потому что мы или не заставляли

---

⁸⁵ Что он должен писать очень мило (*фр.*). – *Сост.*

друг друга дома, или он был занят службою и пр. У Гуффеланда я еще не был. Но больше всех понравился мне в Берлине Радовиц, также хороший знакомый Жуковского. Твердую, богатую, многостороннюю ученость соединяет он с душой горячею, с мыслями оригинальными и с добродушием немецким. Он достал мне билет в здешний музей, который я осматривал с одним молодым, но уже известным живописцем Ruhl⁸⁶, с которым я познакомился у Радовицей. Она, или Frau Majorin von Radowitz, молодая, хорошенькая, очень умная, очень добрая и очень любезная женщина, особенно приятна простотою своего обхождения...

Скажите Погодину, что я ему пришлю для журнала выписку из моего журнала, заключающую в себе дорогу от Кенигсберга до Берлина, т. е. больше всего описание Мариенбурга. Если Дельвиг⁸⁷ в Москве, то скажите ему, что он может получить от меня статью об религиозном направлении ума в Германии. Кстати, я слышал проповеди Шлейермахера⁸⁸, славного переводчика Платона⁸⁹, одного из красноречивейших проповедников Германии, одного из замечательнейших теологов и философов, одного из лучших профес-

---

⁸⁶ Какая-то неточность в написании имени. – *Сост.*

⁸⁷ Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – русский поэт, барон. – *Сост.*

⁸⁸ Шлейермахер (Schleiermacher) Фридрих (1768–1834) – немецкий протестантский теолог и философ, проповедник, профессор Берлинского университета (с 1810), секретарь философского отделения Академии наук (с 1814). – *Сост.*

⁸⁹ Платон (428 или 427 до н. э. – 348 или 347) – древнегреческий философ. – *Сост.*

соров Берлина и человека, имеющего весьма сильное влияние на высший класс здешней столицы и на религиозные мнения всей протестантской Германии. Зато после Гегеля, может быть, нет человека, на которого бы больше нападали, чем на него. Но прежде чем я оставлю Берлин, я постараюсь покороче познакомиться с его сочинениями и с ним самим и тогда напишу об нем подробно. В театре я был несколько раз, видел всех лучших актеров и в хороших пьесах, но больше не пойду, потому что ни одно представление мне не пришлось по вкусу. «Тасса» Гете⁹⁰ я смотрел даже с досадой, несмотря на то что его играли лучшие актеры и что почти вся публика была в восторге. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что ни один актер не понял поэта, и одинокое кабинетное чтение этой трагедии говорит в тысячу раз больше душе, чем ее представление. Видел новую трагедию Раупаха⁹¹ – «Генриха VI», где, несмотря на неестественность и нехудожественность целого и частей, красота и сила стихов и эффектность некоторых сцен невольно увлекают и трогают. Видел также некоторые новые немецкие комедии, которые гораздо лучше на сцене, чем воображал. Во всех этих представлениях особенное внимание обращал я на публику, и результатом моих наблюдений было то, что, несмотря на

---

⁹⁰ Гёте Иоганн Вольфганг Гёте, Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832) – немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель. – *Сост.*

⁹¹ Раупах Бенъямин Соломон Раупах, Ernst Benjamin Salomo Raupach (1784–1852) – немецкий писатель и драматург. – *Сост.*

большую образованность немцев, они в массе так же бездушны и глупы, как наши соотечественники, которыми наполняются наши театры. В трагедиях великий крик, особенно неуместный, непременно аплодирован. Все истинное, простое, естественное не замечено, как бы не было. Вообще чем больше актеры горячатся, тем больше им хлопают, чем напыщеннее стих, тем больше восхищает он публику. Это объясняет множество лирических трагедий, которыми наводнена немецкая литература. Как это портит актеров и писателей, тому служит доказательством Берлинский театр и Раупах. В комедии немцы хохочут каждой глупости, аплодируют каждой непристойности, и на театральное лицо, которое говорит самые обыкновенные вещи и дурачится самым незамысловатым образом, немцы глядят с каким-то почтением, как на существо другого мира. Между всеми восклицаниями, которыми они выражают свой восторг, особенно повторяется *das ist ein verrückter Kerl*⁹². Все, что выходит из однообразной колеи их жизни и разговоров, кажется им признаком гениальности. Я вслушивался в разговоры простого народа на улицах и заметил, что он вообще любит шутить, но с удивлением заметил также, что шутки их почти всегда одни и те же. Сегодня он повторит с *удовольствием* ту же замысловатость, которую отпустил вчера, завтра тоже, не придумав к ней ничего нового, и, несмотря на то, повторит опять, покуда какой-нибудь *verrückter Kerl* выучит его новому, и это

---

⁹² Это сумасшедший малый (нем.). – *Сост.*

новое он поймет и примет не прежде, как слышавши раз 20 от других. Оттого нет ничего глупее, как видеть смеющегося немца, а он смеется беспрестанно. Но где не глуп народ? Где толпа не толпа?

<...> Наконец письмо от вас! Я не умею выразить, что мне получить письмо от вас! Несмотря на то, что оно грустно, что почти каждое слово в нем тема на целый концерт тяжелых догадок, я читал его с таким наслаждением, которого давно не имел. Вы знаете, как не люблю я говорить о том, что чувствую, но это считаю необходимым сказать вам, чтобы вы знали и соображались с этим, писали ко мне больше, чаще и подробнее. Вся моя жизнь с тех пор, как оставил Москву, была в мыслях об Москве, в разгадывании того, что у вас делается; все остальное я видел сквозь сон. Ни одного впечатления не принял я здесь свежим сердцем, и каждый порыв внимания стоил мне усилия. Судите ж после этого, как живительны, как необходимы мне ваши письма... Я был, наконец, у Гуфеланда, который был со мной отменно мил, показал мне много добродушной приветливости и звал к себе в среду на вечер: «Alle Tage und jeden Augenblick wird es mir höchst erfreulich sein Sie zu sehen, aber Mittwochs müssen Sie mir versprechen auf jeden Fall bei mir Abend zuzubringen denn da versammeln sich gewöhnlich alle meine Freunde; es wird mir grosse Freude machen Sie mit meiner Familie bekannt zu machen⁹³».

---

⁹³ Каждый день и каждый миг буду я рад видеть вас у себя, но вы должны обе-

У Гуфеланда я, может быть, познакомлюсь с некоторыми учеными, которых здесь как в Москве извозчиков. Для чего Рожалину жить с Петрушей⁹⁴? Для первого это будет жертва, для второго стеснение – кому же польза? Петр должен действовать и учиться сам, наставника, который бы беспрестанно надсматривал за ним, дать ему мудрено и странно. Учиться вместе с Рожалиным, может быть, приятно (и то, судя по характеру брата, сомнительно), но приятное и полезное не одно. Я теперь испытал, что учиться и вообще действовать *одному* и легче, и успешнее. При товарище он мерило наших успехов; один никогда не доволен собою, боишься отдыхать и делаешь в тысячу раз больше и лучше. Впрочем, поговорю об этом с Рожалиным и с братом. Отчего вас так занимают критики на меня? Или они справедливы? Это было бы весьма удивительно от Булгарина, и я был так уверен в невозможности этого, что «Северная пчела», где разбор моей статьи, уже здесь у одного из моих знакомых русских, я до сих пор еще не собрался со временем прочесть ее, хотя мы живем на одной улице. Пойду завтра, потому что ваше участие в ней мне непонятно после того, как вы наперед знали, что Булгарин будет отвечать, и отвечать с желчью. Писать против него было бы неприлично, и, простите мне эту гордость, мне кажется, это было бы унижительно – защищаться от его

пшать посетить меня как-нибудь в среду, когда я обычно собираю своих друзей, вы доставите мне большую радость знакомством с моей семьей (нем.). – *Сост.*

⁹⁴ П. В. Киреевский. – *Сост.*

нападений. Если будете иметь случай что-нибудь послать ко мне, то не забудьте прислать Максимовича альманах, потому что даже те листочки, где была моя статья, я оставил в Петербурге у Жуковского, а мне хотелось бы прочесть мою статью брату. Живу я здесь в одной из лучших частей города, между театром, нашим посланником и университетом, подле той улицы, которая называется *Unter den Linden*⁹⁵, потому что на ней посажены в 4 ряда липки. Моя улица называется *die Mittelstrasse*⁹⁶. Комната моя не велика, но светла и покойна, в ней 4 1/2 шага поперек и около 9 шагов в длину, 2 окна, бюро, постель, фортепьяно, диван, два столика и 3 стула. Плачу в месяц *mit Aufwartung*⁹⁷ 6 талеров. За кофе поутру и чай ввечеру, за хлеб, сахар, молоко и топку выходит в неделю около 2 1/2 талеров. Обедаю я в трактире, где плачу 8 грошей, т. е. около нашего рубля. Вообще в Берлине 2-мя тысячами можно жить без нужды, а если разом устроиться на год, то, тративши еще меньше, можно жить еще лучше...

17. Родным

3 марта 1830 года

Сегодня только мог я отправить к вам письмо, потому что вчера слишком поздно понес его на почту. Надеюсь, однако,

---

⁹⁵ Под липами (нем.). – Сост.

⁹⁶ Центральная улица (нем.). – Сост.

⁹⁷ С прислугой (нем.). – Сост.

что оно было не так далеко от предпоследнего, чтобы заставить вас беспокоиться. Это письмо отправится к вам через две недели, т. е. при отъезде моем из Берлина. Я начал его сегодня только потому, что доволен своим днем, т. е. своею сегодняшнею деятельностью, и чувствую, что стою награды – разговора с вами. Начну его хвастовством, т. е. отчетом о сегодняшних занятиях. Я встал сегодня в 6 часов. Вообще в Берлине я встаю рано. Два часа провел дома за умыванием, кофеем, одеванием и Шлейермахеровой догматикой. В 8 часов я был уже в университете у Шлейермахера же, который от 8 до 9 читает жизнь Иисуса Христа. Сегодня была особенно интересная лекция об Воскресении. Но что сказать о профессоре? Сказать что-нибудь надобно, потому что сегодня он выказал зерно своих религиозных мнений. Говоря о главном моменте христианства, он не мог достигнуть до него иначе, как поднявшись на вершину своей веры, туда, где вера уже начитает граничить с философией. Но там, где философия сходится с верою, там весь человек, по крайней мере духовный человек. Коснувшись этого разбора двух миров, мира разумного убежденья и душевной уверенности, он должен был разорвать все понятия о их взаимном отношении, представить веру и философию в их противоположности и общности, следовательно, в их целостном, полном бытии. Необходимость такой исповеди заключалась в самом предмете. Иначе он действовать не мог, если бы и хотел, доказательство то, что он хотел и не мог. Я заключаю из того, что он

точно хотел избежать центрального представления своего учения, что, вместо того чтобы обнять разом предмет свой в одном вопросе, он вертелся около него с кучей неполных, случайных вопросов, которые не проникали в глубину задачи, но только шевелили ее на поверхности, как, например, началось ли гниение в теле Иисуса или нет, оставалась ли в нем неприметная искра жизни или была совершенная смерть и пр. Но самая случайность его вопросов, самая боязнь обнять вполне предмет свой, по моему мнению, уже вполне показывают его образ мыслей. Так ли смотрит истинный христианин на Воскресение Иисуса? Так ли смотрит философ нынешний на момент искупления человеческого рода, на момент его высшего развития, на минутное, но полное слияние неба и земли? Здесь совокупность Божественного Откровения для первого, здесь средоточие человеческого бытия для второго, для обеих задач, которая обнимает все здание их убеждения. Для разрешения этой задачи совершенно бесполезно знать, разложилась ли кровь на свои составные части или нет, глубока ли была рана копьем и точно ли в ребра или ниже. К какому классу мыслящих людей принадлежит тот, кто с такими вопросами приступает к такому предмету? Можно смело сказать, что он не принадлежит к числу истинно верующих, потому что для последних вопрос о действительной и мнимой смерти Иисуса разом решен тем, что душа Его на это время отделилась от тела; по крайней мере, вопрос ляжет перед ним в этом виде, если только для него

может существовать вопрос такого рода. С таким же правом, мне кажется, можно сказать, что человек, который с этой материальной точки смотрит на смерть Иисуса, не принадлежит к числу мыслителей нашего времени, для которых вопрос о достоверности Воскресения принимает опять другой вид, т. е. разлагается на два других вопроса: 1) на вопрос исторический о достоверности Евангелия вообще и 2) на вопрос умозрительный об отношении чудесного к естественному, или, другими словами, об отношении обыкновенного к необыкновенному, вседневного к вековому, ибо чудо, в физическом мире, также отличается от тех событий, которые нашими несовершенными науками разложены на известные нам вседневные⁹⁸ законы природы, как в нравственном мире гений отличается от толпы. К числу неверующих нельзя отнести Шлейермахера, потому что как бы ни был материален образ его объяснений, но это объяснение совершенно очищает предмет от противоречий, а веру от сомнений. Кроме того, лучшим доказательством глубоко христианского, сердечного расположения Шлейермахера может служить его проповедь, недавно им самим говоренная над телом страстно любимого единственного сына его. То же подтвердит целая жизнь его и энтузиазм значительной части его прихожан. К числу людей неглубокомыслящих нельзя отнести его, во-первых, за его превосходный, может быть, лучший перевод Платона, не выключая самого Cousin; во-вторых, за его фи-

---

⁹⁸ Выражение Шлейермахера. – *Сост.*

лософские сочинения, где некоторые вопросы проникнуты до дна и решены с окончательностью мышления самобытного, свободного, глубокого и строго отчетливого. Как же согласить эти противоречия? Что он такое? Чтобы иметь право решить этот вопрос, надобно познакомиться с его мнениями короче, нежели сколько я успел сделать до сих пор. Но до сих пор вот как я понимаю его: ему так же мало можно отказать в сердечной преданности к религии, как и в философическом самодержавии ума. Но сердечные убеждения образовались в нем отдельно от умственных, и, между тем как первые развились под влиянием жизни, классического чтения, изучения Святых Отцов и Евангелия, вторые росли и костенели в борьбе с господствующим материализмом XVIII века. Вот отчего он верит сердцем и старается верить умом. Его система похожа на языческий храм, обращенный в христианскую церковь, где все внешнее – каждый камень, каждое украшение – напоминает об идолопоклонстве, между тем как внутри раздаются песни Иисусу и Богородице. Но если он остаток прошедшего, не переплавленный в состав новейшего, то все он примечателен, как одна из прекраснейших и значительных развалин XVIII века. К XIX он принадлежит, во-первых, как интересный факт, во-вторых, как мыслитель, имеющий сильное влияние на остальных. Я думаю, что он особенно был бы полезен у нас, как одна из ловких ступеней к высшему, и перевод его книг мог бы быть важным литературным предприятием.

Но довольно об Шлейермахере. Я заговорился об нем потому, что вместе и писал, и думал. Прежде обдумать этого было некогда, потому что тотчас после его лекций отправился к славному Савиньи. Об внутреннем достоинстве его преподавания я не скажу ничего, во-первых, потому, что в этой части мало смыслу (он читает пандекты), а во-вторых, потому, что прекрасный обзор его системы был из «Revue Encyclop» переведен в «Телеграфе». Наружная форма преподавания не может быть приличнее, изящнее и проще.

В 10 часов я отправился на почту, которая около 2-х верст от университета. Там нашел я письмо от брата, милое, теплое и почти все об вас, об московской половине нас. Он еще не знает, что у всех детей была корь. Об себе обещает он писать на днях. Оттуда отправился я в противоположную часть города, где чинились мои часы. Оттуда в театр, чтобы переменить билет. Несмотря на зарок, услышавши, что играют Гамлета, я решился отправиться туда, чтобы иметь какое-нибудь понятие о шекспировских трагедиях на сцене, но, по несчастью, билет взял не сам, а поручил одному немцу, знакомому с дирекцией. Этот немец достал билет, близкий к сцене, но не театрального, а абонированного кресла. Сегодня я узнал, что Гамлета отменили, хотел переменить билет, потому что совсем не любопытен был видеть Клейстову «Kätchen»⁹⁹, но

---

⁹⁹ «Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем» (1807–1808) – большая историческая рыцарская драма в 5 действиях немецкого драматурга Генриха фон Клейста, Bernd Heinrich Wilhelm von Kleist (1777–1811). – *Сочн.*

мне не удалось, потому что билет был не от дирекции, а куплен у частного человека. Оттуда, немного уставши, пошел я в университет отдохнуть на лекции Ганса. О нем я, кажется, уже писал к вам. Сегодня он читал церковное право, совершенно в римско-католическом духе, что было для меня отменно интересно своей новостью, а особенно тем, что этот римско-католический дух был подчинен духу Гегелевой философии и, следовательно, этот католицизм был не иезуитский, а, если можно так сказать, католицизм новейшего протестантства. Оттуда в 12 часов я пошел в Tiergarten¹⁰⁰, единственный берлинский сад, который лежит подле самого города. Оттуда в трактир обедать, оттуда в университет к Вилькену¹⁰¹, сочинителю «Крестовых походов», который читает от 2-х до 4-х.

Вообразите, как я должен был удивиться, войдя в аудиторию Вилькена, когда нашел ее совершенно пустою! Через несколько минут вошли 3 человека и скоро за ними Вилькен. Мы четверо сели на лавку, перед нами профессор, и что же? Вместо истории средних веков, которую он читает от 3-х до 4-х, я попал на лекцию арабского языка, который он преподает от 2-х до 3-х. Само собою разумеется, какую жалкую роль и фигуру я играл в продолжение этого часа. Вилькен смотрел на меня с большим любопытством и почтением,

---

¹⁰⁰ Зоологический сад (нем.). – *Сост.*

¹⁰¹ Вилькен (Wilken) Фридрих (1777–1840) – немецкий историк, профессор Берлинского университета. – *Сост.*

принимая, может быть, за какого-нибудь славного ориенталиста. Какой-то услужливый студент, который сидел подле меня, во всю лекцию держал мне перед носом свою арабскую тетрадь и показывал пальцем на те места, которые читал профессор. Давно я не был в таком фальшивом положении. Но что было делать? Сказать услужливому студенту, что я не знаю по-арабски, нельзя было, не объяснив причины моего присутствия, а говорить много нельзя, не прервав лекции. Уйти также нельзя: здесь ни один студент не уходит с лекции прежде конца, хотя многие входят перед самым концом. Оставалось одно: сидеть и слушать. Но и второй час Вилькена чтения не вознаградил меня за арабский язык. Я был у него в первый раз сегодня и больше не буду. Сказать об его манере ничего нельзя особенного, кроме нехорошо.

От Вилькена до Гегеля оставался целый час, который я провел у Stehely, лучшем кофейном доме в Берлине, где все немецкие и мало французских газет.

В 5 часов я слушал Гегеля, который читает историю философии и сегодня кончал Декарта¹⁰² и начал Спинозу¹⁰³. Я начал мириться с его гнусным образом преподавания: с некоторого времени я променял на него моего Риттера, который читает с ним в одни часы. Я предпочел слушать Гегеля, потому

---

¹⁰² Декарт Рене, Renatus Cartesius (1596–1650) – французский философ и математик. – *Сост.*

¹⁰³ Спиноза Бенедикт (1632–1677) – нидерландский философ-материалист, пантеист и атеист. – *Сост.*

что он стар, скоро умрет и тогда уже не будет возможности узнать, что он думал о каждом из новейших философов. Но трудолюбивый Риттер, вероятно, издаст новую *Erdkunde*¹⁰⁴, где изложит вполне свою систему. В 6 часов попробовал я пойти в театр, но небрежная игра актеров и пустота пьесы выгнали меня оттуда после первого акта, и вот я теперь у себя пишу к вам. Не думайте, однако, что бы все дни мои были так деятельно наполнены, как сегодняшней. Но уже поздно, прощайте!

18. Родным

14 марта 1830 года

За полночь. Сейчас от Гегеля и спешу писать к вам, чтобы поделиться с вами моими сегодняшними впечатлениями, хотя не знаю, как выразить то, до сих пор не испытанное расположение духа, которое насильно и, как чародейство, овладело мною при мысли: я окружен первоклассными умами Европы! Но начну сначала, чтобы вы лучше поняли причину этого странного расположения духа. Вот история моего знакомства с Гегелем: я долго не решался, идти к нему или нет! Зачем? – думал я. К чему послужит мне холодный пятиминутный визит? Уважение, участие и пр. со стороны неизвестного интересны для него быть не могут, когда он име-

---

¹⁰⁴ Географию (нем). – Сост.

ет столько поклонников между известными. Между тем мне хотелось его видеть. Но чтобы визит мой не был просто церемонною незначительностью, я написал к нему письмо, отменно учтивое и много мне стоившее, потому что я давно уже ничего не писал по-немецки. В этом письме просил я позволения прийти к нему. Он в тот же день отвечал мне очень милым и французски светским манером, назначая часы, когда я могу застать его дома. На другой день я провел у него часть утра. Разговор был интересный, глубокий и, несмотря на то, очень свободный – так глубокое для него сделалось естественным и легким. Каждому предмету разговора давал он невольно оборот ко всеобщности, все намекало на целую систему новейшего мышления, мышления гегелевского. Можете представить, как широко и вместе тесно я себя чувствовал в это время. Результат этого разговора, или, лучше сказать, результатом этого добродушия было то, что на другой день посланный от него разбудил меня с приглашением от Гегеля на вечер завтра, или послезавтра, или в воскресенье, или если вы в эти дни не свободны, то назначьте, когда вам угодно: Herr Professor möchte aber es voraus wissen, denn es werden dazu noch mehrere Andere eingeladen. Что может быть милее этого? Я выбрал пятницу, потому что это был ближайший свободный день, хотя, впрочем, я все возможные дела оставил бы охотно для гегелевского вечера. Сейчас оттуда, где, кроме хозяина, хозяйки и его родственницы Frau Generalin von... – забыл, были: 1) Ганс, известный всем

из моих писем и который столько же любезен в обществе, сколько красноречив на кафедре, а это много сказано. 2) Мишелет¹⁰⁵, профессор философии и умный и милый ученый. Этот обещал мне рекомендательное письмо в Париж к одному из своих друзей-учеников, с которым, говорит, мне интересно будет познакомиться. 3) Notte¹⁰⁶, профессор немецкой литературы, – с этим я говорил меньше, хотя успел в нем заметить многое, что мне понравилось. 4) Раупах, которого некогда я так любил и с которым теперь у нас был довольно горячий спор об России. Ганс, свидетель спора, остался на моей стороне. Дело шло о том, есть ли у русских энергия. Вы можете представить себе, что после этого Раупах мне не понравился. И, патриотизм в сторону, учтиво ли, прилично ли утверждать такие мнения в присутствии русского? Однако мне удалось сохранить совершенно хладнокровие, и потому я мог говорить убедительно. 5) Путешествующий американец, который едет в Россию и в Москву и которого имя я позабыл. Во весь вечер разговор был живой и всеобщий, хотя я по большей части говорил с самим Гегелем особенно. Гостеприимнее, приветливее и добродушнее его быть невозможно. После ужина мы все отправились пешком. В жару разговора с Гансом и с Раупахом зашел в их сторону, которая далеко от меня, и Ганс был так добр, что проводил меня до

---

¹⁰⁵ Мишле (Michelet) Карл Лудвиг (1801–1893) – философ-гегельянец, профессор Берлинского университета. – *Сост.*

¹⁰⁶ Один из преподавателей Берлинского университета. – *Сост.*

поворота в мою улицу. «Об чем говорили мы?» – спросите вы. О политике, о философии, об религии, о поэзии и пр., но подробно описать разговор не могу, потому что все были частности теперешнего минутного интереса, к которым общее только примыкало издали. Завтра иду к Гансу, послезавтра к Мишелету, а между тем всякий день хожу на почту и все понапрасну. Сегодня был там два раза, но почта из России не пришла за половодьем. Это отчасти утешительно.

16 марта

Почта пришла, писем нет. И брат¹⁰⁷, который в последнем письме обещал писать на днях много, до сих пор ни слова. Был ли вчера кто-нибудь под Симоновом? Что мои розы и акации? Если бы он, т. е. Веневитинов¹⁰⁸, был на моем месте, как прекрасно бы отозвалось в нашем отечестве испытанное здесь! Я несколько раз виделся с Гансом, с Мишелетом и с Гегелем. Последний особенно был для меня поучителен своею индивидуальностью. Первый, т. е. Ганс, может быть представителем немца нашего времени, разговор его отменно занимателен, делен, горяч и даже остр. Мишелет немного не доварил своих мнений. Он ученик и приверженец Гегеля, но, кажется, понимает хорошо только то, что Гегель сказал, а

---

¹⁰⁷ П. В. Киреевский. – *Сост.*

¹⁰⁸ Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872) – чиновник Московского архива Министерства иностранных дел, сенатор (1855), товарищ министра делов (1855–1856). – *Сост.*

что непосредственно следует из его системы, то для Мишеле-та еще не ясно, и он как будто боится высказать свое мнение прежде своего учителя, не зная наверное, сойдется ли с ним или нет. Большая часть наших разговоров, или, лучше сказать, наших споров, кончалась так: «Jawohl! Sie können vielleicht Recht haben, aber diese Meinung gehört vielmehr zu dem Schellingischen, als zu dem Hegelischen System¹⁰⁹».

Это одно слово, несколько раз повторенное и еще несправедливо переведенное (потому что мнение, которое я утверждал, совершенно согласно с основными положениями гегелевской системы), – это одно слово показывает человека. Несмотря на наши споры, мы познакомились довольно хорошо, и перед прощанием он подарил мне свою диссертацию о преступлении и наказаниях, с надписью: «Nobilissimo viro Jean von Kireiwsky¹¹⁰» – неправда ли, что и здесь пахнет Германией? Спасибо, милый друг Петерсон¹¹¹, за *von*. Гегель дал мне письмо в Париж к одному из своих приятелей и поручил кланяться Cousin. Вы видите уже из того, что я успел рассказать вам о своей берлинской жизни, что каждая минута моя здесь занята, отчего я не успел писать ни к кому в Россию. Напомните всем, кого увидите, обо мне, особенно моему милому Баратынскому. Я нехотя виноват перед ним: я причи-

---

¹⁰⁹ Да, возможно вы и правы, но эта идея в большей степени принадлежит системе Шеллинга, нежели системе Гегеля (*нем.*). – *Сост.*

¹¹⁰ Достойнейшему Ивану фон Киреевскому (*ит.*). – *Сост.*

¹¹¹ Ю. О. Петерсон. – *Сост.*

ной глупой болгаринской выходки. Надеюсь, однако, что он умеет платить презрением за похвальный брань и корыстную хвалу. Сейчас принесли мне «Телеграф». Я еще не читал и не знаю, успею ли прочесть критику на меня, потому что еду послезавтра в 6 часов утра. Мне смешно видеть, как они горячатся. Из Дрездена буду писать, к кому успею, а к папеньке непременно. Папенька перенес свою мнительность из мира физического в нравственный и как прежде сомневался в своем здоровье, так теперь сомневается в моей любви к нему. Если бы он хотя на минуту мог переселиться в мою душу, то, верно, раскаялся бы в своем несправедливом мнении, которое для меня тем тяжелее, чем я дальше от вас, чем меньше способов имею высказаться вам вполне, чем, с другой стороны, яснее и полнее представляются мне и его любовь, и все, что он сделал для меня, и все, что он мне и нам. Если бы он подслушал хоть раз, как я всякий день в сердечных мыслях об вас с любовью, благодарностью и дружбою благословляю его внутри души, он, верно, бы мысленно прижал меня к груди своей как достойного сына. Пришлете ли вы мне портрет сестры? Я к ней не пишу особенно потому, что мне бы хотелось, чтобы письма мои были ко всем вам вместе. Но кроме вас, пожалуйста, не показывайте их никому, иначе я стану их сочинять. Это письмо вы получите к Светлому Воскресенью. Ради Бога, сделайте его для себя праздником, я встречу его с братом¹¹² в Мюнхене. Нам будет вместе не так

---

¹¹² П. В. Киреевский. – *Сост.*

грустно, или, лучше сказать, нам будет лучше грустно. Ответ на это письмо пишите в Париж *poste restante*, пишите больше и подробнее. Держишь ли слово, милая сестра? Но Бог знает еще, что у вас делается. Здоровы ли вы? Это письмо толсто. Но зато я заплатил за прошедшее. За ваши письма я не плачу ни копейки. Не скупитесь только вы, а больше всего не давайте воли таким чувствам, которые мешают счастью. Я с этой стороны пред собою и перед вами прав. Слово «счастье» я перевел на свой язык: деятельность и бодрость духа, и в этом смысле оно мне кажется доступным, т. е. в том случае, если с вашей стороны будет искреннее содействие. Для вас же я бы хотел оставить счастье без перевода. И отчего бы в самом деле не знать вам его в оригинале? К Жуковскому еще не писал из Берлина; если успею, то напишу сегодня, а то из Дрездена. К вам же буду писать через 2 недели вместе с братом. Прощайте, любите меня, т. е. будьте веселы и крепки.

Милый папенька¹¹³! Выпишите, если нет в Москве, «*Encyclopedie der Philosoph Wissenschaften*» von Hegel¹¹⁴. Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч. Сейчас прочел статью в «Телеграфе». Полевого критика на меня не так желчна, как я думал. Неужели это может вас сердить?

---

¹¹³ А. А. Елагин. – *Сост.*

¹¹⁴ «Энциклопедия философских наук» фон Гегеля. – *Сост.*

19. П. В. Киреевскому

16 марта 1830 года

Берлин

Правда, милый брат – друг, нам надо писать чаще, покада мы близко, но еще розно. Спасибо за твое письмо, но известия твои об Москве были не свежее моих. После моего последнего письма к тебе я получил от маменьки и от сестры¹¹⁵. Папенька в Долбине. У детей у всех была корь, но, как говорят они вместе с Рамихом¹¹⁶, *хорошая корь*. Маменька не спит ночи, ухаживая за больными; сестра, вероятно, также, хотя и не говорит об этом. Тяжело думать об них. Я просил сестру во всяком письме ко мне выписать мне какой-нибудь текст из Евангелия. Я это сделал для того, чтобы, 1-е, дать ей лишний случай познакомиться короче с Евангелием; 2-е, чтобы письма наши не вертелись около вещей посторонних, а сколько можно выливались из сердца. Страница, где есть хотя бы строчка святого, легче испишется от души. Но что же? Вот текст, который она выбрала в своем последнем письме: «*Ne soyez donner point inquiets pour lendemain, car le lendemain se mettra en peine pour lui-même: à chaque jour suffit son mal*¹¹⁷». «Как бы мы были спокойны, – при-

---

¹¹⁵ М. В. Киреевская. – *Сост.*

¹¹⁶ Домашний врач семьи Киреевских-Елагиных. – *Сост.*

¹¹⁷ Не беспокойтесь о грядущем дне, так как он сам составит свои заботы: каж-

бавляет она, – если бы исполняли это. Но мы никогда не думаем о настоящем, а заботимся только о будущем». Бедная! В 17 лет для нее будущее – забота и беспокойство. Во всей семье нашей господствующее ежедневное чувство есть какое-то напряженное, боязливое ожидание беды. С таким чувством счастье не уживается. Но откуда оно? Зачем? Как истребить его? Как заменить спокойствием и мужественной неустрашимостью перед ураганами судьбы? Вот об чем мы должны подумать вместе, чтобы действовать общими силами. Если бы нам удалось дать сестре столько же твердости и крепости духа, сколько у нее нежности, чувствительности и доброты, то мы сделали бы много для ее счастья. Между тем я надеюсь, что это тяжелое состояние духа, в котором она писала ко мне, прошло вместе с болезнями детей. Но ты знаешь, долго ли наш дом бывает свободен от причин к беспокойству! Все это составляет для меня до сих пор неразрешимую задачу. К папеньке я писать буду на первой почте. Его мнительность из физического мира перешла в нравственный. Но, по счастью, она обратилась на такой пункт, где от нее легко избавиться. По крайней мере, я употреблю все силы, чтобы разуверить его и доказать, что я не перестал его любить по-прежнему. Не знаю, откуда могла ему прийти эта мысль; боюсь, чтобы она не имела источником влияние той враждебной звезды, которая отдаляет меня ото всего, что дорого сердцу. Знаешь ли, мне иногда кажется, что судьба,

прокладывая мне такую крутую дорогу в жизни, ведет меня к чему-нибудь необыкновенному. Эта мысль укрепляет мои силы в стремлении быть достойным ее признания. То, что я писал к тебе о берлинской жизни и университете, – неправда, или, лучше, полуправда. Для тебя, я думаю, во всяком случае Мюнхен полезнее, а не то – Париж? Приготовь ответ к приезду. Между тем пиши ко мне в Дрезден через Рожалина. Там я буду около первого апреля их стили. Но Святую мы встретим вместе.

До сих пор я еще, кроме Гуфеланда, не познакомился здесь ни с одним профессором, хотя сделал несколько знакомств интересных. На днях, однако, отправлюсь к Гегелю, Гансу, Шлейермахеру. Так как я не имею к ним писем и черты моего лица будут единственным рекомендательным письмом, то я не знаю еще, как буду принят и удадутся ли мне некоторые планы на них, исполнение которых могло бы сделать мое путешествие не напрасным. При свидании расскажу подробнее, но до сих пор *считаю*, как говорят, *без хозяина*. Из всех, с кем я здесь познакомился, самый интересный – это майор Радовиц, к которому я имел письмо от Жуковского. Мудрено встретить больше оригинальности с таким здравомыслием. Из любопытных вещей, виденных мною, первое место занимает здешняя картинная галерея. Слишком длинно было бы рассказывать все особенности впечатлений, которые я вынес оттуда. Скажу только, что здесь в первый раз видел я одну мадонну Рафаэля, которая мне крепко понра-

вилась, или, лучше сказать, *посердечилась*. Я видел прежде около 10 мадонн Рафаэля, и на все смотрел холодно. Я не мог понять, *какое* чувство соответствует этому лицу. Это не царица, не богиня – святая, но это святое понимается не благоговением; прекрасная, но не производит ни удивления, ни сладострастия, не поражает, не пленяет. С каким же чувством надобно смотреть на нее, чтобы понять ее красоту и господствующее расположение духа ее творца? Вот вопрос, который оставался для меня неразрешенным, покуда я увидел одну из здешних мадонн. *Эта* мадонна объяснила мне, что понять ее красоту можно только *одним* чувством: *чувством братской любви*. Движения, которые она возбуждает в душе, однородны с теми, которые рождаются во мне при мыслях об сестре. Не любовью, не удивлением, а только братской нежностью можно понять чистую прелесть ее простоты и величие ее нежной невинности. То, что я говорю теперь, так истинно, и я чувствовал это так ясно, что чем больше я всматривался в мадонну, тем живее являлся передо мной образ Машки¹¹⁸ и, наконец, так завладел мною, что я из-за него почти не понимал других картин и на Рубенса¹¹⁹ и Ван Дейка¹²⁰ смотрел как на обои, покуда нако-

---

¹¹⁸ М. В. Киреевская. – *Сост.*

¹¹⁹ Рубенс Питер Пауль (1577–1640) – фламандский живописец, один из основоположников искусства барокко, дипломат, коллекционер. – *Сост.*

¹²⁰ Ван Дейк Антонис (1599–1641) – фламандский живописец, рисовальщик и гравер, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко; создатель нового типа декоративного портрета. – *Сост.*

нец распятие Иисуса Христа какого-то старинного живописца немецкой школы разбудило меня. Это была первая картина, которую сердце поняло без посредства воображения. Это лучшая проповедь, какую я когда-либо читал, и я не знаю, какое неверие устоит пред нею, по крайней мере на время созерцания. Никогда не понимал я так ясно и живо величие и *прелесть* Иисуса, как в этом простом изображении тех чувств, которые его распятие произвело на свидетелей его страданий, на его мать, на сестру Лазаря, Марию и на Иосифа. Такие чувства, такие слезы могут быть принесены в жертву только Человеку-Богу. Видел ли ты и сколько раз твою мюнхенскую галерею, которая, как говорят, одна из замечательнейших в Европе? Не можешь ли ты прислать что-нибудь из твоего путешествия и мюнхенской жизни для Погодина или для Дельвига, который издает «Литературную газету» вместе с Пушкиным, Баратынским и Вяземским¹²¹? Оба велели тебя просить об этом. Я также обещал обоим; но мои наблюдения до сих пор были так *индивидуальны*, как говорят немцы, что могут быть интересны только для близких мне, кому я сам интересен. Общелюбопытного я видел еще немного, а то, что видел, стоит большего труда обделать в хорошую журнальную статью, а для журнального труда мне до сих пор не было времени. Поработай за меня. Прощай, милый, крепко и твердо любимый брат! Всею силой души

---

¹²¹ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – князь, русский поэт, литературный критик. – *Сост.*

прижимаю тебя к сердцу, которого лучшая половина твоя.

И. Киреевский

20. Родным

5 апреля 1830 года

Мюнхен

Здравствуйте! Через час у вас ударят в колокол, и теперь вы уже проснулись и приготавливаетесь к заутрене. Как живо я вижу всех вас, ваши сборы, одеванье, кофей; даже, кажется, отгадал бы разговоры ваши, если бы был уверен, что у вас все так, как было при последнем письме вашем, что вы здоровы и спокойны. Думая об нас, вы знаете, что наши мысли теперь с вами, и если вы все не сомневаетесь в этом, то бьюсь об заклад, что Машенька это сказала. Напишите, прав ли я? У нас здесь, несмотря на греческую церковь, заутрени нет, но это не мешает нам слышать русское: Христос воскрес – и присутствовать при вашем христосованьи. Завтра, однако, мы будем у обедни реально. После последнего письма моего из Берлина я не успел отдать вам отчета о том, что я делал и что со мною делалось. Постараюсь вознаградить это теперь, сколько возможно. 19-го марта, простившись с моими берлинскими знакомыми, я возвратился домой в 8 часов вечера и начал укладываться, чтобы на другой день отправиться в 6 часов утра. Юлий Петерсон, сын рижского, с которым мы виделись в Берлине почти каждый день, милый, дельный и, что

редко, вместе *gemüthlicher*¹²² малый. Доктор Нордман¹²³, об котором я писал к Максимовичу, отменно интересный человек, и еще несколько других немцев и русских пришли меня провожать, помогли уложиться и просидели до 2-х часов, потому что я не хотел ложиться спать, боясь прогулять время отъезда почты, которая буквально не ждет 2-х минут после назначенного срока. Когда они ушли, то мы с Юлием велели сделать себе кофею и так заговорились, что не заметили дня и чуть-чуть не пропустили роковой минуты. По счастью, хозяин мой напомнил нам час, и мы успели прийти на почту за 5 минут до отъезда кареты. Если Юлий прежде меня воротится в Россию и будет в Москве, то постарайтесь, сколько можно, отплатить ему за его обязательность и, можно сказать, дружбу ко мне. Сутки ехал до Дрездена, где, через час по приезде, свиделся с Рожалиным. Рожалин совершенно тот же, выключая длинных волос (которые, однако, он сегодня остриг), после двух лет уединенной жизни. Он занимается много и дельно; привык к сухому <?>, не потеряв несколько внутренней теплоты. Выучился по-английски и по-польски; последний язык особенно знает он прекрасно; читал с выбором и никогда не терял из виду главного предмета своих занятий: филологии и древностей. Круг его знакомства не широкий, но выбор делает честь его характеру. Вообще, однако, можно сказать, что во все это время он был по-

---

¹²² Добродушный, приветливый (нем.). – *Сост.*

¹²³ Неустановленное лицо. – *Сост.*

что один; это, однако, не имело невыгодного влияния на его обыкновенное расположение духа и дало его образу мыслей и выражениям большую оригинальность без односторонности. Завидное качество, так, как и вообще его поведение в отношении ко внешним обстоятельствам его целой жизни. В первый час нашего свидания мы с радости усидели бутылочку за ваше здоровье и за лучшее на родине. Это развязало немножко наши языки, так что мы тут же приступили к переговорам о его переезде в Мюнхен, сообразуясь с вашими письмами. Отъезд его из Дрездена сейчас же был решен, но он колебался еще, ехать ли ему со мною или ждать Кайсарову¹²⁴, и остановился на мысли ехать только в день моего отъезда. Собраться было не долго, и вот мы в Мюнхене.

В Дрездене пробыл я три дня, видел галерею, слышал славный концерт и лучших певцов и музыкантов, но театра не видел по причине поста и не познакомился ни с кем из интересных литераторов и ученых, живущих в Дрездене. Город самый и описывать вам не стану, потому что скучно, да к тому же вы можете расспросить об нем у Пушкиных... Музыку описывать нельзя, галерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой «Мадонны»¹²⁵ я не понял, в Кор-

---

¹²⁴ Кайсарова Варвара Яковлевна, урожденная Ланская (1796–1875) – фрейлина двора. Супруга генерала от инфантерии, сенатора Паисия Сергеевича Кайсарова (1783–1844). Н. М. Рожалин давал уроки латинского и русского языков дочери Кайсаровых Наталье Паисиевне (1819–1861). – *Сост.*

¹²⁵ «Сикстинская Мадонна» – картина Рафаэля, которая с 1754 г. находится в Галерее старых мастеров в Дрездене. – *Сост.*

реджиевой¹²⁶ «Магдалине» хотя искал, но не мог найти ничего нового и отличного от копии К.¹²⁷ и крепко подозреваю последнего, что он не сам скопировал, а украл свою копию у какого-нибудь отличного мастера. Зато другие картины произвели на меня тем большее впечатление, но если б я хотел вам рассказать впечатление этих картин, то говорил бы не об них, а потому оставляю это до свидания. К брату¹²⁸ приехали мы в субботу перед здешним Светлым Воскресением, т. е. в нашу Лазареву Субботу, и застали его за обедом, который сейчас увеличился двумя порциями и бутылкою вина за свиданье и за вас. Я писал уже вам о перемене, которая так счастливо произошла в его внешней стороне. Впрочем, в отношении к прежнему, но она только начало для будущего. Мне не нужно прибавлять, что это счастливая перемена только внешняя и что внутри он еще счастливее: остался тот же глубокий, горячий, несокрушимо одинокий, каким был и будет во всю жизнь. При этой силе и теплоте души, при этой твердости и простоте характера, которые делают его так высоким в глазах немногих, имевших возможность и уменье его понять, – ему недоставало одного: опытности жизни, и это именно то, что он теперь так быстро начинает приобре-

---

¹²⁶ Корреджо Антонио, Антонио Аллегри (1489–1534) – итальянский живописец. – *Сост.*

¹²⁷ Можно предположить, что И. В. Киреевский ведет речь о русском живописце Оресте Адамовиче Кипренском (1782–1836). – *Сост.*

¹²⁸ П. В. Киреевский. – *Сост.*

тать. Необходимость общаться с людьми сделала его и общительнее, и смелее, уменьшив несколько ту недоверчивость к себе, которая могла бы сделаться ему неизлечимо вредною, если бы он продолжал еще свой прежний образ жизни. Конечно, внешняя сторона его никогда не достигнет внутренней даже и потому, что ей слишком далеко было бы гнаться, но все-таки это внешнее образование будет одна из главнейших польз его путешествия. Занимается он здесь много и хорошо, т. е. сообразно с своею целью. Особенно в его суждениях заметно то развитие ума, которое дает основательное занятие философией, соединенной с врожденною верностью взгляда и с некоторыми сердечными предрассудками, на которые, может быть, сводится все достоинство человека как человека.

Вот самое интересное из виденного мною в Мюнхене, я хотел сказать, изо всего, что видел, расставшись с вами.

Мы покуда поселились у брата; я останусь здесь еще около недели, а потом они наймут другую квартиру, где им будет просторнее, и за ту же цену, вероятно, потому, что квартиры здесь отменно дешевы и хороши, а брат платит за свою дорого по-здешнему, хотя она и хороша, т. е. была, покуда лучшая из двух комнат не загромодилась лишними двумя кроватями.

2 часа

Теперь уже вы в сборе и, может быть, уже у всенощной.

Думайте об нас весело. Обнимаю вас крепко до завтра. Петр и Рожалин уже спят давно. Петр что-то говорит сквозь сон, может быть, христосуется с вами. Попробую, не удастся ли мне повидаться с вами во сне. Покуда прощайте.

6 апреля

Не знаю, что у вас сегодня делается, и потому не знаю, праздник ли для вас сегодня. Эта мысль мешает еще больше, чем разлука с вами. Какая скверная вещь – расстояние! В каждую мысль об вас она втирается незванным гостем, похожим на Варвикового¹²⁹ <?> соседа.

Сегодняшний день старались мы сколько возможно сделать нашим Светлым Воскресеньем, по крайней мере с внешней стороны. В 9 часов отправились в греческую церковь. Но здесь ничто не напоминало нам даже русской обедни, потому что, кроме греческого языка, в здешней церкви еще и та особенность, что поп вместе дьячок, и дьякон, и поп. Зрителей, любопытных немцев, собралась непроходимая толпа, а из русских, кроме нас, были только Тютчевы¹³⁰, у которых мы сегодня и обедали. Оба брата и жена Федора

---

¹²⁹ «Варвик» (июнь 1798) английского поэта-романтика Роберта Саути (1774–1843) в переводе (24–27 октября 1814) В. А. Жуковского. – *Сост.*

¹³⁰ Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – русский поэт и дипломат. Тютчев Николай Иванович (1801–1870) – брат Ф. И. Тютчева, полковник Генерального штаба. Тютчева Элеонора Федоровна, урожденная Ботмер (1800–1838) – супруга Ф. И. Тютчева. – *Сост.*

Ивановича очень милые люди, и, покуда здесь, я надеюсь видеться с ними часто. Жаль для моего брата, что они едут в Россию. Они нравятся и ему, что, впрочем, вы могли заметить из его писем.

21. Родным

26 апреля 1830 года

Мы получили ваши милые письма, которые опять освежили душу. Что бы ни писали вы, даже то, что вы пишете об моем расстраивании братниной и Рожалиновой дружбы, все читается с наслаждением. Каждое слово, каждый оборот фразы переносит меня перед вас. Смотря на вас, говоря с вами, я не всегда чувствовал ваше присутствие так живо, как читал ваши письма. Ради Бога, не велите Маше трудиться над письмами к нам и учиться писать их... Пусть пишет, что придет в голову, и так, как придет. Мне кажется, что, для того чтобы ей уметь оценить свои письма, она должна принять за правило то, что чем хуже написанным письмо ей кажется самой, тем оно лучше в самом деле. Неужели все душевное, простое, милое должно делаться без сочинения! После этого в чем же состоит мудрость? Теперь только чувствую, как глубоко чувствовал Рафаэль, когда вместо всякого выражения своей мадонне дал только одно выражение – робкой невинности. Но, чтобы мне не заговориться, я начну отвечать на ваше письмо по порядку.

Сначала об Рожалине. Если я не совсем понял вас из прежнего письма вашего об нем, то в этом виноваты немножко вы сами. Вы не писали ко мне, что ему хочется ехать в Мюнхен, но что он соглашается ехать туда за то, чтобы вы доставили его в Россию. По крайней мере, я так понял вас. Если же житее Рожалина в Мюнхене жертва, думал я, то это жертва бесполезная, потому что брату он другой пользы не принесет, кроме удовольствия быть вместе. Для этого не стоит ему жертвовать другими планами, если у него есть выгоднейшие. (Я тогда не знал еще, что отъезд Киреева¹³¹ оставял его на 1-й тысяче рублей, и кроме того думал об В.¹³²). Но если Рожалин считает поездку в Мюнхен жертвою, то он должен видеть в ее результатах что-нибудь больше простого

---

¹³¹ Киреев Алексей Николаевич (1812–1849) – представитель древнейшего дворянского рода, тульский помещик. «Что вам сказать о прочих членах нашего общества?» – писал Н. М. Рожалин А. П. Елагиной-Киреевской 17 августа 1828 г. – Ученица моя <Наташа Кайсарова> интересна, потому что несчастна, но боюсь, чтобы она не унаследовала холодности своей матери: жалкие мелочи с утра до вечера – вот зрелище, на котором воспитывается ее характер. Киреев обещал много, но весьма, весьма испорчен. Как бы я желал подарить в нем России малого дельного и с энтузиазмом! О последнем забочусь особенно, ибо от него-то все и зависит, и он-то у нас и в опасности. Уж две недели, как Кайсаровы уехали на воды Егерские; мы живем здесь одни, и это одиночество будет, вероятно, продолжаться еще неделю. Жаль, что оно нарушается князем Мещерским и двумя немками. Теплиц очень вял и скучен. Но мне до общей скуки нет дела: я беспрестанно занят, учусь по-английски, читаю бездну, и слава Богу! К тому же природа Богемии прекрасна. Что за горы!» (Русский архив. 1909. № 8. С. 574–577). – *Сост.*

¹³² Неустановленное лицо. – *Сост.*

удовольствия. Что же! Быть учителем брата и пр. – вот мысли, которые заставили меня написать к вам то, что я написал. Конечно, я виноват, что не понял вас, но и вы не правы, что положились слишком на мою понятливость, а еще больше, что предположили, что я буду действовать против вашей воли. Я ни минуту не поколебался, когда узнал его, а еще больше, когда, увидевшись с Рожалиным, я узнал его обстоятельства. Напротив, только моя твердая решительность могла преодолеть его колебание. Но говорить об деле сделанном не значит ли терять время? На вопросы ваши о Петруше я отвечал в последнем письме. Об унынии его не могу ничего сказать, потому что теперь вместе нам унывать некогда. Вообще я надеюсь, что он слишком занят для этого. А если бывает иногда грустно, думая на Восток, – тем лучше! Это дает значительность жизни и деятельность. Я очень хорошо испытал это в последнее время: вообразите, что свидание с братом и Рожалиным отняло у меня беспокойство одиночества, отняло вместе почти всю ту деятельность, которой я сам радовался в Берлине.

Я опять сплю после обеда, опять не чувствую каждой минуты, опять ничего не сделал. До сих пор не был ни у Шеллинга, ни у кого из примечательных людей и, кроме театра, сада, концерта и ежедневной картинной галереи, не видал ничего и никого. Зато картинная галерея совсем овладела мною. Иногда мне кажется, что я рожден быть живописцем, если только наслаждение искусством значит иметь

к нему способность; чаще, однако, мне кажется, что я никогда не буду иметь никакого толка в живописи и даже не способен понимать ее, потому что именно те картины, которые всего больше делают на меня впечатление, всего меньше занимают меня сами собою. Я до сих пор еще не могу приучить себя, смотря на картину, видеть в ней только то, что в ней есть. Обыкновенно начинаю я с самого изображения и чем больше вглядываюсь в него, тем больше удаляюсь от картины к тому идеалу, который хотел изобразить художник. Здесь поле широкое, и, прежде чем я успею опомниться, воображение закусит удила и, как черт святого Антония, унесет так быстро, что, прежде чем успеешь поднять шапку, она лежит уже за тысячу верст. Только тогда, когда материальное присутствие картины напомнит о себе, узнаешь, что был далеко, почти всегда там, где всходит солнце. Мне самому смешно сознаваться в этой способности наслаждаться в картине тем, чего в ней нет, и я очень хорошо чувствую всю странность этого качества, которое, чтобы быть совершенно *conséquent*¹³³, должно больше всего радоваться золотой рамкою около пустого места. Еще страннее мне видеть это качество именно в себе, у которого оно не заменяется даже творчеством воображения, потому что *воображения* собственно у меня нет, а его место заступает просто память. Вообразите, что мне иногда случается долго смотреть на одну картину, думая об другой, которая висит через стену, подойдя к этой,

---

¹³³ Последовательным (фр.). – Сост.

опять вспомнить про ту. Это не врожденное, и я очень хорошо знаю – откуда?

22. Родным

28 апреля 1830 года

Вот я уже целый месяц тут, и останусь, может быть, весь семестр, следовательно, пишите ко мне не в Париж, а в Мюнхен. В самом деле странно бы было уехать отсюда, не слыхавши Шеллинга. Он начинает завтра. Я между тем слушаю уже Окена¹³⁴ натуральную историю и его же физиологию и Шорна¹³⁵ историю новейшего искусства. У Шеллинга и Окена я был, познакомился с ними и надеюсь быть не один раз. Но подробности всего в следующем письме. Кроме них и Тютчевых, я здесь еще не видал никого.

День мой довольно занят, потому что, кроме субботы и воскресенья, я четыре часа в сутки провожу на университетских лавках, в остальное время записываю лекции. Если мне удастся их записать, пришло к Погодину, если вы беретесь взять с него честное слово, чтобы он не напечатал из них ни

---

¹³⁴ Окен Лоренц, Оккенфус (1779–1851) – немецкий естествоиспытатель и натурфилософ, ученик и последователь Шеллинга, профессор в Йене (1807–1819), Мюнхене (1828–1832), Цюрихе, где был первым ректором основанного в 1833 университета. – *Сост.*

¹³⁵ Шорн Иоганн Карл Людвиг (1793–1842) – немецкий писатель, профессор эстетики и истории искусства Мюнхенского университета (с 1826 г.). – *Сост.*

одной буквы, потому что если Шеллинг узнает, что его слова тискаются, то готов сделаться заклятым врагом. Этому были уже примеры. Прощайте!

Письмо к Баратынскому пошлите в деревню, если он еще не в Москве. Пишите к нам чаще, и больше, и подробнее, а пуще всего будьте здоровы. Верно, еще письмо пришлем через две недели. Мы разочли, что, так как мы вместе, можем писать вдвое чаще. Напишите мне все, что знаете обо всех, кто помнит меня и кто забыл. Перестали ли грызть мою статью?

23. Родным

21 мая 1830 года

Деятельность моя берлинская нашла здесь на мель. Вместо того чтобы заниматься близким, я пускаю мысли в далекое и оттого 1/3 дня провожу на постели. Однако это не помешало мне прочесть много интересного. Пишу я мало, зато слушаю лекции аккуратно и некоторые записываю. Шеллинговы лекции легли довольно стройно, и потому я их пришлю не к Погодину, а к папеньке, а то первый, боюсь, напечатает. Вы зато прочтете ему то из них, что вам понравится, потому что эти лекции писаны так, что, кажется, и вы прочтете их не без удовольствия. Система Шеллинга так созрела в его голове с тех пор, как он перестал печатать, что она, как готовый плод, совсем отделилась от той ветви, на которой на-

чинала образовываться, и свалилась от той ветви кругленьким яблочком между историей и религией. Вероятно, однако, что яблочко будет началом новой Троянской войны между философами и нефилософами Германии. Курносый Шеллинг будет играть роль Париса, а в пламенные Ахиллы, я не знаю, кто бы годился из немцев, если наш Л.¹³⁶ не возьмет на себя этой роли. В боги также можно навербовать из сотрудников „Телеграфа“, Максимовича в Марсы и пр. Только кто будет Венерою?.. Уверьте в этом первого слепого и велите быть Гомером, с условием, однако, чтобы он смотрел на Венеру сквозь пальцы. Рожалин, которому я это прочел, говорит, что она Елена, изречение, достойное ученика Тирша¹³⁷. Соболевского здесь еще нет, несмотря на то, что он обещал быть к нам в половине мая.

Тютчевы уехали 28 в Россию. Если вы увидите их отца¹³⁸, то поблагодарите его хорошенько за сына: нельзя быть милее того, как он был с Петрухою, который, несмотря на предупреждение, с которым (помните?) поехал из Москвы, здесь был разом совершенно обезоружен тютчевским обхождением. Он мог бы быть полезен даже только присутствием своим, потому что у нас таких людей европейских можно счесть

---

¹³⁶ Неустановленное лицо. – *Сост.*

¹³⁷ Тирш Фридрих Вильгельм фон, Friedrich Wilhelm von Thiersch (1784–1860) – немецкий антиковед, филолог-эллинист, гуманист и педагог. – *Сост.*

¹³⁸ Тютчев Иван Николаевич (1776–1846) – российский помещик, поручик в отставке, надворный советник, отец Ф. И. Тютчева. – *Сост.*

по пальцам.

Кроме Тютчева, я здесь не знаком ни с кем. У Шеллинга и у Окена был раз по 2 и только. Брат с ними знаком и больше умеет мастерски обходиться. На днях пришла нам охота учиться по-итальянски; мы уже условились с учителем и достали несколько итальянских книг. Что вы скажете об этом?

24. Родным

30 мая июня 1830 года

Папенька также раз начал учиться по-итальянски, маменька по-итальянски знает, Машу мы выучим в 2 месяца, и вот у нас язык *à parte*¹³⁹, язык Петрарки¹⁴⁰ и Данте¹⁴¹! Не знать такого легкого языка так же стыдно, как стыдно бы было не перейти через улицу, если бы на Мясницкой показывали Альфьери¹⁴² и Петрарку. Авось и папеньке придет охота продолжать итальянский язык!

В Тироле мы не были, потому что погода была скверная. Зато были в Шлейсгейме, который час езды от Мюнхена. Мы провели там 7 часов, которых едва достало, чтобы вскользь осмотреть 42 залы, где больше 2000 картин и почти все из древних немецких школ. Особенного впечатления не про-

---

¹³⁹ Отдельно, сам по себе (*фр.*). – *Сост.*

¹⁴⁰ Петрарка Франческо (1304–1374) – итальянский поэт. – *Сост.*

¹⁴¹ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт. – *Сост.*

¹⁴² Альфьери Витторио (1749–1803) – итальянский поэт. – *Сост.*

извела на меня ни одна, потому что их было слишком много; к тому же я приехал туда уже избалованный здешнею центральною галерею, куда перенесены лучшие картины из Шлейсгейма.

Не стыдно ли вам беспокоиться об моей поездке будущей в Париж? Я не только отважусь ехать туда через 2 месяца, но еще имею дерзость везти с собою брата. Как бы желал, чтобы получить от него верные сведения обо всем, что вас так напрасно беспокоит. Какой такой ученый журналист уверил вас, что все путешественники выезжают из Франции? Это что-то пахнет Булгариным.

25. Родным

3 июня 1830 года

Наконец третьего дня удостоились мы приложиться к явленному образу Соболевского, худого, стройного, тонкого, живого, прямосидящего, тихоговорящего и пр. Он пробудет здесь около недели и отправится в Италию.

Вот вам просьба очень важная, которую исполнить попросите Петерсона¹⁴³ с помощью Яниша К. И.¹⁴⁴ и всех тех, кого

---

¹⁴³ А. П. Петерсон. – *Сост.*

¹⁴⁴ Очевидно, близкий друг семьи Елагиных-Киреевских Карл Иванович Яниш (1774–1833) – представитель знаменитой лютеранской дворянской семьи, ординарный профессор московского отделения медико-хирургической академии, профессор физики и математики Московского университета. – *Сост.*

найдете к этому способным. Дело в том, чтобы узнать навверное и аккуратно, есть ли в наших старинных церквах своды, или украшения, или двери, или окна, выгнутые подковою; если есть, то где? как? когда? и пр. Об этом просит меня справиться профессор Шорн, потому что этим одним фактом он может опровергнуть целую новую систему архитектурного влияния арабов. Если бы можно было прислать хотя бы только геометрическими линиями снятое изображение Успенского собора, то это было бы всего лучше. В такого рода занятиях проходят все наши часы здесь. Поэтому рассказывать остается почти нечего. Тем больше нетерпение получать ваши письма.

Соболевский писал уже в Париж, чтобы ваши (письма) оттуда прислали ко мне сюда; Александр Тургенев уже уехал из Парижа. Досадно, что я не увижусь с ним, тем больше, что, кроме него, у меня не было ни к кому писем в Париж. Соболевский дает несколько писем к каким-то мадамам, своим друзьям-приятельницам, к которым я могу ездить в халате, хотя они самые почтенные особы французского языка. Чувствуете ли вы, как ловко мне будет?

26. Родным

29 июня 1830 года

Каков я умница! Как я славно обманул вас! Обещал писать через 2 недели, а вот уже прошло с тех пор четыре.

Впрочем, беспокоиться вы не могли, зная нас всех вместе, т. е. нас трех¹⁴⁵ плюс Соболевского, который приехал на два дня и зажился здесь целый месяц. Долго ли он здесь останется – еще неизвестно, хотя он собирается каждый день. Думаю, однако, что он увидит Петрушины именины.

Мы начали день итальянским уроком, а кончить думаем в театре, где дается *la Muette de Portici*¹⁴⁶. Середину дня еще не знаем, хотя за обедом Рожалин уже предчувствует пробочный выстрел. Итальянский язык наш не идет вперед, а бежит. Скоро мы надеемся приняться за Данта и теперь уже это сделали бы, если бы наш *Cavallieri Maffei*¹⁴⁷ был не так глуп.

Брат в конце семестра, может быть, поедет месяца на три в Италию, между тем как я отправлюсь прямо в Париж... Рожалин остается еще здесь после нас, чтобы слушать Тирша, на котором он сходит с ума и который ему альфа и омега для греческих и римских. В самом деле, если где-нибудь он может образоваться для своей цели, так это здесь, где он к этому имеет все способы. Впрочем, я боюсь за него в уединении. Уже дрезденская жизнь много переменяла его характер, так как вообще характер всякого переменяется в безлюдии, среди людей, которые близки только по месту. Впрочем,

---

¹⁴⁵ Н. М. Рожалин, И. В. и П. В. Киреевские. – *Сост.*

¹⁴⁶ «Немая из Портичи» – пятиактная опера французского композитора Даниэля Франсуа Эспри Обера (1782–1871). – *Сост.*

¹⁴⁷ Кавалер Маффей (*ит.*). – *Сост.*

я надеюсь, что когда воротится в Россию, то скоро оботрет с себя эту корку посреди тех, с которыми можно жить спустя рукава и расстегнувши грудь, не боясь, что приятели в нее воткнут не кинжал (это бы славу Богу), а иголку, которую заметишь только по боли. Не знаю кто, а, верно, были у Рожалина добрые приятели, которые так его ласкали иголочками, потому что мы еще до сих пор не можем навести на прежнюю колею, хотя и стараемся каждый своим манером, я – философствованиями, а Петруха – своим простым, дружеским, откровенно деликатным обхождением. Вот un grand homme pour son valet de chambre¹⁴⁸. Такая одинаковость с такою теплотою сердца и с такою правдою в каждом поступке вряд ли вообразимы в другом человеке... Когда поймешь это все хорошенько да вспомнишь, что между тысячами миллионов именно его мне досталось звать братом, какая-то судорога сожмет и расширит сердце.

27. Родным

3 июля 1830 года

Сегодня Соболевский отъедет. Он прожил с нами больше месяца и отправился теперь в Милан и оттуда в Турин, где останется месяца два. С его отъездом точно будто уехало сорок человек. У нас опять тихо, порядочно и трезво; что же

---

¹⁴⁸ Великий человек по отношению к своему камердинеру (фр.). – *Сост.*

касается до наших главных занятий, т. е. лекций и пр., то им не мешал и Соболевский, который бурлил только в антрактах, но зато так, что бедный Рожалин всякий день принужден был откупаться от его крика слезами и вином, хотя и это не всегда помогало. Вообще, если бы надо было одним словом назвать нашу мюнхенскую жизнь, нужно было бы сочинить новое слово между скукою и пустотою. Мы здесь плывем на корабле вокруг света, не входя в гавани, по морю без бурь и от нечего делать читаем Шеллинга, Окена и пр. Поблагодарите Языкова за его милую приписку в прошедшем вашем письме и за Раупаха особенно¹⁴⁹.

Я не пишу ни к кому теперь, боясь задержкою письма дать вам лишний день беспокойства, хотя вам, зная нас всех вместе, беспокоиться нельзя по-настоящему, но всегда ли у вас бывает по-настоящему? Извините меня перед Погодиным, если он сердится на мое молчание; скажите, что от лекций и отдыхов у меня нет свободной минуты и что в следующий раз я непременно буду писать к нему. Шеллинговы лекции вряд ли и придут к вам, потому что гора родила мышь. В сумме оказалось, что против прошлогодней его системы нового не много. Не знаю, что еще будет; к тому же пересылка была бы слишком дорога, а переписка слишком скучна. Баратынского обнимаю от всей души. Если я к кому-нибудь

---

¹⁴⁹ Намек на эпиграмму Н. М. Языкова на Раупаха: «Чем весть сия славна, вы знаете ль, друзья; Здесь сердце русское невольно полно страхом, Здесь Софьей казнены Хованские князья, Убитые потом немцем Раупахом». – Сост.

буду писать, кроме вас, то, верно, прежде всех к нему. Но до сих пор, судите сами, когда в Москве я не находил времени писать нужные письма, бывши не занят целый день, то здесь, где мне на письма и на отдых остается один усталый вечер, – найти свободную минуту, право, род геройства. Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается начать. Несмотря на то, я уже изорвал одно письмо к нему, потому что когда перечел его, то увидел, что все написанное в нем разумелось само собою и, следовательно, не стоило весовых.

Я получил отменно милое письмо от Шевырева¹⁵⁰, почти все об моей статье, которую он читал, и похвалы, которых она далеко не стоит. Это одно заплатило мне с жидовскими процентами за все брани Булгариных. Надеюсь, что теперь уже замолчали и почувствовали,

Que je n'ai point mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité¹⁵¹.

Пожалуйста, напишите больше и чаще обо всех и даже неинтересное.

---

¹⁵⁰ Шевырѐв Степан Петрович (1806–1864) – русский литературный критик, историк литературы, поэт, профессор Московского университета (с 1837 г.). – Сост.

¹⁵¹ Что я не заслуживаю Ни этой чести, ни этой обиды (фр.). – Сост.

28. Родным

8 июля 1830 года

После долгого ожидания получить письмо, в котором от маменьки несколько строчек приписки. Маменьке некогда писать к нам! Впрочем, мы потеряли право жаловаться после того беспокойства, которое доставило вам долгое наше молчание. Хотя мы не так виноваты, как вы думаете. Условие было писать через месяц, а Рожалин отправил свое письмо, не сказавши нам. Если бы кто-нибудь из нас сделал с ним то же, то это было бы непростительно, но с бедного Рожалина взыскивать нельзя, что он не понимает того, что нельзя расчесть умом, когда чувство не наведет на этот расчет. Впрочем, это чувство беспокойства понапрасну мы в семье нашей утончили донельзя. Но, хотя понапрасну, оно справедливо: это необходимый налог, который судьба кладет на великое счастье, и если бы счастье дружбы освободилось от него, то нравственный мир пришел бы в неравновесие. Вы, однако, кроме налога необходимого, делаете еще добровольные пожертвования, и я не понимаю, зачем такое великодушие. Уже потому, что мы оба молчим, должны мы быть оба здоровы и живы и еще к тому заняты. Но вы могли написать два слова между строк, при вашей легкости писать, зная, как нам дорого каждое лишнее слово вашего письма. Даже длинна папенькиного письма, который будто сжалился над нами

и хотел вознаградить нас необыкновенным усилием за вашу короткую приписку. Вот письмо ваше от 24-го, которое залежалось на почте Бог знает отчего и которое своим милым содержанием и полновесностью говорит мне: дурак, беспокоится понапрасну! Если бы я только мог найти какого-нибудь неподкупного протоколиста, который бы под каждую строкою вашею подписывал: с подлинным верно! Если правда, что вы здоровы и веселы, зачем же беспокоят вас сны? По-настоящему они должны беспокоить не вас, а нас как доказательство вашего не совсем здоровья. Но так и быть, я готов уступить вам это только с тем, чтобы, кроме снов, целую жизнь вашу не беспокоило вас ничто на свете. Со мной 23 марта не было, сколько помню, ничего необыкновенного, и до сих пор мы все беспрестанно здоровы совершенно. За именины мои благодарю от всего сердца. Если вам было весело, то это в самом деле был мой праздник. Что ваши глазки? Отчего вы ничего не скажете об них? И зачем и к чему хвалиться здоровьем? Даже и потому вы не можете быть довольны здоровы, что здоровье ваше нужно для всех нас, следовательно, вам надобно его вдесятеро больше, чем каждому из нас. Планы наши на Париж пошатнулись, хотя, кажется, там опять все спокойно. Может быть, мы поедем в Италию. Шевырев зовет в Рим. Я бы хотел, чтобы вы видели его милые письма! Сколько в них дружбы и сколько жара завидной молодости. Да! Для меня молодость уже качество чужое и завидное, и на всякое кипение восторга я смотрю с таким же

чувством, с каким безногий инвалид глядит на усталые движения своих товарищей. Движения Шевырева в самом деле удалые. Чем больше он работает, тем больше становится сильнее и вместо усталости все больше и больше набирается энтузиазма и духа. Он в жизни как рыба в воде, и еще такая рыба, которая может не выплывать на воздух и не дышать чужим элементом. Это качество столько же драгоценно, сколько оно редко в людях с талантом. Мицкевич, говорят, был в Смирне и уже опять возвратился в Рим. Если это правда, то вот новая туда приманка. Впрочем, во всяком случае без писем в Париж все равно что не ехать. С Потемкиным¹⁵² я не знаком. Думая пробыть в Мюнхене только 2 дня, я не сделал ему визита, а через две недели уже было поздно. Теперь, впрочем, я рад, что не в Париже, иначе вы беспокоились бы обо мне еще больше. Италия же во всяком случае не будет бесполезна и для языка, и для памяти, на которой она отпечатывает столько изящного. Рожалин остается здесь для того, чтобы учиться по-гречески. В деньгах он не нуждается. Что же касается до нас, то мы не только себе ни в чем не отказываем, но еще тратим много лишнего. Третьего дня мы от 6 часов утра до часу за полночь провели за городом в Штарренберге, катаясь по озеру, которое 5 часов длины и на горизонте сливается с Тирольскими горами. Прогулка эта стоила нам больше 25 рублей, и это была еще одна из всего меньше глупых издержек наших...

---

¹⁵² Неустановленное лицо. — *Сост.*

Известие о Баратынском меня очень огорчило. Последствия этого рода воспалений всегда двусмысленны. Надеюсь, однако, в первом письме вашем видеть его совсем здоровым. Между тем, как не выпросили вы у него нового романа, как не прочли его до сих пор и не прислали к нам? Я бы теперь охотно написал ему разбор; только побывавши в чужих краях, можно выучиться чувствовать все достоинство наших первоклассных, потому что... но я не хочу теперь дорывать-ся до причины этого, которая лежит на дне всего века. Общие мысли, как важные дела, оставим до утра, то есть до свидания. Вообще все русское имеет то общее со всем огромным, что его осмотреть можно только издали. Если бы вы видели, чем восхищаются немцы и еще каким нелепым восторгом! Нет, на всем земном шаре нет народа плоше, бездушнее, тупее и досаднее немцев! Булгарин перед ними гений! Кстати, дайте мне какое-нибудь понятие об эпиграммах на «душегрейку». Как благодарен я вам, милый папенька, за то, что вы не забыли поделиться с нами университетским заседанием¹⁵³. Знаете ли, что оно и нас тронуло до слез. И народ, который теперь, может быть, один в Европе способен к восторгу, называют непросвещенным. Поцелуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите от нас за подвиг горячего слова. Как бы я от сердца похлопал вместе с вами! Но неужели

---

¹⁵³ Говорится о речи М. П. Погодина, произнесенной им 28 июня 1830 г. и вызвавшей рукоплескания, которые начали А. А. Елагин и Н. М. Языков при поддержке остальной публики. – *Сост.*

нам до возвращения не читать этой речи?

Лекции Шеллинга я перестал записывать: их дух интереснее буквальности. Вместо присылки их самих, что стало бы дорого, я лучше напишу вам что-нибудь об них, когда будет время, т. е. когда кончится семестр. Это будет около 13-го этого месяца. Что же касается до регулярности наших писем, то ее лучше не требовать. Ожидая письма наверное в известный день, не получить его хуже, чем просто долго не получать. К тому же последнее, надеюсь, не повторится. Это была с нашей стороны точно непростительная ветреность. Биографию баварского короля¹⁵⁴ писать для альманаха мудрено, особенно когда для этого надобно знать столько подробностей, которых мы не знаем. Биографию Баженова¹⁵⁵ писать из Германии странно, когда вы можете написать ее в России, где встречный и поперечный скажет вам об нем что-нибудь новое. Но если Языков¹⁵⁶ хочет иметь статью от меня, то я готов служить ему сколько в силах. И лучше напишу об чем-нибудь, что меня занимает. Если же статья не понравится, то я напишу другую, третью и так далее. Зачем только он хочет назвать альманах свой *душегрейкой*¹⁵⁷? Конечно, это был

---

¹⁵⁴ Людвиг I Баварский (1786–1868) – король Баварии с 13 октября 1825 года до своего отречения 20 марта 1848 года, из династии Виттельсбахов. – *Сост.*

¹⁵⁵ Возможно, речь идет о русском архитекторе Василии Ивановиче Баженове (1737–1799). – *Сост.*

¹⁵⁶ Н. М. Языков. – *Сост.*

¹⁵⁷ В записках А. С. Пушкина читаем: «Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил

бы величайший знак дружбы, который писатель может оказать другому писателю, – так открыто одобрить то, на что всего больше нападают, но благоразумно ли это? Несмотря на то, что он <Языков> только для понимающих. Для Булгариных он просто цель, но выше других. Пусть их грязь не долетит до этой цели, но покуда летит, она заслоняет цель от взоров тех, кто внизу, а эти-то низкие и дороги для альманаха. Отсоветуйте ему рыцарствовать, а лучше пусть его воротится к своей «Ласточке»¹⁵⁸. Уверьте его, что мне довольно знать его одобрение, чтобы быть вознагражденным за критику всех возможных Полевых... Германией уж мы сыты по горло. К Языкову, Баратынскому, Погодину, кажется, я написать не успею. Языкову крепкое рукопожатие за стихи. С тех пор как я из России, я ничего не читал огненнее, сильнее, воспламенительнее. «Пловец» его мне уже был знаком – это тот же, который хотел спорить с бурей, только теперь он дальше в океане. Если ваши глазки здоровы, только не иначе, то окончите мне остальные звездочки. Вместо Катона представьте какого-нибудь мученика в то время, когда ему говорят: пожри богам нашим! Можно вот как: он обнимает

сие изысканное выражение: древняя муза его покрывается иногда душегрейкой новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: в стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику». – *Сост.*

¹⁵⁸ Название альманаха, который предполагал издать поэт Н. М. Языков. – *Сост.*

посреди стоящий крест, по бокам палачи, вдали народ и разведенные огни, над крестом звезда.

29. Родным

5 августа 1830 года

Поклонитесь Янишам и скажите им, что мы так часто думаем об них и особенно так любим вспоминать их пятницы¹⁵⁹, что им в честь и в воспоминание завели пятницы у се-

---

¹⁵⁹ Речь идет о вечерах в доме профессора Карла Ивановича Яниша, организуемых для его дочери Каролины Карловны Яниш (1807–1893). К. И. Яниш был широко образованным человеком. Медик по специальности, он преподавал физику и химию, занимался астрономией и живописью, отлично знал литературу. Под руководством отца Каролина Карловна получила прекрасное домашнее воспитание; знала четыре языка и в Москве слыла девицей, *одарённой самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами*. В 1825 г. она встретилась с польским поэтом Адамом Мицкевичем, высланным в Москву за причастность к национально-освободительному движению поляков против русского самодержавия. Молодые люди полюбили друг друга и собирались пожениться, но Яниши восстали против брака дочери с необеспеченным и политически неблагонадёжным поэтом. Много лет спустя, глубокой старухой, она писала сыну Мицкевича: «Воспоминание об этой любви и доселе является счастьем для меня». Только в 1836 г. К. К. Яниш вышла замуж за известного в своё время писателя Николая Филипповича Павлова (1803–1864) – человека легкомысленного, отчаянного игрока, спустившего с рук ее состояние. В конце 1820-х годов К. К. Яниш сблизилась с московскими литературными кругами. Тогда же она и сама приступила к литературным занятиям – на первых порах в качестве переводчицы на немецкий и французский языки стихотворений Пушкина и других современных русских поэтов. Первые оригинальные стихи К. Яниш были также написаны по-немецки и по-французски. Немецкие переводы девицы Яниш были доставлены в рукописи Гёте, который одобрил их и прислал переводчице лестное письмо. В 1833 г.

бя, с тою только разницею, что вместо одной у нас их семь на неделе. Этот немецкий Witz¹⁶⁰ в русском переводе значит следующее: сегодня мы думаем ехать в Италию, завтра в Париж, послезавтра остаемся еще на некоторое время здесь, потом опять едем и т. д., и вот почему я не могу вам сказать ничего определенного об наших планах. Вероятнее другого, однако, то, что мы проведем осень в Северной Италии, а к ноябрю будем в Риме, где пробудем много ли, мало ли, Бог знает. Между тем я убедился, что для завтра нет наряда больше к лицу, как длинное густое покрывало, особенно когда от нас зависит его приподнять. Не знаю сказать почему, а очень весело беспрестанно делать другие планы и возвращаться к старым, как к таким знакомым, с которыми встретиться весело, а расстаться не грустно. Это похоже на езду в дилижансе, где вместо товарищей немцев с одной стороны сидит Швейцария, с другой madame Италия и спереди monsieur Париж. В этих дилижансах ездим мы обыкновен-

---

переводы эти были изданы в Германии. Несколько позже, в 1839 году, в Париже вышел сделанный К. Яниш французский перевод трагедии Шиллера «Жанна д'Арк». К тому времени она начала писать и русские стихи, пользовавшиеся успехом в московских литературных салонах. 1840-е гг. были временем наибольших успехов К. К. Яниш-Павловой и расцвета её поэтического дарования. Она писала много, деятельно участвовала в журналах и альманахах, выработала свою характерную поэтическую манеру, несколько холодноватую, но в высшей степени эффектную, овладела отточенным стихотворным мастерством. В 1848 году был издан роман К. К. Яниш-Павловой «Двойная жизнь», написанный стихами и прозой. К тому же времени относится ее небольшая поэма «Разговор в Трианоне», которую сама она считала лучшим своим произведением. – *Сост.*

¹⁶⁰ Шутка (нем.). – *Сост.*

но за обедом и за вечерним кофеем, потому что остальное время почти все проводится либо в университете, либо за книгами и за итальянскими уроками. В университете теперь лекции скоро кончатся, и потому многие профессора, чтобы успеть кончить свои лекции, вместо одного раза читают 2 раза в день, что отнимает у нас несколько часов от болтанья, ничегонеделанья и от других непринужденных занятий. Прибавьте к этому необходимость гулять под глубоким яхонтовым небом послеобеденные южные жары, а больше всего мою врожденную и благоприобретенную леность, составьте из всех тех, к кому я до сих пор не писал. Особенно постарайтесь оправдать меня перед милым Баратынским, Языковым и Погодиным. От первого я получил милое письмо, на которое, если успею, буду отвечать сегодня, если же не успею, то на днях, и пришлю письмо к вам...

В Италии больше картин и статуй привлекает меня небо. Южное небо надобно видеть, чтобы понять и южную поэзию, и мифологию древних, и власть природы над человеком. Это небо говорит не воображению, как северное, как звезды, как буря; оно чувственно прекрасно, и нужно усилие, нужно напряжение, чтобы любоваться им. Здесь небо так близко (несмотря на то, что глубоко), так близко к человеку, что ему не нужно подыматься на пальцы, чтобы достать до него, между тем как на севере надобно взгромоздиться на целую лестницу оссиановских теней, чтобы небо сделалось ощутительным. Вы знаете, что я никогда не был энтузиастом

природы, но на этот яхонт смотрю иногда, право, почти с таким же чувством, с каким смотрит на яхонт жид. Так и рвется из груди вздох Гете и Веневитинова¹⁶¹: отдайте мне волшебный плащ. Впрочем, здесь мы редко видим этот яхонт. Близость гор и возвышенность места дают нам очень часто погоду английскую. Зато тем больше наслаждаемся мы хорошою. Иногда, однако, когда вспомнится, что на севере Россия, захочется и бледного неба. Но чуть ли я не рассуждаю с вами о погоде? Вот что значит побыть 7 месяцев в Германии! Впрочем, жизнь наша здесь так однообразна, так уединенна, что если выключить то, что мы думаем о вас, что читаем и слышим на лекциях, то чуть ли не останется говорить об одной погоде. Но повторять вам слышанное на лекциях было бы скучно, и мудрено, и смешно, и дорого, повторять читанное в книгах не лучше, а мысль об вас – как итальянское небо, которое можно понять только чувством и которое в описании будет только слово. Эти мысли, впрочем, как-то не доходят до мысли; они то память, то чувство, то воздушный замок, то сон и никогда не силлогизм. Покуда думаешь их, не думая о них, кажется, наполнен мыслями; захочешь рассказать – ни одной не поймашь в слово. Тем больше что все это, кажется, рассказывать не для чего. В самом деле, к чему вам знать, что тогда-то я думал то-то: то как вы сидите вместе, то как гуляете в саду, то здоровы ли вы, то как я про-

---

¹⁶¹ Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827) – русский поэт, критик. – *Сост.*

щался с вами, то Языков читает на столе стихи, то у вас болят глазки, то вы здоровы и веселы и думаете об нас, то как мы спорим с папенькой о политической экономии, то толкуем о Шеллинге, то Андрюшка¹⁶² дернул бровкой, то Васька¹⁶³ сочинил стихи и пр. Кстати, отчего вы не пришлете нам ничего из детского журнала? Еще больше кстати: как можно печатать мое письмо о Шлейермахере? Не потому только, что слог, как вы говорите, не отделан и что показываться в халате перед теми друзьями, которых мне сделало мое обозрение с «*душегрейкой*», было бы безрассудно, а перед незнакомой публикой неприлично, но потому, что я говорю об людях живых и к тому же не так, как я говорил бы публично.

<...> Пожалуйста, поверьте моим опытам и несомненно-му убеждению, что видеть меня таким, каков я в самом деле, и вместе любить может только моя семья. Немногие друзья мои – не все исключение: из них многие любят такие качества, которых я не имею. Но и вы, разве я ваш не в тысячу раз лучше меня настоящего... К Баратынскому я написать не успел. До сих пор еще не отвечал Шевыреву. Но скоро кончатся лекции, и тогда я примусь за письма, может быть, еще напишу что-нибудь для языковского альманаха, разумеется, не в таком роде, чтобы одолжить его столькими приятелями, сколькими мне обязан Максимович... Благодарствуйте за то, что часто бываете под Симоновом; только что же вы так дол-

---

¹⁶² А. А. Елагин. – *Сост.*

¹⁶³ В. А. Елагин. – *Сост.*

го не пишете? Пришлите непременно роман Баратынского и то, что есть нового: Пушкина, Языкова, Вяземского и, если можно, хотя предисловие к «Борису»¹⁶⁴. Откуда такая досада на славу? Неужели лишь Булгарины могут заставить Пушкина молчать?

Прощайте. Пишите больше и чаще и даже о том, что вам кажется неинтересным.

30. М. В. Киреевской

8 августа 1830 года

Дружочек Маша! Сегодня твое рождение, и, чтобы освятить себя на этот день, я начинаю его письмом к тебе, милая сестра. Мудрено и грустно начать твое рождение письмом. За год назад, когда я был с вами, – *вечер*. Вот что я успел написать к тебе сегодня, только я проснулся, т. е. в 7 часов поутру. Но вместо того чтобы продолжать письмо свое, я засмотрелся на эти 3 строчки как будто на Рафаэлеву картину, и до тех пор покуда брат и Рожалин вошли в мою комнату *поздравляться*, т. е. до 9-ти часов, – что же я делал в эти 2 часа, ты этого не спросишь. Может быть, ты сама в это же время думала об нас и знала, что если мы и не пришли к тебе сегодня поутру поцеловать тебя и поздравить, то мыс-

---

¹⁶⁴ «Борис Годунов» («Драматическая повесть, Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве») – историческая драма А. С. Пушкина, созданная в 1825 году. – *Сост.*

ли наши были с тобою еще прежде, чем ты проснулась, даже прежде, чем мы сами проснулись. Знаешь ли ты, что я во всяком сне бываю у вас? С тех пор как я уехал, не прошло ни одной ночи, что бы я не был в Москве. Только как! Вообрази, что до сих пор я даже во сне не узнал, что такое свидание, и каждый сон мой был повторением разлуки. Мне все кажется, будто я возвратился *когда-то давно* и уже еду опять. Сны эти до того неотвязно меня преследуют, что один раз, садясь в коляску, тоже во сне, чтобы ехать от вас, я утешался мыслью, что теперь, когда сон мой исполнился, по крайней мере я перестану его видеть всякую ночь. Вообрази же, как я удивился, когда проснулся и увидел, что и это был сон. Это род сонного сумасшествия, *une idée fixe, qui est venue un rêve permanent. Mais pourquoi fallait-il que cette idée fixe soit la séparation, et non le revoir?*¹⁶⁵ Хоть ты попробуй наслать мне сон со свиданием. Надумай его. Хоть один, а я уцеплюсь за него всею силой воображения и разведу из него целую грядку таких снов. Это будет семечко от цветка: *иван-и-марья*, которое я посажу к себе глубоко в мысли, и стану за ним ходить, и буду его греть и лелеять, покуда оно пустит корни так далеко, чтобы никакая буря его не вырвала, никакой репейник не задавил. Не смейся над этим. Сны для меня не безделица. Лучшая жизнь моя была во сне. Не смейся же, когда я так много говорю об них. *Они вздор, но этот вздор доходит*

---

¹⁶⁵ Идея фикс, которая появляется как навязчивый сон. Но почему нужно было, чтобы эта идея фикс бало расставание, а не свидание? (*фр.*). – *Сост.*

до сердца. К тому же с кем лучше тебя могу разделить его? Между тем, чтобы ты знала, как насладиться сном, надобно, чтобы я научил тебя знать свойства снов вообще. Это наука важная, и я могу говорить об ней *avec connaissance de cause*¹⁶⁶. По крайней мере я здесь опытнее, чем наяву. Слушай же: первое свойство снов то, что они не свободны, не зависят *от тех, об ком идут*. Так, если мне непременно надобно всякую ночь видеть вас, то сны мои будут светлы, когда вам весело, и печальны, когда вы грустны, или нездоровы, или беспокоитесь. Оттого если ты хочешь быть моей колдуньей, то должна сохранять в себе беспрестанно такую ясность души, такое спокойствие, такое довольство, которые, сообщившись моему сну, вложили бы в него чувство, *невместное с мыслью об разлуке*. Разумеется, что так колдовать должны вы все вместе. И для твоей веселости нужна веселость всех, и цветов *иван-и-марья* растет между *машиной душкой, васильками, лилиями* и пр. Второе свойство снов то, что они дети и беспрестанно хватают все, что перед глазами. А так как у меня перед глазами все немцы да немцы, то и во сне они же мешаются с вами. Оттого, чтобы прогнать немцев из моих русских снов, присылай мне скорее свой портрет. Насмотревшись днем на него, на брата, на Рожалина и на все, что приехало с нами из России, я надеюсь по крайней мере во сне освободиться от Германии, которую, впрочем, я не люблю, а ненавижу! Ненавижу как цепь, как тюрьму, как всякий

---

¹⁶⁶ Со знанием дела (*фр.*). – *Сост.*

гроб, в котором зарывают живых. Ты из своей России не можешь понять, что такое эта Германия. Все, что говорят об ней путешественники, почти вздор. Если же хочешь узнать, что она такое, то слушай самих немцев. Одни немцы говорят об ней правду, когда называют ее землей дубов (*das Land der Eichen*), хотя дубов в Германии, кроме самих немцев, почти нет. Зато эти изо всех самые деревянные. Вчера еще брат зацепился за одного из них зонтиком, и так неосторожно, что зонтик сломался. Брат извинился по-русски, своим обыкновенным: «Ах! Извините!» Немец почувствовал удар только шагов через двадцать, вдруг стал как вкопанный, вылупил глаза и молчал. Обдумавшись хорошенько, он наконец снял шляпу, чтобы ответить брату: «*Ich bitte recht sehr! Herr Baron! Es thut nichts!*¹⁶⁷» Не знаю, как ты назовешь такую живость, а для меня ей нет слова кроме «немецкой». Но лучше воротимся к нашим снам. Они дети: все, что они говорят, почти такая же чепуха, как это письмо, но они дети благородные, из которых ничего не сделаешь ни угрозами, ни бранью, но которые чувствительны к ласкам. Потому их надобно иногда баловать и лакомить. Но ласка, баловство и лакомство для моих снов – это твои письма. Каждое слово из них, передумавшись наяву, переходит в сон, и сны мои, как дети воспитанные, слушаются каждого слова. Потому, чтобы они не капризничали и не хмурились, ты их ласкай почаще, и побольше, и поаккуратнее. Кроме того, как на детей действу-

---

¹⁶⁷ Простите! Ничего страшного, герр барон! (нем.). – *Сост.*

ет много хороший пример. Это особенно представь на рассмотрение маменьке и попроси ее исправить свои сны хотя для того, чтобы мои не портились. А покуда спи. 2 часа ночи, и спать пора и хочется. Это письмо дойдет до тебя через месяц. Я тогда, вероятно, уже буду в Италии. Первый сон со свиданием будет мне знаком, что ты получила мое письмо.

31. Родным

21 августа 1830 года

Наш отъезд в Италию совсем еще не решен, ни когда, ни куда именно; думаем, однако, что около половины сентября подыдемся отсюда и подвинемся к Северной Италии. Между тем письма ваши пусть идут сюда. Парижское письмо ваше пропало на почте. Мне его жаль. Я люблю перечитывать ваши письма, даже старые, и часто это делаю; таким манером я иногда слушаю вас больше двух часов, потому что пакет уже набрался порядочный. Зачем только в этом разговоре столько печального? Об нас рассказывать почти нечего: после последнего письма переменялось только то, что мы не ходим в университет... и больше ленимся, и больше вместе, и строим больше планов, которые не исполняются. Я хотел написать кое-что для Языкова¹⁶⁸ альманаха, но до сих пор еще не принимался. Столько разных мыслей крестятся в голове,

---

¹⁶⁸ Н. М. Языков. – *Сост.*

что вся голова вышла в церковь без попа, кладбище, которое ждет еще ангела с трубой. Трубу, впрочем, я нашел, только не ангельскую, а фрауенгоферскую. Я надеюсь, что папенька будет ею доволен...

Может быть, мы пробудем здесь недели три, может быть, меньше, может быть, больше, словом, мы не знаем. Я между тем читаю Ариосто¹⁶⁹ и совсем утонул в его грациозном воображении, которое так же глубоко, тепло и чувственно, как итальянское небо. Тассу¹⁷⁰ я также только теперь узнал цену и вместе понял все варварство тех, кто, оторвавши крылья у бабочки, думают, что она полетит...

До сих пор я не отвечал ни Шевыреву, ни Соболевскому, все откладываю до завтра. Но завтра примусь без отсрочки.

32. М. В. Киреевской

24 августа 1830 года

Отгадала ли ты, милая Машка, что это письмо писано после 3-х бутылок шампанского, выпитых за твое здоровье нами тремя? Я бы не послал тебе этот вздор, если бы не хотел доказать *на деле*, что ты не одна бываешь пьяна. Перед папенькой извини меня за эту бестолковую трату почтовых денег тем, что я впредь пьяный писать не буду! Теперь ты уже

---

¹⁶⁹ Ариосто Лудовико (1474–1533) – итальянский поэт. – *Сост.*

¹⁷⁰ Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт. – *Сост.*

большая девушка! Теперь ты уже отвечаешь за каждый поступок свой, за каждое слово! Наденешь ли букли? Об верховой езде я писал к маменьке. Пишешь ли журнал? Прощай! Будь здорова и смотри за здоровьем маменьки. Тебе поручаю я при малейшем нездоровье посылать за Рамихом, *même au risque d'être grondée*¹⁷¹. Обнимаю тебя от всего сердца. Твой Иван.

Побраните хорошенько Петруху за короткость его писем и велите ему писать за *неделю* до почты. А то мне стыдно посылать такие огромные письма с его такими маленькими.

33. Родным

Сентябрь 1830 года

Из этого письма вы видите: 1) что брат и Рожалин (особливо первый) непростительные лентяи, которые откладывали писать к вам до самого часа отъезда; 2) вы видите, что они уехали в Вену, чтобы провести там около недели, что вместе с путешествием составит 3 или около. Бог знает, удастся ли им видеть что-нибудь интересное, кроме театра и улиц и, может быть, кроме галереи, куда можно войти без рекомендательных писем, хотя с рекомендательным гульденом. Но если б они ничего не видали, кроме дунайских берегов, то все путешествие было бы заплачено. Отчего же я не поехал,

---

¹⁷¹ Даже рискуя быть обруганным (*фр.*). – *Сост.*

спросите вы. Ответ на этот вопрос разделили между собою брат и Рожалин. Один сказал одну половину причины, другой другую, следовательно, мне остается только повторить обе половины, т. е. я не поехал для того, что пора разделаться с письмами и перед поездкою в Италию не худо быть посильнее в итальянском языке. Когда я вспомню, сколько мне в эти три недели написать писем, то волосы становятся дыбом от лени. Вот те, к кому мне необходимо писать (из записной книжки моей я выпишу их по азбучному порядку): Баратынский, которому я до сих пор не отвечал; Веневитинов, кн. Волконская¹⁷², которая через Шевырева спрашивает, получил ли я камешек; Жуковский, тетенька Зонтаг¹⁷³, Кошелев, Мальцев, Одоевский, Петерсоны: Александр, Юлий и Остафий; перед последними двумя я так виноват молчанием, что не знаю, какие извинения поставить в начале письма; Погодин, Скарятин¹⁷⁴, Шевырев, Языков; тут забыл еще Соболев-

---

¹⁷² Волконская Зинаида Александровна (1789–1862) – княгиня, литератор и композитор, хозяйка литературного салона. – *Сост.*

¹⁷³ Зонтаг Анна Петровна, урожденная Юшкова (1785–1864) – автор многих детских книг, оригинальных и переводных с французского, английского и немецкого языков. Сестра А. П. Елагиной. – *Сост.*

¹⁷⁴ Скарятин Владимир Яковлевич (1812–1870) – русский чиновник из рода Скарятиных, егермейстер императорского двора, предводитель дворянства Орловской губернии (1848–1857), новгородский губернатор (1862–1864). Сын полковника Скарятин Якова Федоровича (1780–1850) – участника убийства императора Павла I. С 1832 г. служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, затем в канцелярии московского генерал-губернатора. В 1833 г. по сдаче экзаменов, получил аттестат Московского университета. Начал службу в 1834 году

ского, которому около двух недель я собираюсь отвечать на письмо, требующее ответа немедленного. Видите ли, как я тот же.

34. Родным

20 сентября 1830 года

Я до сих пор не кончил письма своего, потому что мне было стыдно, или, лучше сказать, досадно посылать вам длинное письмо от себя, между тем как от них только 2 строчки. Но, по счастью, теперь могу приложить сюда их письма с дороги, и, надеюсь, вы об них беспокоиться не будете. С самого их отъезда я не выхожу из своей комнаты и бываю только в трактире, где обедаю, и в музее, где читаю газеты. Остальное время все посвящено итальянскому языку. Признаюсь, однако, что это изучение итальянского почти то же, что *far niente*, только *ancora pie dolce*, благодаря Ариосту¹⁷⁵. Я купил за 7 гульденов Данта, Петрарку, Ариоста и Тасса, словом, *Il Parnasso Italiano*. Достал тоже Воссассио¹⁷⁶, остальные книги беру у моего *Cavallieri Maffei* и, беспрестанно переменяя одного другим, читаю их всех вместе, но больше Ариоста, вы-

---

в звании камер-юнкера в его императорского величества канцелярии. – *Сост.*

¹⁷⁵ Нечегонеделание, только чуть менее сладкое благодаря Ариосту (*um.*). – *Сост.*

¹⁷⁶ Бокаччио (Воссассио) Джованни (1313–1375) – итальянский писатель. – *Сост.*

ше которого до сих пор я не вижу ни одного поэта. Может быть, это только жар первого знакомства и пройдет, как всякий жар, когда не достанешь новых дров. Однако не думаю, чтобы скоро. 35 песен и каждая в расиновскую¹⁷⁷ трагедию! Судьба точно насильно тащит меня в Италию. Вы знаете, собирался ли я туда? Еще за 6 месяцев я не думал учиться по-итальянски. Кстати, вы мне делаете слишком много чести, предполагая, что я не поехал в Париж оттого. О революции я узнал тогда, когда уже все было почти кончено. Если это обстоятельство избавило вас от лишнего беспокойства обо мне, то благодарите за то один случай, который вот уже более года взял всю мою волю в свои руки.

Недавно видел я здесь «Wallenstein'a»¹⁷⁸. Эсслер¹⁷⁹ играл Валленштейна, и играл превосходно. Но трагедия, несмотря на то, не произвела на меня никакого впечатления, и тем меньше, чем больше восхищались ею немцы. Несмотря на все усилия, которые я делал, чтобы видеть в герое что-ни-

---

¹⁷⁷ Расин Жан (1639–1699) – французский драматург. – *Сост.*

¹⁷⁸ «Валленштéйн» (Wallenstein) – общее название драматической трилогии Фридриха Шиллера 1799 г. Состоит из «Лагеря Валленштейна» с длинным прологом, «Пикколомини» и «Смерти Валленштейна» и основана на исторических событиях вокруг гибели известного полковник... Действие происходит в 1633–1634 гг., то есть спустя 16 лет с начала Тридцатилетней войны в богемском городе Пильзене, где Валленштейн расположился со своим войском, а также в Эгере, куда бежит и где гибнет Валленштейн. Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон, Johann Christoph Friedrich von Schiller (1759–1805) – немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач. – *Сост.*

¹⁷⁹ Один из актеров Мюнхенского придворного театра. – *Сост.*

будь, кроме немецкого студента, ни на минуту не мог обмануться. Где нужно дело, он говорит общие мысли; где нужно решиться, он сомневается; где надо думать, он рассказывает сон и пр.

Вчера я был свидетелем славного мюнхенского праздника *Octoberfest*, учрежденного здесь в 1810 году в воспоминание и в честь свадьбы нынешнего короля с королевою. Народу было на огромном лугу (*Teresienwiese*) больше 60 000. Со всего государства собраны были лучшие лошади, коровы, быки, свиньи, бараны и пр. Сам король осматривал их и раздавал владельцам призы, состоящие из знамен, книг (*uber Viehzucht und Ackerbau in Deutschland und besonders in Bayern*¹⁸⁰) и из денег; потом была скачка, и, хотя король уехал прежде 6 часов, народ оставался за полночь. На всем лугу не было ни одного солдата, ни одного полицейского, выключая национальной милиции (*Landmilitz*), и не только не вышло ни одной драки, но и ни одного громкого слова. Впрочем, немцы, благодаря пиву, чем пьянее, тем тише. Замечательнее всего были свиньи. Я таких не видывал отроду. Известно, впрочем, что свиньи баварские с незапамятных времен считаются первыми во всей Европе, не выключая и чухонских. Несмотря, однако, на всю торжественность этого праздника, мне было на нем больше чем скучно. Кроме двух глупых немцев, с которыми я только кланяюсь, потому что раз-два с

---

¹⁸⁰ Животноводство и земледелие в Германии и особенно в Баварии (*нем.*). — *Сост.*

ними обедал в трактире, у меня не было там ни одного знакомого. Это еще не беда, напротив, но не скучать мне мешала какая-то böse Laune¹⁸¹. К тому же на язык привязался против воли стих, который так неуместно вертелся на моем языке, был из первого монолога гетевской «Ифигении»: «Weh dem¹⁸²» и пр. Чем больше я старался это прогнать, тем он возвращался сильнее, как бревно висящее, которое толкает медведь. Но ввечеру дурной нрав мой околдовал мой друг Ариост. Этим я обязан ему уже не в первый раз, и это единственная книга, которой эпитет друга не натянут. Он греет, утешает и рассеивает. Мир его фантазии – это теплая, светлая комната, где может отдохнуть и отогреться, кого мороз и ночь застали на пути. Я не знаю, впрочем, засидится ли в этой комнате тот, кто ездит в шубе и с фонарями. Потому совсем не удивляюсь, что Ариост не для всех величайший из поэтов. Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздором, в котором нет ни тени правды. Но мне они именно потому и нравятся, что они вздор и что в них нет ни тени правды. Окончив Ариоста, примусь за Баярда¹⁸³, кото-

---

¹⁸¹ Злая причуда (нем.). – *Сост.*

¹⁸² Горе мне (нем.). – *Сост.*

¹⁸³ Баярд Пьер Терра́йль де (1473–1524) – французский рыцарь и полководец времен Итальянских войн, прозванный «рыцарем без страха и упрёка» (Le Chevalier sans peur et sans reproche). Окруженный прижизненной славой благодаря двум биографам, Симфорьену Шампье и Жаку де Май, Баярд и посмертно превратился в поистине культовую фигуру. Сразу после его смерти первый из них издал в Лионе «Деяния доблестного шевалье Баярда на протяжении всей его

рого знаю только из папенькиных рассказов, которые еще в Долбине делали на меня сильное впечатление, так что боюсь найти его ниже ожидания.

35. Родным

5 октября 1830 года

Сейчас получил письмо от Рожалина и брата из Вены. Они в восторге от одного из <?> венских театров; уже из трактира переехали на квартиру; однако денег, посланных мною, еще не получали, и не чудаки ли, т. е. боятся, что я не скоро их вышлю, может быть, заленюсь и пр. Они оттуда хотят писать к вам, и потому я письма их ко мне не посылаю. В Вене останутся они около месяца; однако письма к ним присылайте ко мне. К тому же ответ на это письмо уже не найдет их (там). Я, между тем, буду писать к вам чаще обыкновенного, чтобы хоть этим вызвать ваши письма. Знаете ли, однако, что писать к вам, не получая так долго от вас, совсем не удовольствие. Правда, что, писавши к вам, я больше с вами, чем когда просто о вас думаю. Однако я говорю с вами как глухой и слепой, который знает, что слышат его, но не знает, к стати ли то, что он говорит; не знает, что делается вокруг него, бо-

---

жизни» (1525 г.). Через два года после этого второй – его многолетний оруженосец Жан де Май написал о нем биографический роман «Приятнейшая, забавная и отдохновительная история доброго рыцаря без страха и упрека, славного сеньора Баярда...» (1527 г.). – *Сост.*

ится шутить не в пору, боится не в пору вздохнуть и, может быть, даже замолчал бы, если бы не боялся, что и молчание его будет не в пору.

36. Родным

Октябрь 1830 года

Я получил ваше письмо от 8 сентября и тотчас же послал его к брату, который еще в Вене и, как говорит, писал к вам 2 раза. Из его писем вы видите, что он не теряет времени даром. Но ваше письмо – знаете ли вы, что я после него чуть-чуть не поехал к вам. Сначала потому, что было испугался чумы, а потом, обдумавши, что вы не станете рисковать нашими, – уже не для чумы, а просто для того, что возможность скоро увидаться с вами родила во мне такое желание отправиться к вам, что должен был испытать над собою все красноречие благоразумия, чтобы остаться в Мюнхене. Красноречие это имело успех, но до сих пор я еще не знаю, прочный ли. Жду с нетерпением еще письма от вас и уверен, что после последнего вы не заставите меня долго дожидаться. Иначе, т. е. если 31 октября, ровно через месяц после последнего, я не получу от вас второго письма, то к 12 декабря ждите меня в Москву. Что за бурлаки, которые пришли в Нижний Новгород с чумою, как пишет *Journal de St.-Petersbourg*? И вы после всего этого еще месяц, может быть, не будете писать! Разумеется, я буду здесь дожидаться новых

от вас вестей и не уеду в Италию, как вы думаете, прежде чем уверюсь на ваш счет. Не знаю еще, что скажет брат в ответ на ваше письмо...

Из стихов, присланных вами, разумеется, языковские прочел я с больше крепким чувством. О псалме и говорить нечего... Стихи к сестре (может быть, братство вмешивается одно в судейство) показались мне *chef d'oeuvre*¹⁸⁴ этого рода. Какая грация, приличность и мерность и вместе какая языковскаяковка! Присылайте скорее Баратынского поэму. Об себе сказать мне почти нечего нового, кроме того, что я уже не так уединенно живу: я, случайно познакомившись с некоторыми молодыми людьми не немецкого покроя, почти каждый вечер ужинаю вместе с ними, иногда даже у одного из них; проводим мы целые ночи в толках об суете мирской и премудрости Божией, т. е. из пустого в порожнее...

Соболевский с Шевыревым удивляются, что мы с Рожалиным так долго к ним не пишем. А мы всего просрочили только 5 месяцев отвечать последнему, и 2 – первому; вообразите странность с их стороны! Шевырев пишет мне, что он послал на Булгарина громовое письмо, что такое? *Жаль мне бедной Марфы, если она всуе печется*¹⁸⁵. Но этот опыт,

---

¹⁸⁴ Шедевр (*фр.*). – *Сост.*

¹⁸⁵ Сравнение С. П. Шевырева с Марфой Борецкой (известной как Марфа-посадница) – одна из лидеров новгородской оппозиции к Ивану III. Выступала за независимость Новгорода от Москвы и сближение с Литвой. Потеряла земли и богатство в результате поражения Новгорода в московской войне (1477–1478), была увезена из Новгорода, впоследствии приняла постриг и умерла в монастыре

как бы ни был неудачен в стихах, будет небесполезен для его прозы. Что он заводит типографию, я очень рад: будут две хороших; но что Языков издает альманах, я хотя и рад, однако не знаю, что прислать ему. Постараюсь к тому времени что-нибудь сделать. А между тем прощайте.

37. Родным

30 октября 1830 года

Вот и брат воротился с Рожалиным из Вены, а от вас еще нет писем. Я сказал уже, что, покуда не получу, в Италию не поеду, но эта угроза что-то не действует. Если еще несколько времени пройдет без писем от вас, тогда, вместо Италии, я поеду в Россию. Потому смотрите не удивитесь, если я вдруг явлюсь перед вами. Что сказать вам теперь об нас? Из письма брата вы, вероятно, видите, что он ездил не понапрасну, что он видел много нового, интересного, а пуще всего рад тому, что и в Вене немцы – немцы. Об себе сказать вам нечего. Теперь разумеется с братом и Рожалиным беспрестанно, покуда опять выскажемся до истощения. Впрочем, мне рассказывать им было нечего, кроме октябрьского праздника да фейерверка, который состоял из 3-х ракет и одного бурака. Итальянский язык мой дошел до того, что я могу уже сказать: *date mi mangiare*¹⁸⁶, следовательно, в Италии с голоду

или была казнена. – *Сост.*

¹⁸⁶ Дайте мне поесть (*ит.*). – *Сост.*

не умру. Зато я все почти понимаю и даже стихи. Скажите Баратынскому, что я начинаю читать Аоегі <?>, и только для того ничего не читал до сих пор из его трагедии, чтобы вполне оценить того, кого Баратынский называет величайшим поэтом.

Что вы не пишете? Что болезнь Веневитинова¹⁸⁷? Что холера? Где она? Продолжают ли у вас говорить о ней? Надеюсь, однако, что на все эти вопросы вы будете отвечать еще прежде, чем получите это письмо. О нашей будущей поездке в Италию нельзя сказать наверное когда, зато можно утвердительно сказать куда, т. е. в Рим, в Рим к Ватикану, к Шевыреву, к папе, к святому Петру – и все, если мы получим скоро письма от вас. Иначе мы бросим жребий: один на север, другой на юг. Рожалин останется здесь, потому адресуйте к нему все письма. Он будет знать, где мы и как переслать нам, что нужно. Боюсь, однако, что он будет тут слишком один. Уединение может сделать его не то что мизантропнее, а любобязненнее, хотя он способен к тому и к другому. Я недавно опять получил письмо от Шевырева в ответ на мое. Он уже заготавливает нам комнату и пишет, что режет Булгарина. Читаете ли вы его критики? и хороши ли?

Я к вам пишу сегодня не много, потому что брат пишет больше и Рожалин также, кажется, не ленится. Я немного опоздал и не хочу откладывать письма до завтра, потому что и так мы уже долго откладывали, и я боюсь, что если письмо

---

¹⁸⁷ А. В. Веневитинов. – *Сост.*

опоздает, то вы будете беспокоиться о брате и о том, как он приехал из Вены. Потому прощайте! Скоро либо напишу к вам еще, либо сам приеду. Обнимаю вас от всей души, поклонитесь всем, кто обо мне помнит.

38. Родным

11 ноября 1830 года

Здравствуйте! Вот я в Варшаве, еду к вам, однако не в Москву, потому что уверен, что вы оттуда уехали, а в Петербург, где, по всем вероятностям, вы должны быть теперь. В Москву же пишу к вам только так, наудачу, и крепко надеюсь, что мое письмо сделает крюк из Москвы в Петербург. Однако, несмотря на крюк, оно придет прежде меня, потому что я здесь должен ждать целую неделю, ибо дилижанс отходит только в среду, а теперь четверг; к тому же этот проклятый дилижанс идет два дня с половиной до польской границы. Там я возьму извозчика, может быть, до самого Петербурга, потому что на почте или на перекладных ехать и слишком дорого, и без человека неверно, ибо когда некому смотреть за вещами, то само собою разумеется, что они могут пропасть. Хотя я не везу с собою никаких драгоценностей, однако все неприятно остаться в одной шубе. Извозчик же, который меня повезет, принадлежит графу Гуровскому¹⁸⁸, с

---

¹⁸⁸ Возможно, польский публицист граф Адам Гуровский (1805–1866). – *Сост.*

которым я здесь познакомился, или, лучше сказать, возобновил знакомство, ибо знал его в Мюнхене. Он ручается мне за верность, услужливость и расторопность своего кучера и за доброту его лошадей. Несмотря на то, однако, что я везу и кучеру, и лошадям грозный ордер от барина, в котором сказано, между прочим, ехать как можно скорее, вся моя дорога с фургоном продолжится около двух с половиною недель, а может быть, и больше; следовательно, в Петербург приеду я не прежде половины декабря, ибо сегодня 11-е ноября. Если не найду вас там, то узнаю от Жуковского, где вы, и отправлюсь туда. Вот и разлука наша, которая при начале казалась без конца, сама собою кончилась. Еще не прошло года, как я вас оставил. Кажется, судьба только пошутила с нами, заставивши нас прощаться так надолго. Хотя эта шутка была совсем немецкая, и ни она сама, ни ее развязка совсем не забавны. Неужели и судьба немка? Вы видите, милая маменька, что я еду к вам с совершенно спокойным духом, ибо твердо уверен, что вы не подвергаете ни себя для нас, ни наших ни малейшей опасности. Я не сомневаюсь, что это письмо пришлется к вам либо в Петербург, либо в Ригу и что вы уехали из Москвы, как скоро приехал папенька из деревни, а папенька, конечно, не рисковал вами из лишнего рубля, который он мог бы выхозяйничать там, и расчел, что лучше уехать без ничего, чем оставаться с тысячами. Однако признаюсь вам, что страх иногда находит на меня. Но я умею его разгонять больше простою волею, чем благоразум-

ным рассуждением. Пишите как можно скорее к брату, который остался в Мюнхене и боится за вас еще больше меня. Уже две недели, как я его оставил, и если он еще не получил об вас известия, то это было бы с вашей стороны слишком жестоко. Но нет! Прочь все беспокойные мысли, вы к нему писали из Петербурга. И он покоен на ваш счет. Я хочу верить всему хорошему, хочу не сомневаться в лучшем; иначе, поддавшись страху дурного, теперь какая бы душа могла устоять? За чем я оставил вас? Но что сделано, то сделано. Прошедшего воротить нельзя, и мы властны только над настоящим. Над ним я буду господином, буду управляться собою и докажу это даже в этих обстоятельствах над своими чувствами и воображением. Я буду покоен до тех пор, куда увижусь с вами. Еще целый месяц! Но запас моей воли станет еще на долее. Прощайте, обнимаю вас всех. Гостинцев не везу никому, выключая меньших, и только для того, чтобы они были мне рады. При выезде из Варшавы, т. е. через неделю, буду писать еще, а теперь еще раз обнимаю вас.

Ваш Иван.

Сейчас явился извозчик, который берется доставить меня до польской границы за три червонца вместе с другим пассажиром, который платит столько же. Итак, я еду сегодня. Прощайте до Петербурга.

39. А. И. Кошелеву

Декабрь 1830 года

В половине января, пишешь ты, может быть, мы увидимся! Если бы это было в самом деле, то неудавшееся путешествие мое было бы мне досадно. Боюсь, однако, что ты только мажешь по усам. Между тем во всяком случае, т. е. удастся ли нам так скоро видеться или нет, а мы все должны пользоваться сближением расстояний между нами, и, по крайней мере, пусть хоть письма наши докажут, что нет границы между нами. Обещать писать часто я не стану потому, что вряд ли ты уже поверишь такого рода обещаниям, но постараюсь исполнить на деле, если твои ответы не будут откладываться в долгий ящик, так как ты сделал с ответом на мое письмо, которое я послал к тебе с Тютчевым¹⁸⁹. Кстати, получил ли ты его? Если нет, то не жалуйся, что я не писал тебе из-за границы, потому что я забыл твой адрес и в письме с Тютчевым просил тебя прислать мне его. Но ты доказал мне, что есть человек еще меня ленивее.

Удастся ли мне когда-нибудь исполнить мой план путешествия или останусь я всегда в этой несносной Москве, я еще не знаю. Знаю только, что употреблю все силы, чтобы вырваться отсюда куда бы то ни было, и – либо сойду с ума,

---

¹⁸⁹ Очевидно, Ф. И. Тютчев. – *Сост.*

либо поставлю на своем. Это желание, или, лучше сказать, эта страсть, сделалась у меня тем сильнее, чем неудачнее была моя поездка. А неудачна она была во всех отношениях, и не столько по короткости времени, сколько потому, что я ничего не видал, кроме Германии, скучной, незначащей и глупой, несмотря на всю свою ученость. Но об этом подробнее поговорим при свидании.

Вот тебе Норова «Мир»¹⁹⁰, который совершенно оправдывает свое название. Из замечаний цензора ты увидишь, отчего Погодин его не напечатал. Дай Бог, чтобы и тебе не было больше успеха.

1 января 1831 года

Очень рад, что до сих пор не отослал к тебе письма и, не начиная нового, могу поздравить тебя с Новым годом.

8 января 1831 года

Я и теперь еще не отправил к тебе письма моего; вообразишь, какую я деятельную жизнь веду здесь? Приняться за перо для меня такая важность, что я прежде должен к тому собираться. Теперь же, когда внутреннее чувство говорит мне, что ты скоро будешь в Москву, руки отнимаются писать

---

¹⁹⁰ Норов Александр Сергеевич (1797–1870) – русский поэт, переводчик. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 1819 г.). В 1830 году А. С. Норов написал поэму «Мир», посвятив ее Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794–1856) – автору «Философических писем». – *Сост.*

к тебе. И зачем, в самом деле, буду я трудиться писать, когда то же могу через несколько дней рассказать тебе, не обижая свою лень?

Прощай, до свидания.

Весь твой Киреевский.

40. В. А. Жуковскому

Почтовый штемпель: 6 октября 1831 года

Милостивый государь Василий Андреевич!

Издавать журнал такая великая эпоха в моей жизни, что решиться на нее без Вашего одобрения было бы мне физически и нравственно невозможно. Ни рука не подыметься на перо, ни голова не осветится порядочной мыслью, когда им не будет доставать Вашего благословения. Дайте ж мне его, если считаете меня способным на это дело; если ж Вы думаете, что я еще не готов к нему или что вообще, почему бы то ни было, я лучше сделаю, отказавшись от издания журнала, то все-таки дайте мне Ваше благословение, прибавив только журналу *not to be*¹⁹¹! Если ж мой план состоится, т. е. если Вы скажете мне: *издавай!* (потому что от этого слова теперь зависит все), тогда я надеюсь, что будущий год моей жизни будет бесполезен для нашей литературы даже и потому, что мой журнал заставит больше писать Баратын-

---

¹⁹¹ Не бывать (*англ.*). – *Сост.*

ского и Языкова, которые обещали мне деятельное участие. Кроме того, журнальные занятия были бы полезны и для меня самого. Они принудили и приучили бы меня к определенной деятельности, окружили бы меня mit der Welt des europäischen wissenschaftlichen Lebens¹⁹² и этому далекому миру дали бы надо мной силу и влияние близкой существенности. Это некоторым образом могло бы мне заменить путешествие. Выписывая все лучшие неполитические журналы на трех языках, вникая в самые замечательные сочинения первых писателей теперешнего времени, я из своего кабинета сделал бы себе аудиторию европейского университета, и мой журнал, как записки прилежного студента, был бы полезен тем, кто сами не имеют времени или средств брать уроки из первых рук. Русская литература вошла бы в него только как дополнение к европейской, и с каким наслаждением мог бы я говорить об Вас, о Пушкине, о Баратынском, об Вяземском, об Крылове, о Карамзине¹⁹³ на страницах, не запачканных именем Булгарина; перед публикой, которая покупает журнал не для модных картинок, имея в памяти только тех читателей, которые думают и чувствуют не на слово, которых участие возвышает деятельность, и забыв, что есть на свете другие. Но разумеется, что все это может быть хорошо только за неимением лучшего. Когда-то хотел издавать

---

¹⁹² Светом европейской научной жизни (нем.). – *Сост.*

¹⁹³ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – русский писатель, публицист и историк. – *Сост.*

журнал Пушкин; если он решится нынешний год, то, разумеется, *мой* будет уже лишний. Тогда, так же, как и в случае Вашего неодобрения, я буду искать других занятий, другого поприща для деятельности и постараюсь настроить мысли на предметы не литературные.

Решите ж участь Вашего И. Киреевского.

41. А. И. Кошелеву

17 сентября (день Веры, Надежды, Любви и Софии), 1832 год

И мы с Одоевским также беспрестанно вспоминаем время, проведенное у вас так дружески и так тепло, несмотря на непогоду вокруг нас. Это время должно отозваться нам не в одной памяти. Как несчастное предзнаменование три свечи на столе, так три друга за столом – счастливое, особенно когда они окружены милыми им людьми. Это не суеверие. Поцелуй за меня ручки у Дарьи Николаевны¹⁹⁴ и поблагодари ее хорошенько за наше ильинское житье. Что ее нога и когда вы в Москву?

Я очень рад слышать, что ты продолжаешь свои занятия. Вот тебе Шеллингов «Идеализм», а Канта у меня теперь не имеется. Постараюсь достать. Желал бы, чтобы ты приехал сюда с законченным сочинением, хотя не знаю, возможно

---

¹⁹⁴ Кошелева Дарья Николаевна, урожденная Дежарден (1778–1836) – мать А. И. Кошелева. – *Сост.*

ли работать так скоро над делом таким трудным. Dupin¹⁹⁵ я искал во всех лавках, и напрасно. Надобно выписывать из Риги или из Любека. Успеем ли? О Гельвеции¹⁹⁶, я думаю, я сам был бы такого же мнения, как ты, если бы прочел его теперь. Но лет 10 назад он произвел на меня совсем другое действие. Признаюсь тебе, что тогда он казался мне не только отчетливым, ясным, простонародно-убедительным, но даже нравственным, несмотря на проповедование эгоизма. Эгоизм этот казался мне только неточным словом, потому что под ним могли разумеяться и патриотизм, и любовь к человечеству, и все добродетели. К тому же мысль, что добродетель для нас не только долг, но еще счастье, казалась мне отменно убедительной в пользу Гельвеция. К тому же пример его собственной жизни противоречит упрекам в безнравственности. То, что ты говоришь о 89 годе, мне кажется не совсем справедливо. Двигатели мнений и толпы были тогда не только люди нравственные, но энтузиасты добродетели. Робес-

---

¹⁹⁵ Дюпен (Dupin) Пьер Шарль Франсуа (1784–1873) – французский математик и экономист, посвятивший себя главным образом статистическим и экономическим исследованиям и приложениям математики к промышленным целям. Так, в 1820–1824 гг. он издал «Voyage en Grande Bretagne de 1816–1819» («Путешествие в Британию 1816–1819»), в котором изложил собственные исследования о торговле и промышленности Англии, а в 1825–1827 гг. напечатал «Géométrie et mécanique des arts et des métiers et des beaux arts» («Геометрия и механика искусств и ремесел в изобразительном искусстве»). – *Сост.*

¹⁹⁶ Гельвеций Клод Адриан, Claude Adrien Helvétius (1715–1771) – французский литератор и философ-материалист. – *Сост.*

пьер¹⁹⁷ был не меньше как фанатик добра. Конечно, это было не последствием тогдашней философии, но, может быть, вопреки ей, однако было. Может быть, оно произошло только от сильного брожения умов и судеб народных, ибо и человек в минуты критические бывает выше обыкновенного. Россия, мы надеемся, через этот перелом не пройдет: авось, в ней не будет кровопролитных переворотов, но тем заботливее надобно печься в ней о нравственности систем и поступков. Чем меньше фанатизма, тем строже и бдительнее должен быть разум. И я заключаю так же, как ты: у нас должна быть твердая и молодым душам свойственная нравственность, и стремление к ней должно быть главной, единственной целью всякой деятельности: в ней патриотизм и любознательность, в ней основа религии, но надобно уметь ее понимать. Потому пиши, я буду делать то же, и потом посмотрим.

Твой И. Киреевский.

42. Н. М. Языкову

Апрель 1833 года

Здравствуй, друг Языков, да здравствуешь! Эти слово от полного сердца, проникнутого восторгом. Хотя стихи¹⁹⁸ все почти были знакомы мне прежде, однако действие, которое

---

¹⁹⁷ Робеспьер Максимилиен Мари Изидор де (1758–1794) – деятель Великой французской революции. – *Сост.*

¹⁹⁸ В апреле 1833 г. вышли в свет «Стихотворения Н. Языкова». – *Сост.*

производит твоя книга, совсем новое и невероятное, как брови Татьяны Димитровны¹⁹⁹. Я читал ее всякое утро, и это чтение настраивает меня на целый день, как другого молитва или рюмка водки. И не мудрено: в стихах твоих и то и другое: какой-то святой кабак и церковь с трапезами во имя Аполлона и Вакха. То же действие, какое на меня, производят стихи твои на Баратынского и Хомякова²⁰⁰. Почти каждый день говорим мы об них и всякий раз находим сообщать друг другу что-нибудь новое. Недавно у последнего, т. е. Хомякова, был прощальный ужин, после которого мы читали тебя до самого солнца, и в эту ночь, верно, не спал и ты. Теперь особенно хотел бы я, чтобы ты приехал сюда: если сочувствие друзей и других может возбудить к труду, то ты перестал бы здесь лениться.

43. А. И. Кошелеву

6 июля 1833 или 1834 года

Вчера я писал к тебе, друг Кошелев, потому что была оказия, и писал наспех; сегодня пишу без оказии, только пото-

---

¹⁹⁹ Демьянова Татьяна Дмитриевна, цыганка Таня (1808–1877) – певица московского цыганского хора, вдохновившая Н. М. Языкова на написание таких замечательных стихотворений как «Весенняя ночь», «Элегия» («Блажен, кто мог на ложе ночи...»), «Перстень». – *Сост.*

²⁰⁰ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – выходец из старинного дворянского рода, русский религиозный философ, поэт, публицист, славянофил. – *Сост.*

му, что хочется потолковать с тобой, и даже не знаю, застанет ли тебя письмо мое в Ильинском. Но все равно! Где-нибудь, когда-нибудь ты его получишь, а если нет – не беда: я пишу так, не имея ничего сказать тебе, хотя имею охоту говорить обо многом. Я сейчас из-под души, которую наконец добыл, вечер славный: и свежо и тепло вместе; я сижу под окном; на окне чай, который я пью, как пьяница, понемногу, с наслаждением, с сладострастием; в одной руке трубка, в другой перо, и я пишу, как пью чай, с роздыхом, с турецкой негой лени: хорошо и *мягко* жить на эту минуту! Какая-то музыка в душе, беспричинная, *эолова* музыка, не связанная ни с какой мыслью. Зачем не способен я верить! Я бы думал тогда, что это беспричинное чувство в душе моей – чье-нибудь влияние, что эта сердечная музыка не *мое* расположение духа, а отголосок, сочувствие, физическое ощущение чужой мысли; но я этого не думаю, потому что не верю таким чудесам и еще по многим другим причинам. Странно: это чувство, покуда я говорил об нем, прошло. Видно, я убил его словом либо неловко зацепил какой-нибудь несоответственной мыслью. Но все равно: давай пользоваться вечером и чаем и толковать, как бы мы были вместе. Вот тебе отчет в моих занятиях с тех пор, как ты уехал.

Не стану говорить об некоторых хлопотах, об бессмысленных движениях ума, и тела, и языка, которые дробили мое время и крошили мысли; об них говорить и вспоминать значит продолжать их силу. Но в остальные минуты, когда

мог быть сам с собою, я был в одном из двух положений: либо отдавать свою голову на произвол судьбы (и это слишком часто), и тогда строил себе на воздухе разного рода Италии; либо был господином своим мыслям, и тогда думал и писал об воспитании женщин – предмет, который не знаю как ограничить, так он много захватывает других предметов. Чтобы показать, что воспитание женщин не соответствует потребностям времени и просвещения, надобно показать характер времени и просвещения, отделить от существенного случайное, выказать мысль из-под событий, привести к одному итогу раздробленные цифры, и это все изложить языком общим, равно признанным в гостиных и в школах, изложить в формах самых простых, чтобы женщина могла понять их и, несмотря на эту ясность, изложить так, чтобы цензура не имела к чему придраться, несмотря на подпись моего имени, – вот задача, которую исполнить так трудно, что эта одна трудность может расшевелить к работе, как к пиштолетной стрельбе. Но этого мало. Представив время, изобразив сердце человеческое, как оно создано просвещением и нравственным порядком вещей, надобно показать еще, какое изо всего этого следует отношение между мужчиной и женщиной. Для этого необходимо представить вообще историю этих отношений, от начала истории до наших времен, и показать, в какой ответственности был всегда нравственный порядок вещей с судьбой женщин; потом открыть общий закон этой ответственности; потом, проведя его и

умозрительно, и фактически через все моменты просвещения, показать его применение к настоящему; этот результат вывести столько же умозрительно, сколько жизненно; наконец, для всех требований, для всей системы найти, создать одно слово, имя, которое бы отделяло ее от всех других систем, чтобы в уме читателей не смешивались отрывки из одной мысли с отрывками из другой мысли, несоответственной; чтобы все слова мои не приписали ни бессмысленному требованию сенсимонической эмансипации, ни плоскому повторению понятий запоздалых; и надобно все это сработать к сентябрю, и, если удастся, буду молодец!

7 июля

Я должен был прервать мое письмо вчера потому, что у меня догорели свечи и мой человек уже отправился спать. Я вчера простился с Трубецким²⁰¹, который едет сегодня. Скарятину Владимиру я до сих пор не мог доставить твоего письма потому, что он изволит забавляться на охоте и до сих пор не возвращался домой. Вот тебе записка Чаадаева, на которую я отвечал: не знаю – и обещал спросить у тебя. Прощай.

Твой И. К.

---

²⁰¹ Очевидно, князь Николай Иванович Трубецкой (1807–1874) – публицист, католик и славянофил. – *Сост.*

44. А. А. Елагину

Март 1834 года

Милый друг папенька, я так полон чувств и мыслей, которые бы хотел передать Вам, что не знаю, с чего начать письмо. Я видел Наталию Петровну²⁰² – мы объяснились с нею, маменька согласна, и для нашего счастья недостает только Вашего благословения. Ради Бога, пришлите его скорее, и такое сердечное, отеческое, дружеское, какого я ожидаю от Вас и которое необходимо мне как одно из первых условий счастья. Счастье! Это слово, от которого я, было, отвык и которое вдруг воскресло для меня с полным, глубоким смыслом. Разделите его со мною Вашим сочувствием, теперь дружба Ваша нужнее для меня, чем когда-нибудь. Рассказать подробности всего я теперь не в состоянии. При свидании, может быть, я успею привести свою голову в порядок. Может быть, на следующей почте буду писать к Вам. Теперь я похож на слепого, который вдруг увидел свет и еще не умеет отличать предметов отдельно, а только видит, что вместе светло и ясно. Вот почему и теперь могу делиться с Вами только этим общим впечатлением и для него даже не нахожу слов. Жду Вашего письма с живым нетерпением и безо всякого беспокойства. Да, я уверен и ни минуты не сомневался,

---

²⁰² Арбенева Наталия Петровна (1809–1900) – будущая супруга И. В. Киреевского. – *Сост.*

что мое счастье будет для Вас счастливым чувством, что Вы разделите его вполне и благословите нас как детей своих и друзей. Обнимаю Вас крепко и за себя, и за Наташу.

45. А. П. Елагиной

1836 год

<...> Поблагодарите хорошенько нашего доброго Жуковского. Стало быть и здесь, между собак, карт, лошадей и исправников, можно жить независимо и спокойно под крылом этого гения-хранителя нашей семьи. Пожалуйста, напишите об нем побольше: его слов, его мнений – всего, куда брызнет его душа...

Мы послали вам стихи под именем Бенедиктова. Однако это была мистификация, в которой прошу и вас участвовать, сохраняя всевозможную тайну. Вот в чем дело: накануне нашей присылки стихов мы смеялись тому, как наша публика и шевыревская партия восхищаются Бенедиктовым и прочими рифмоплетеньями, где поэты без мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли несколько немцев, не понимая, может быть, половины; похоже на то, как покойный П.²⁰³, пробыв несколько лет подле Ермолова²⁰⁴, выучил

---

²⁰³ Неустановленное лицо. – *Сост.*

²⁰⁴ Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – русский военачальник, государственный деятель и дипломат, участник многих крупных войн, которые Российская империя вела с 1790-х по 1820-е. Автор мемуаров. – *Сост.*

несколько его слов, принял у него книжный язык и важную фигуру и поразил весь почтамт своим умом и тонкой прозорливостью. В доказательство, как легко писать такие стихи, мы втроем с женой и братом начали пьесу за ужином и кончили, не выходя еще из-за стола. К тому же до самого последнего стиха мы не знали, куда зайдем, ни о чем пишем. К тому же нас еще затруднила Наташа²⁰⁵, которая непременно требовала вставить *осину* как еще никогда не воспетую. Теперь, милая маменька, так как вы обманулись, то, следовательно, и всякий обманется. Нельзя ли вам исполнить наше желание и обмануть Шевырева, так чтобы он поместил ее в первом номере, однако без имени, а только поставил бы *В. Б.*, это будет *Варвара Боровкова*, ваша бывшая прачка, от имени которой мы ему и еще пришлем стихов, если он до них разохотится. Велите, пожалуйста, переписать незнакомой рукой и через кого-нибудь передать ему. Пожалуйста, постарайтесь об этом. Если эпитафия покажется вам уж слишком глуп, то вместо *Гете* подпишите *Тик*²⁰⁶, под фирмой которого всякая бессмыслица сойдет.

46. Н. М. Языкову

4 июня 1836 года

---

²⁰⁵ Н. П. Арбенева. – *Сост.*

²⁰⁶ Тик (Tieck) Людвиг (1773–1853) – немецкий писатель. – *Сост.*

<...> Теперь главное мое занятие – хозяйство, т. е. когда вообще я имею время заниматься чем-нибудь. Обыкновенно же у меня ничего не делать перемешано с минутными, разрывчатыми заботами, и так уходит день за другим. Но тебе, как человеку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не делать, а еще непростительнее быть больным. Это говорю я не в шутку, а потому, что глубоко убежден в том, что в болезни твоей виноват сам ты, или, лучше сказать, твое пристрастие к гомеопатии. Подумай сам: если она истинна, то отчего же в 2 года не мог ею вылечиться? И охота тебе пробовать на своем теле какую бы то ни было систему, тогда как нет сомнения, что месяц леченья у хорошего медика мог бы тебя привести в прежнее здоровое положение. Ты скажешь, что ты испробовал твое леченье, и ошибешься. Ты лечился у Рихтера²⁰⁷, который мог быть, но еще не был хорошим, сведущим, мыслящим, опытным врачом. Но гомеопатия твоя, я боюсь, может совсем тебя расстроить. Впрочем, если ты такой ревностный ее почитатель, то позволь мне сказать тебе вкратце то, что я думаю об ней, для того что твои возражения, может быть, и меня наведут на путь истины.

Была ли хоть одна система от сотворения мира, в которой бы не обозначался характер ее изобретателя? Мне кажется, и быть не может. В чем же состоит характер самого Ганне-

---

²⁰⁷ Рихтер Александр Андреевич (1792–1873) – гражданский генерал-штаб-доктор, директор Медицинского департамента Министерства внутренних дел (1842–1851). – *Сост.*

мана²⁰⁸? Ум гениальный, соединенный с характером шарлатана. Следовательно, уже наперед можно сказать, что во всех его изобретениях должна быть истина в частях и ложь в целом. Он начал свое поприще известности с того, как ты знаешь, что объявил открытие нового пневматического эликсира, который лечит от всех болезней. Покупателей было много до тех пор, пока оказалось, что в нем нет ничего, кроме особенно приготовленного *боракса*²⁰⁹. После первой неудачи Ганнеман объявил изобретение порошка, единственного и несомненного и, во всяком случае, полезного против скарлатины. Средство это оказалось в самом деле новым и полезным в некоторых случаях, но отнюдь не всегда. Оно принесло пользу науке, когда вошло в нее как часть, но много вреда, покуда его употребляли без разбора. Вслед за порошком явилась гомеопатия. Она основывается на трех положениях: 1-е – на употреблении средств, однородных с болезнью, 2-е – на бесконечно малых приемах, 3-е – на лечении признаков без разыскания причин. Все это вместе делает ее наукою, доступною людям, не сведущим в медицине, и таким образом заменяет пневматический эликсир. Но разберем ее три основания. Действительно, в большей части болезней признаки болезни принадлежат не ей, а стремлению

---

²⁰⁸ Ганнеман Христиан Фридрих Самуэль, Christian Friedrich Samuel Hahnemann (1755–1843) – основатель гомеопатии, направления альтернативной медицины. – *Сост.*

²⁰⁹ Натриевая соль борной кислоты. – *Сост.*

самого организма к здоровью. Потому усилить признаки значит пособить выздоровлению. Это открытие есть дело, важное для науки, дело гения, но распространять это положение на все болезни было дело шарлатана и есть вещь вредная, для больных еще больше, чем для медицины. 2-я мысль, что очищение вещества от посторонних примесей увеличивает его силу, давно известна. Мысль другая, что вещество может очищаться посредством бесконечного раздробления, есть опять мысль гениальная и в некоторых случаях справедливая. Но сказать, что раздробление есть средство к очищению всех веществ, есть дело шарлатана. Потому чем более пользы он принесет науке в будущем, тем более вреда сделает своим больным в настоящем. 3-е. Лечение признаков без разыскания причин их уже чистое шарлатанство, без всякой примеси гениальности. Это очевидно из самой таблицы признаков, где прибавление нового изменяет иногда лекарство в противоположное. Не значит ли это то, что он думает одно, а уверяет в другом? Известное количество признаков служит вероятным выражением известной причины, против которой он советует средство на авось, между тем как совестливые медики делают то же, только признаются, и к тому же потому должны ошибаться менее, что приравниваются к каждому больному в особенности и, кроме того, имеют помощь в опытности и своих медицинских сведениях, чего не имеет человек, который, как ты, лечится по книге.

Что же из этого следует? Что гомеопатия должна быть по-

лезна медицине, но не в отдельности, а в рациональной совокупности со всеми естественными и медицинскими науками. Но что для настоящего времени гораздо важнее система испробованная, нежели новая, особливо в руках неопытных. Потому если твой гомеопат не вылечит тебя скоро, то приезжай в Москву, и я готов поручиться, что через месяц ты будешь здоров совершенно, если станешь лечиться у Рихтера, которого по счастью или по несчастью мне удалось узнать в этот год и в котором я нашел одного из необыкновенных врачей в России, человека столько же умного, сколько ученого, опытного, прозорливого и добросовестного. Я советую тебе приехать в Москву бескорыстно, потому что меня уже в ней не будет.

Прощай покуда.

Твой И. К.

47. А. С. Хомякову

15 июля 1840 года

<...> Эти последние дни я был не совсем здоров. Однако воспользовался этим случаем, чтобы вставать поздно и ночью писать. Днем я решительно не могу ни писать, ни жить, разве только читать, что, по словам Фихте²¹⁰, то же, что курить табак, т. е. без всякой пользы приводить себя в состоя-

---

²¹⁰ Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ. – *Сост.*

ние сна наяву. Впрочем, в деревне мне трудно не прерываться. Зато ночь моя собственная. Окно открыто, воздух теплый, самовар мой кипит, трубка закурена, давай беседовать!

Меня в это время, вне ходячей действительности, занимали некоторые вопросы о воле, которые я хотел положить на бумагу, да что-то неудачно ложатся. Видно, еще им рано ложиться, а надобно прежде уходить в голове. В отношениях воли к разуму есть некоторые тайны, которые до сих пор не были и, может быть, не могли быть постигнуты. Но мне кажется, что при теперешнем развитии законов разума они могут быть хотя несколько пояснены небесполезно для науки и, может быть, даже для практического приложения. Сравнив наше время с древними, кажется, мы потеряли секрет укреплять волю. Исключение, как Наполеон²¹¹, не доказательство. Вообще, кажется, развитие разума в обратном содержании к развитию воли и в человеке, и в народе. Я говорю о разуме логическом.

Мысль моя та, что логическое сознание, переводя дело в слово, жизнь в формулу, схватывает предмет не вполне, уничтожает его действие на душу. Живя в этом разуме, мы живем на плане, вместо того чтобы жить в доме, и, начертав план, думаем, что соорудили здание. Когда же дойдет дело до настоящей постройки, нам уже тяжело нести камень вместо

---

²¹¹ Наполеон I, Наполеон Бонапарт (1769–1821) – французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император (1804–1814 и март—июнь 1815). – *Сост.*

карандаша. Оттого, говоря вообще, в наше время воля осталась почти только у необразованных или у духовно образованных. Но так как в наше время волею или неволею человек мыслящий должен провести свои познания сквозь логическое иго, то, по крайней мере, он должен знать, что здесь не верх знания и есть еще ступень, знание гиперлогическое, где свет не свечка, а жизнь. Здесь воля растет вместе с мыслью. Ты поймешь меня без распространений. Этим, между прочим, объясняется факт, который каждый из нас испытал тысячу раз, что мысль до тех пор занимает нас горячо и плодотворно, покуда мы не выскажем ее другому. Тогда внимание наше от предмета живого обратится к его изображению, и мы удивляемся, отчего вдруг он перестает на нас действовать, забывая, что цветок на бумаге не растет и не пахнет. Покуда мысль ясна для разума или доступна слову, она еще бессильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только пришла в зрелость. Это невыразимое, проглядывая сквозь выражение, даст силу поэзии и музыке и пр. Оттого есть только одна минута, когда произведение искусства действует вполне. Во второй раз после этой минуты оно действует слабее, покуда наконец совсем перестанет действовать, так что песня в десятый раз сряду уже несносна, картина над письменным столом почти как песочница, оттого что сила не в выражении. Через несколько времени та же картина и песня могут действовать на нас по-прежнему или еще сильнее, только надобно не ограничиваться их впе-

чатлением, а внимать их отношению к своей неразгаданной душе. И чем более человек найдет в душе неразгаданного, тем он глубже постиг себя. Чувство, вполне высказанное, перестает быть чувством. И в этом смысле также справедливо слово: где соковище ваше, там будет и сердце ваше! Практическую истину можно извлечь из этого ту, что воля родится втайне и воспитывается молчанием. Ты можешь быть мне живым подтверждением. Никогда не слышал я, чтобы ты говорил о своих нравственных побуждениях, оттого, в этом отношении, и воля твоя железная. А в других отношениях много ли сделал в сравнении с тем, что мог? Лень не причина. Она оттого, что в душе не кипит, а душу простуживает язык. Утешительно для тебя может быть разве многочисленность компании, в которой ты находишься. Ночь прошла, солнце хочет выходить, и мухи проснулись.

Прощай.

48. В. А. Елагину

11 января 1842 года

Любезный брат Вася. Это письмо получишь ты от князя Гагарина²¹², который взялся доставить его и с которым ты должен познакомиться непременно. Это один из людей редких по внутренним и внешним качествам. О мнениях его не

---

²¹² Неустановленное лицо. — *Сост.*

говору, ты сам увидишь и оценишь хорошее, а в чем не сойдешься, то, конечно, извинишь ему ради чистоты намерений. Я люблю его и уважаю и желать бы только, чтобы некоторые особенности не мешали нам вполне сочувствовать друг другу. Напиши мне об нем и, пожалуйста, не откладывай, как я, который до сих пор не собрался к тебе писать, хотя многое нужно переговорить. Теперь спешу и потому оставляю до следующего письма по почте. Одно только необходимым считаю сказать теперь не по почте, чтобы ты посоветовал Попову²¹³ и другим русским быть поосторожнее в их разговорах. Попов наговорил что-то о движении умов в Москве, о каком-то новом стремлении, о каком-то духе и пр. Все вещи, которые здесь пугают и могут быть вредны и ему, и его приятелям, здешним и тамошним. Немцы уж собирались об этом толковать в журналах, что вышло бы вздорно, и смешно, и небезвредно. Урезонь его и поклонись ему от меня.

Нынче маменькино рождение. Поздравляю тебя и обнимаю от всей души. До следующего раза, надеюсь, скоро.

Твой брат И. Киреевский.

Пожалуйста, не скупись известиями о Шеллинге.

---

²¹³ Попов Александр Николаевич (1821–1877) – историк. – *Сост.*

49. П. В. Киреевскому

1844 год

Спасибо, брат Петр, что ты не поленился побывать у Погодина и написать ко мне, но все я не понимаю хорошо, отчего вы не решите дело без меня и чего именно вы от меня требуете? Я назначал четверых, потому что предполагал их в Москве, но за отсутствием их ты мог бы с Погодиным решить все вдвоем. По крайней мере, отбери у него его условия и напиши их мне или уговори его написать самого или продиктовать, если он писать не может. Если, как вероятно, эти условия будут для меня возможны, то так дело и уладится. Если же я найду их почему-либо для меня неудобноисполнимыми, то напишу ему, и тогда по крайней мере будет дело ясно. Хомяков писал ко мне, но не знаю, с согласия ли Погодина, что надобно будет отделить известное число подписчиков на расходы по журналу, а сколько именно, это лучше всего может знать сам Погодин по опыту; потом следующие затем 100 подписчиков в пользу Погодина – на это условие я согласен.

Но так как я думаю, что первый год будет мне средством к знакомству с публикою, то надеюсь иметь в следующие годы больше подписчиков; оттого надобно, чтобы Погодин лишил себя права отнять у меня журнал иначе, как с моего согласия.

Но прежде всего и самое существенное – это получить

разрешение, без того все расчеты пишутся на воздухе.

Если министр²¹⁴ будет в Москве, то тебе непременно надобно просить его о песнях, хотя бы к тому времени тебе и не возвратили экземпляров из цензуры. Может быть, даже и не возвратят, но просить о пропуске это не мешает. Главное, на чем основываться, – это то, что песни народные, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною, и цензура в этом случае столько же сильна, сколько Перевощиков²¹⁵ над погодою. Уваров, верно, это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив народные песни и еще старинные. Это будет смех во всей Германии. А тебе в самом деле без *стиховного* отдела мудрено издавать. В этом-то и главная особенность твоего собрания. Лучше бы всего тебе самому повидаться с Уваровым, а если не решишься, то поговори с Погодиным.

50. А. С. Хомякову

10 апреля 1844 года

Долбино

Письмо твое, любезный друг Хомяков, отправленное из

---

²¹⁴ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – историк, русский государственный деятель, министр народного просвещения (1833–1849), граф. – *Сост.*

²¹⁵ Перевощиков Василий Матвеевич (1785–1851) – директор Профессорского института при Дерптском университете (с 1827 г.), ординарный профессор русской словесности Дерптского университета (до 1830 г.), цензор Цензурного комитета при Дерптском университете. – *Сост.*

Москвы 21 марта, я получил 5-го апреля, вероятно оттого, что оно шло через Тулу. Предложение твое доставило мне истинное сердечное удовольствие, потому что ясно видел в нем твое дружеское чувство, которое в последнем итоге есть чуть ли не самая существенная сторона всякого дела. Что же касается собственно до этого дела, то если в нем и есть дурная сторона, деловая, то так завалена затруднениями, что вряд ли в нашей дружбе возможно будет откопать ее. Впрочем, представляю мое полное и подробное мнение об этом предмете на суд тебе, братьям Петру²¹⁶ и Васе²¹⁷ и тем, кто вместе с нами интересуется об этом деле.

Я думаю, что лучше, и полезнее, и блестящее, и дельнее всего издавать журнал тебе. Тогда во мне нашел бы ты самого верного и деятельного сотрудника. Потому, что хотя мне запрещено было издавать «Европейца», но не запрещено писать и участвовать в журналах. Если же ты решительно не хочешь оставить свою куклу *Семирамиду*²¹⁸ (потому что зайцы бы не помешали: на время порош мог бы заведовать журна-

---

²¹⁶ П. В. Киреевский. – *Сост.*

²¹⁷ В. А. Елагин. – *Сост.*

²¹⁸ «Семирамида» – незавершенный историософский труд А. С. Хомякова. Работа над ним продолжалась в течение 1837–1852 годов. Названию «Семирамида» автор и его ближайшие друзья придавали несколько шуточный смысл, но именно оно закрепилось на долгие годы, так как окончательного заглавия для него сам автор так и не нашел. В «Семирамиде» Хомяков стремился преодолеть европоцентризм, типичный для представлений западных историков, показать важную роль славян во всемирной истории. – *Сост.*

лом другой), то отчего не издавать Шевыреву? Нет человека способнее к журнальной деятельности. К тому же «Москвитянин» держался им, и, следовательно, теперь при отъезде Погодина всего *справедливее* журналу перейти к нему. Но так как ты об этом не пишешь, то, вероятно, есть какие-нибудь непреодолимые затруднения, т. е. его решительный отказ и пр. В этом последнем случае вот что я скажу о себе: издавать журнал было бы для меня самым приятным занятием и, может быть, самым дельным, потому что я, по несчастью, убедился, что для возбуждения моей деятельности необходимо внешнее и даже срочное принуждение. Но против этого много затруднений: 1-е, я обещал Семену²¹⁹ «Историю»; 2-е, мне был запрещен журнал, и неизвестно, позволят ли теперь. Пример Полевого, которому запретили один и позволили другой, не знаю, приложится ли ко мне. Разве 12-тилетняя давность послужит мне заменой других заслуг. Но без ясного и формального позволения я издавать не стану, именно потому, что уже раз мне было запрещено. 3-е. Если мне и позволят, то можно ли найти гарантии против того, что опять петербургские журналисты меня оклеветают, донесут и выхлопочут новое запрещение? Подвергнуться во второй раз тому, чтобы быть жертвой Булгариных, было бы уже чересчур глупо с моей стороны и в мои лета! Что, кажется, благонамереннее Погодина и его «Москвитянина»? Я так

---

²¹⁹ Раич Семен Егорович, настоящая фамилия Амфитеатров (1792–1855) – поэт, основатель литературного кружка «Союз друзей» (1823–1825). – *Сост.*

думаю, хотя и не читал его. А между тем сколько было на него доносов и сколько раз рисковал он быть запрещенным, если бы не спасал его министр. У меня этой опоры не будет и никакой, а между тем Булгарины с братией будут на меня еще злее, чем на Погодина, потому что я имел неосторожность еще в 29-м году обидеть самолюбие большей части петербургских литераторов и сделал их своими личными врагами. Против этого могло бы быть одно спасение: если бы человек благонамеренный, и неподкупный, и вместе сильный взял журнал под свое покровительство, т. е. говоря покровительство, я разумею не послабление цензуры, но, напротив, увеличение ее строгости, только не бестолковой, и вместе защиту от доносов и заступление от запрещения. Таким человеком я разумею Строганова²²⁰, но не знаю, согласится ли он на это. Вот как я воображаю себе это дело: если бы кто-нибудь из наших общих знакомых сказал ему следующее: Вашему сиятельству известно, что Погодин уезжает за границу и продает свой журнал. Купить его желал бы Киреевский, надеясь, что после 12-тилетнего молчания ему позволено будет говорить, тем более, что когда он через

---

²²⁰ Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, русский государственный и военный деятель, в 1835–1847 попечитель Московского учебного округа, с 1856 член Государственного совета, в 1859–1860 московский генерал-губернатор, известный меценат, коллекционер и археолог, основатель (1825) бесплатной художественной школы (Строгановское училище), в 1837–1874 председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель (1859) и президент (пожизненно) Археологической комиссии. – *Сост.*

знакомых своих справлялся о том, то ему отвечали, что запрещен «Европеец», а не он, и поставили в пример Надеждина²²¹ и Полевого, находившихся в том же положении. Но Киреевский, естественно, не хочет в другой раз подвергнуться той же участи и потому не решается просить позволения прежде, чем узнает, может ли, в случае разрешения, надеяться на ваше покровительство журналу. Образ мыслей его вам известен. Под покровительством разумеет он одно: уверенность, что при самой строгой цензуре, какую вам угодно будет назначить, ответственность затем будет лежать на ней, а не на нем.

Если Строганов будет обещать это, то тогда надобно пустить Валуева²²² в переговоры с Семеном. Если Семен не сочтет себя обиженным за то, что я не пишу «Истории», то в таком случае надобно будет условиться с Погодиным таким образом, чтобы он не делал ни малейшей жертвы, а высчитал бы, что стоит издание журнала, сколькими подписчиками оно покрывается, отчислил бы сверх того 50 экземпляров на безденежную раздачу и затем назначил бы себе такое число ежегодно, какое считает достаточным. Об этом надобно будет сделать формальное условие тогда, когда и если я получу позволение, которое, впрочем, он же должен бу-

---

²²¹ Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – критик, историк и этнограф, издатель журнала «Телескоп» (1831–1833) и приложения к нему – газеты «Москва», профессор Московского университета (1831–1835). – *Сост.*

²²² Валуев (Волуев) Дмитрий Александрович (1820–1845) – русский историк и общественный деятель, славянофил, племянник Н. М. Языкова. – *Сост.*

дет мне исходатайствовать, т. е. частными письмами узнать прежде через своих знакомых, возможно ли это, и если скажут – да, то подать прошение министру, чтобы позволено ему было передать «Москвитянин» мне. Или, может быть, мне самому надобно будет подать о том прошение, в таком случае пришлите мне форму, как и кому писать, тоже списавшись с людьми знающими и поговоря с гр. Строгановым. Я думаю, впрочем, что это прошение должно будет дойти до государя, потому что от его имени объявлено мне было запрещение. Но можно ли просить государя об этом? И каким образом? Я думаю, в этом случае надобно мне будет писать к гр. Бенкендорфу²²³. Оправдываться в прошедшем было бы теперь некстати. Но когда ты знаешь, что я не оправдывался (оправдание мое, которое ходило тогда по Москве, было писано не мною и не по моим мыслям и распущено не по моему желанию). Теперь я мог бы сказать только одно: что с тех пор прошло 12 лет; что, разбирая свой образ мыслей по совести, я не нахожу в нем ничего возмутительного, ни противного правительству, ни порядку, ни нравственности, ни религии и потому осмеливаюсь думать, что не достоин того, чтобы молчание, наложенное на меня с 32-го года, было наконец снято и пр. Какое может быть из этого следствие, я не знаю; но ты видишь по крайней мере, что я не упрямлюсь отказы-

---

²²³ Бенкендорф Александр Христофорович (1781–1844) – русский государственный деятель, шеф отдельного корпуса жандармов и главный начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии, граф. – *Сост.*

ваться, но, развивая мысль, невольно встречаюсь с столькими затруднениями, что вряд ли ты сам найдешь их преодолимыми. Спешу кончить, чтобы не опоздать, хотя о многом хотелось бы поговорить с тобой.

Жена кланяется тебе, Катерине Михайловне²²⁴ и Марье Алексеевне²²⁵. Я также. Ожидаю твоего ответа не через Тулу, а то долго идет.

Твой И. К.

51. А. С. Хомякову

2 мая 1844 года

Вчера получил твое письмо, любезный друг Хомяков, т. е. в день твоего рождения, когда выпил за твое здоровье. Теперь спешу отвечать тебе хотя несколько слов, а в субботу буду писать подробнее.

На предложение твое я весьма бы рад был согласиться, если бы это было возможно. Но рассуди сам, если я, не зондировавши грунта, вдруг явлюсь издателем и если вдруг, основываясь на прежнем, поступят с «Москвитяниным» так же, как с «Европейцем», то не лишу ли я Погодина его собственности и не приобрету ли самому себе право называться по

---

²²⁴ Хомякова Екатерина Михайловна, урожденная Языкова (1817–1852) – сестра Н. М. Языкова, супруга А. С. Хомякова. – *Сост.*

²²⁵ Хомякова Марья Алексеевна, урожденная Киреевская (?–1858) – мать А. С. Хомякова. – *Сост.*

крайней мере ветреным и неосновательным человеком? Когда я говорил в прежнем письме об имени, то, конечно, не для того, чтобы одному пожинать лавры, но я хотел иметь право отвечать один. Если же собственность журнала останется Погдину, то чем я могу вознаградить его в случае неудачи? Если правительству будет известно, что я издаю, и журналу это не повредит, то в этом случае до имени мне дела нет, только бы иметь право показывать свой образ мыслей самовластно. Если же могло бы к моему имени присоединиться имя литературной известности, то это не только бы подняло журнал, но еще и мне придало бы больше куражу. Не согласится ли Шевырев? Каждый отвечал бы за себя. А если бы ты согласился, то за успех можно бы наперед дать расписку. Что же касается до имени неизвестных, то я не понимаю, для чего они? Разве для того, чтобы наперед отнять у публики доверенность. Если же комитет нужен только для того, чтобы мне *passer inapereşu*²²⁶, то это, мне кажется, плохой расчет. Когда-нибудь я буду же *apereşu*²²⁷, и тогда опять те же отношения. К тому же издавать комитетом значит сделать кашу без масла.

О Строганове я писал потому, что, 1-ое, он человек благородный и хороший, 2-ое, он глава московского просвещения, 3-е, ему известен мой образ мыслей по двум статьям, которые я ему сообщил. Основываясь на этом, я думал, что он

---

²²⁶ Пройти незамеченным (фр.). – *Сост.*

²²⁷ Заметным (фр.). – *Сост.*

может взяться обезопасить журнал от скоропостижной смерти, стеснив его жизнь посредством цензуры. Но собственно покровительство его, просто как покровительство, мне не нужно.

Результат всего следующий: без того, чтобы имя мое было известно и позволено, я издавать не могу, тем более что журнал остается собственностью Погодина. Если же это может быть, т. е. совершенно безопасно для журнала, тогда устривай, как хочешь, я на все согласен.

Еще одно: ты пишешь, что противники издают «Галатею»²²⁸. Кто же эти противники? Неужели ты так называешь Грановского²²⁹ и пр.? Если так, то не ошибаетесь ли вы и во мне? Может быть, вы считаете меня заклятым славянофилом и потому предлагаете мне «Москвитянин»... То на это я должен сказать, что этот славянофильский образ мыслей я разделяю только *отчасти, а другую часть* его считаю *дальше от себя, чем самые эксцентричные мнения Грановского.*

---

²²⁸ «Галатея» – журнал литературы, новостей и мод, выходивший еженедельно в Москве в 1829–1830 и в 1839–1840 гг. под редакцией Семена Егоровича Раича (Амфетеатрова). Журнал не имел определенного литературного и политического направления и не играл важной роли в литературно-общественной жизни. В 1829 г. вышло 46 номеров; в 1830, по случаю холеры, вышло всего 42 номера. В 1839 г. Раич возобновил журнал под именем: «Галатея, журнал наук, искусств, литературы, новостей и мод». В этом виде «Галатея» просуществовала год. – *Сост.*

²²⁹ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – русский историк и общественный деятель, профессор всеобщей истории Московского университета (1839–1855). – *Сост.*

Я отменно обрадован был известием, что ты и Языков начали писать. От этого только подписываюсь на «Москвитянин».

Уведомь меня, когда ты едешь? Наш общий поклон Катерине Михайловне.

Твой И. К.

52. П. В. Киреевскому

15 мая 1844 года

<...> Я не мог приехать, друг Петр, между прочим, и потому, что был болен, простудил горло и несколько времени не выходил из комнаты, а когда выздоровел, то не знал, застану ли уже кого в Москве, потому что о времени отъезда Х.²³⁰ мне не писал, а уведомил только, что скоро – наречие неопределенное, требовавшее частицы не. Вообще вы пишете очень необстоятельно и читаете письма так же. Например, кто тебе сказал, что труд этот был бы для меня чрезмерно тяжел? Напротив, я жажду такого труда, как рыба, еще не зажаренная, жаждет воды. И с вашей помощью надеюсь одолеть его. Если же правда, что мое участие могло бы расколыхать деятельность моих друзей, то это счастье было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше предложение. Но хочу только не ввести никого в ответственность

---

²³⁰ А. С. Хомяков. – *Сост.*

и не прятаться как злоумышленник. На ряд имен я готов согласиться в таком случае, если бы мое было позволено с сознанием, что оно мое. Если Погодин возьмется исходатайствовать это, то на ряд имен я готов согласиться, разумеется, с тем, чтобы это нисколько не стесняло моих убеждений. Тогда пусть этот ряд издает «Москвитянина» нынешний год, а я приеду участвовать к осени. Условия пусть делает Хомяков так, чтобы и Погодину было выгодно, и журнал мог идти.

На будущий год, я бы думал, хорошо завести следующую систему издания: 1. Самую аккуратную бухгалтерию. 2. Начать журнал, когда бы он имел 1000 подписчиков, и уменьшить объем, если будет меньше. 3. Все остающееся количество сбора за расходами употребить на плату за статьи, считая оригинальные втрое против переводных, также уменьшать и увеличивать плату по мере подписчиков.

Этот расчет сделать легко, и при аккуратной бухгалтерии ни один участник не будет считать себя обманутым, и журнал будет иметь сотрудников. При каждом N на обертке печатать число подписчиков и расчет суммы, следующей участникам.

Сообщи это письмо Хомякову и пришли мне ответ скорый, т. е. немедленный. Если и ты, и Хомяков заленитесь писать, то поручите кому-нибудь. Но поймите меня хорошенько, я согласен на ваши предложения только в случае официального позволения, и притом при таком устройстве, чтобы при скоропостижной смерти Жуковского никто не пострадал от меня и, при жизни и здоровье Жуковского, чтобы я

не был стеснен чужою волею.

Кажется, требования мои справедливы, и нельзя быть стоговорчивее. Впрочем, удастся ли это дело или нет, но скажу тебе, что я уже извлек из него такие выгоды, которые превышают всякую неудачу. Без преувеличения могу сказать, что я имел минуты настоящего счастья, соображая все дружеское участие в этом деле именно тех, кто так высоко у меня в сердце.

О песнях твоих нельзя ли написать еще раз к К.²³¹ А то ты, пожалуй, способен отложить еще на год. Хотя я и очень рад бы был твоему приезду, но еще лучше желал бы тебя видеть с книгою, чем с рукописью. Кто притеснил Языкова и принудил его бросать свой *бурмицкий бисер*²³² в такую выпачканную свинью?

Обнимаю тебя.

Твой брат И. К.

Нельзя ли в ответе твоём, или кому ты поручишь, сообщить мне твое мнение особенно, Хомякова особенно и пред-

---

²³¹ Комаровский Егор (Георгий) Евграфович (1802–1875) – граф, надворный советник, цензор Петербургского комитета иностранной цензуры. Отец Е. Е. Комаровского Евграф Федотович Комаровский (1769–1843) – русский генерал от инфантерии (1828), генерал-адъютант, первый командующий (1811–1828) внутренней стражи России, автор мемуаров о событиях периода 1786–1833 гг. – *Сост.*

²³² Старинное русское название жемчуга – бурмицкое зерно, также кафимское зерно. *Бурмицким* зерном называли крупный жемчуг, а *кафимским* мелкий. – *Сост.*

ложение Погодина особенно.

Если бы вы согласились на переговоры с С.²³³, то это дело можно бы было поручить Грановскому, который, конечно бы, не отказал и исполнил бы в меру, ясно, благородно и удовлетворительно. Подумай об этом. Кажется, при самом дурном результате будет выгода, т. е. мы будем знать, чего надеяться нельзя.

53. М. П. Погодину

Конец 1844 или начало 1845 года

<...> Что ты хочешь делать с «Москвитянином», советуя перепечатывать в него официальные пошлости тайного советника Стурдзы²³⁴? Он хотя и Стурдза, но хорош только как писатель-христианин, а как начнет быть тайным советником, то становится вроде Сушкова²³⁵, только несколькими градусами официальнее. Это просто убить журнал, если печатать и еще перепечатывать пошлую лесть, восторженным гласом произнесенную. Напиши к нему, что хочешь, придумай извинение, если нужно извиняться, а мне кажется, лучше по-

---

²³³ С. Г. Строганов. – *Сост.*

²³⁴ Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – потом румынского (молдавского) боярского рода, восходящего к началу XV в.; писатель, исследователь политических и религиозных вопросов, сторонник создания объединённой Молдовахии. На русской дипломатической службе достиг чина тайного советника. – *Сост.*

²³⁵ Сушков Николай Васильевич (1796–1871) – драматург и поэт. – *Сост.*

ссориться, чем замараться.

Иннокентиева²³⁶ проповедь тоже холодные пустяки. Перепечатывать ее, кажется, не нужно, тем более что «Воскресное чтение» везде, где есть «Москвитянин», и расходуется в гораздо большем количестве. Нельзя ли через Лобкова попросить еще у митрополита²³⁷ хотя той проповеди на Великую Пятницу, на которой Платон²³⁸ написал ему «Ты князь проповедников».

Статью о древней русской торговле давай сюда {непреренно}. Не это называется сухим предметом? Без таких статей «Москвитянин» опошлится. Они-то и могут дать ему настоящий характер.

Надпись на билетах я теперь только прочел и не понимаю,

---

²³⁶ Возможно, митрополит Иннокентий, Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (1797–1879) – епископ, с 5 января 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. – *Сост.*

²³⁷ Митрополит Филарет, Василий Михайлович Дроздов (1783–1867) – епископ, с 3 июля 1821 г. архиепископ, с 22 августа 1826 – митрополит Московский и Коломенский. – *Сост.*

²³⁸ Митрополит Платон, Петр Георгиевич Левшин (1737–1812) – придворный проповедник, законоучитель наследника императорского престола, член Святейшего синода, митрополит Московский и Коломенский. Искал возможность примирить господствующую Церковь со старообрядцами введением единоверия – разрешения богослужений по старым (дониконовским) книгам, составил для единоверцев правила, утвержденные Синодом в 1801 г. Автор труда «Краткая церковная российская история» (издан в двух частях в Москве в 1805 году), ставшего первым по времени систематическим курсом русской церковной истории, в котором впервые был отражен критический подход к источникам и историческому преданию. – *Сост.*

что там написано. Что-то очень темно. К тому же надобно переменить и то, что не 1-го, а 20-го числа будет выходить номер.

54. В. А. Жуковскому

28 января 1845 года

Москва

<...> В самом деле, как я могу отвечать Вам? Даже из учтивости после всего, что Вы для меня делаете, кажется, мне приличнее молчать совсем, чем, говоря, не высказать всей благодарности, для чего недостало бы ни слов, ни умения. Еще в ноябре написано было у меня длинное письмо к Вам, но не кончено и потому не послано. Потом переменялись некоторые обстоятельства, и надобно было писать другое. Между тем пришел Ваш подарок «Москвитянину», который чем глубже тронул меня, тем крепче завязал язык. Не знаю, отчего со мной так бывает. Это какой-то психологический недостаток, который прошу мне простить, потому что я не умею с ним сладить. Нынче 29-е января. Поздравляю Вас и всех Ваших, тамошних и здешних. Поздравляю Вас также с новым Жуковским²³⁹. Мы получили это известие с живейшей радостью.

Посылаю вам 1-й номер «Москвитянина». Он вышел

---

²³⁹ И. В. Киреевский поздравляет В. А. Жуковского с рождением сына Павла. Жуковский Павел Васильевич (1845–1912) – художник и архитектор. – *Сост.*

поздно по многим причинам, частью внешним – неисправность типографская, цензура и пр., частью по внутренним – неуспех, неумышленно и пр.

Маменька, вероятно, уже писала к Вам о нашей потере. Брат Андрей²⁴⁰ обещал много. Но, кажется, именно лишнее усиленное развитие внутренней жизни пришло в разногласие с жизнью внешней и убило его этой дисгармонией. Конечно, Тот, Кто управляет судьбой мира и каждого, лучше знает, для чего жизнь и для чего смерть, но, признаюсь, иногда трудно понять и не меньше трудно оторвать мысль от понимания непонятого. Здоровье маменьки теперь, слава Богу, начинает поправляться. Вчера она в первый раз выехала навестить меня, который немного простудился. Жена моя тоже нездорова. Она в 8-м месяце и очень боится девятого. У нас вообще в воздухе какие-то особенные болезни, соединенные с сильным нервным расстройством. Некоторые из лучших докторов говорят, что надобно изменить прежние системы лечения, потому что болезни принимают какой-то новый характер. Жена моя хотела сама писать к Вам, но не в состоянии теперь это сделать. Она поручила мне сказать Вам, что Ваша строгость с Вашей маленькой Сашенькой²⁴¹ может очень легко заменена другим средством, которое известно ей по многим опытам. Вместо наказаний, которые в

---

²⁴⁰ А. А. Елагин. – Сост.

²⁴¹ Жуковская Александра Васильевна, в замужестве Верман (1842–1899) – дочь В. А. Жуковского, фрейлина. – Сост.

этом случае редко и очень редко приносят пользу, нужен только бдительный надзор няньки или того, кто смотрит за ребенком...

В недоконченном и непосланном письме моем я изложил Вам подробно о «Москвитянине», и причины, меня побудившие взять его на свои руки, и цель мою, и план, и надежды, и опасения. Теперь постараюсь изложить одно существенное. Тому года три я просил К. В.²⁴² справиться, где следует, могу ли я писать и участвовать в журналах; ему отвечали, что мне был запрещен «Европеец» (этому теперь 13 лет), но не запрещалось никогда писать, где хочу, и что Полевой и Надеждин не только пишут, но и сами издают другие журналы после запрещения своих. Теперь, перед условием с Погодиным, я спрашивал совета гр. Строганова, и он полагал, что почитает участие мое возможным. Но Погодина имя и ответственность не могут быть сняты без особого разрешения, для которого нужно время. В то же время Погодин уведомил министра о передаче мне редакции, из чего явствует, что хотя я издаю под чужим именем, но не обманом, не исподтишка, а с ведома правительства. Между тем в стихах Ваших имени моего не пропустили, потому что Вы говорите *о моем* журнале. Причины, побудившие меня взяться за это дело, были частью личные слабости, частью умственные убеждения. Личные заключаются в том, что для деятельности моей необходимо внешнее побуждение, срок, не от меня зависящий. 2-е,

---

²⁴² Князь П. А. Вязевский. – Сост.

журнальная деятельность мне по сердцу. 3-е, в уединенной работе я такой охотник grübeln²⁴³, что каждая мысль моя идет раком. В журнале внешняя цель дает ей границы и показывает дорогу. К тому же во мне многое дозрело до статьи, что далеко еще не дозрело до книги. Выраженное в отрывках, оно придвинет меня к полнейшему уразумению того, что мне недостает. К тому же деятельность, возбужденная внешними причинами, может быть, обратится в привычку (хотя в последнем я крепко сомневаюсь). Сверх всего этого я имел в виду и то, что если журнал пойдет, то даст мне возможность не жить в деревне, которую я не умею полюбить, несмотря на многолетние старания, и позволит мне жить в Москве, которую я, также несмотря на многие старания, не умею отделить от воды, от воздуха, от света. Таковы были личные причины. Важнее этого было то обстоятельство, что многие из моих московских друзей объявили мне, что моя редакция «Москвитянина» будет для них причиной деятельности. Но над всем этим носилась та мысль или, может быть, та мечта, что теперь именно пришло то время, когда выражение моих задушевных убеждений будет и бесполезно, и возможно. Мне казалось вероятным, что в наше время, когда западная словесность не представляет ничего особенно властвующего над умами, никакого начала, которое бы не заключало в себе внутреннего противоречия, никакого убеждения, которому бы верили сами его проповедники, что именно теперь

---

²⁴³ Размышлять (нем.). – Сост.

пришел час, когда наше православное начало духовной и умственной жизни может найти сочувствие в нашей так называемой образованной публике, жившей до сих пор на веру в западные системы. Христианская истина, хранившаяся до сих пор в одной нашей церкви, не искаженная светскими интересами папизма, не изломанная гордостью саморазумения, не искривленная сентиментальной напряженностью мистицизма, – истина самосуцная, как свод небесный, вечно новая, как рождение, неизбежная, как смерть, недомыслимая, как источник жизни, – до сих пор хранилась только в границах духовного богомыслия. Над развитием разумным человека, над так называемым просвещением человечества господствовало начало более или менее искаженное, полуязыческое. Ибо малейшее уклонение в прицеле кладет пулю в совершенно другую мету. Отношение этого чистого христианского начала к так называемой образованности человеческой составляет теперь главный жизненный вопрос для всех мыслящих у нас людей, знакомых с нашей духовной литературой. К этому же вопросу, дальше или ближе, приводятся все занимающиеся у нас древнерусской историей. Следовательно, я мог надеяться найти сочувствие в развитии моего убеждения. Вот почему я решился испытать журнальную деятельность, хотя и знаю, что неудача в этом случае была бы мне почти не под силу. Я говорю «не под силу» в нравственном отношении, потому что в финансовом я не рискую. Издателем остается Погодин, с его расходами и барышами,

покуда будет такое количество подписчиков, что мне можно будет без убытка заплатить ему известную сумму за право издания. Но если журнал не пойдет, не встретит сочувствия, то эта ошибка в надеждах, вероятно, уже будет последним из моих опытов литературной деятельности. Представьте ж, каково было мое положение, когда в конце декабря я увидел, что для 1-го номера, который должен был решить судьбу журнала, у меня нет ничего, кроме стихов Языкова, моих статей и маменькиных переводов. Присылка Ваших стихов оживила и ободрила меня. Я почувствовал новую жизнь. Потом получил «Слово» митрополита²⁴⁴. За три дня до выхода книжки выказал Погодин сказку Луганского²⁴⁵, таившуюся у него под спудом. Прошу сказать мне подробно Ваше мнение об этом номере: оно будет мне руководством для других. Отрывок из письма Вашего об «Одиссее» нельзя было не напечатать. Это одна из драгоценнейших страниц нашей литературы. Тут каждая мысль носит семена совершенно нового, живого воззрения. «Одиссея» Ваша должна совершить переворот в нашей словесности, своротив ее с искусственной дороги на путь непосредственной жизни. Эта простодушная искренность поэзии есть именно то, чего нам недостает и что мы, кажется, способнее оценить, чем старые хитрые народы, смотрящиеся в граненые зеркала своих вычурных писателей.

---

²⁴⁴ Филарет (Дроздов). – *Сост.*

²⁴⁵ Даль Владимир Иванович, псевдоним Луганский (1801–1872) – русский писатель, лексикограф, этнограф. – *Сост.*

Живое выражение народности греческой разбудит понятие и об нашей, едва дышащей в умолкающих песнях. Кстати, к песням из собрания, сделанного братом, один том уже почти год живет в петербургской цензуре, и судьба его до сих пор еще не решается. Они сами знали только песни иностранные и думают, что русские – секрет для России, что их можно *не пропустить*. Между русскими песнями и русским народом – петербургская цензура! Как будто народ пойдет спрашиваться у Никитенки²⁴⁶, какую песню затянуть над сохой. Брат мой недавно приехал из деревни и помогает мне в журнале. Адрес мой: В Большом Знаменском пер., подле церкви Ржевской Божьей Матери, в доме Бернгард. Адрес матушки: Против Пожарного депо в приходе Покрова в Левшинах, в доме г-жи Воейковой²⁴⁷.

Калачи московские спрашивают у меня всякий день, когда Василий Андреевич будет нас кушать? Что прикажете им ответить? Надолго ли уехал от вас Гоголь²⁴⁸? Если будете писать ко мне, если доставите мне эту истинную радость, то скажите что-нибудь об нем. Особенно хотелось бы мне слышать от Вас о том сильном религиозном направлении, которое, кажется, теперь овладело им. Откуда оно развилось, ку-

---

²⁴⁶ Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета. – *Сост.*

²⁴⁷ Неустановленное лицо. – *Сост.*

²⁴⁸ Гоголь Николай Васильевич, Гоголь-Яновский (1809–1852) – писатель. – *Сост.*

да идет и докуда дошло. Страшно, чтобы в Париже не подольстились к нему иезуиты. Изучал ли он особенно нашу церковь?

Барон Черкасов²⁴⁹ здесь, а брат его²⁵⁰, не барон, в деревне подле нас. Мы видались довольно часто. Он человек очень замечательный, чисто нравственный, не шутя верующий и живущий по убеждению. Мачеха отдала ему свое имение. А он из благодарности посвящает ей и ее детям свою жизнь, занимается ее хозяйством, снимает планы с ее земель и ра-

---

²⁴⁹ Черкасов Петр Иванович (1796–1867) – полковник русской армии. Родился в семье белёвского помещика секунд-майора барона Ивана Петровича Черкасова и Марии Алексеевны Черкасовой, урожденной Кожиной. Арестован по подозрению в принадлежности к тайным обществам, но в январе 1826 по высочайшему повелению был освобожден с оправдательным аттестатом. – *Сост.*

²⁵⁰ Черкасов Алексей Иванович (1799–1855) – участник восстания декабристов. В 1824 г. вступил в Южное общество; членом Северного общества он не был и не принимал непосредственного участия в событиях на Сенатской площади. После поражения восстания, был издан приказ об аресте Черкасова. Был осужден и приговорен к каторжным работам на 2 года. В августе 1826 этот срок был сокращен до года. С апреля 1827 по апрель 1828 содержался в Читинском остроге. После освобождения находился на поселении в Берёзове Тобольской губернии, затем его было разрешено перевести в Ялуторовск. В 1837 г. определен рядовым в Тенгинский пехотный полк и отправлен на Кавказ. В августе 1838 произведен в унтер-офицеры, а в мае 1839 переведен в Кабардинский егерский полк. С сентября 1840 – юнкер, а с июля 1842 – прапорщик. В начале 1843 г. А. И. Черкасов вышел в отставку с обязательством жить в имении своей мачехи Пелагеи Андреевны Полонской – селе Володьково Белёвского уезда под строгим секретным надзором полиции. Однако ему были разрешены поездки в Орловскую губернию, где в октябре 1843 г. Черкасов приобрел имение. В апреле 1844 г. А. И. Черкасову было дозволено отлучаться и в другие губернии для управления делами мачехи и ее детей, а с февраля 1851 разрешен приезд в Москву. – *Сост.*

ботаает с утра до вечера, как только позволяет ему его расстроенное здоровье.

Москву теперь занимают больше всего балы, беспрестанные, очень, как говорят, приличные, т. е. дорогие, и довольно неприличные и, так, как говорят, не очень веселые. Теперь прекратились по причине траура. О лекциях Шевырева Вы прочтете в «Москвитянине». Новое филантропическое общество дам, результат *Mystères de Paris*²⁵¹ занимает почти всех. Отыскивают *des pauvres honteux*²⁵² и никак не могут найти. А между тем прежняя милостыня русская исчезает. Даже на церковь перестают подавать. Здоровье Якепузана²⁵³, кажется, поправляется, но все еще плохо. Он пишет много, и стих его, кажется, стал еще блестящее и крепче. Хомяков пишет больше прозой (*больше* сказано в противоположность к *очень мало* в бильярдном смысле). Во втором номере «Москв.» Вы увидите его статью. Чертков издал второе прибавление к своему каталогу – вещь великолепная. Жена моя готовится издать дополнение к семейству господ Киреевских. Она кланяется Вам и Вашей жене²⁵⁴ и поздравляет.

Ваш И. Киреевский.

---

²⁵¹ Тайны Парижа (*фр.*) – *Сост.*

²⁵² Убогих (*фр.*). – *Сост.*

²⁵³ Н. М. Языков. – *Сост.*

²⁵⁴ Жуковская Елизавета Алексеевна, урожденная Рейтерн (1821–1856) – супруга В. А. Жуковского. – *Сост.*

55. М. П. Погодину

Начало 1846 года

Любезный Погодин! Честь тебе, и слава, и благодарность ото всех, кто дорожит памятью Карамзина и славою России. Я прочел твое «Слово»²⁵⁵ с истинным наслаждением. Давно ничто литературное не производило на меня такого впечатления: Карамзин явился у тебя в своем истинном виде, и таким образом речь твоя воздвигает ему в сердце читателя великий памятник, лучше симбирской бронзы. Замечаний, которых ты от меня требуешь, я сделал немного. Оттого ли, что большие красоты заслонили от меня мелкие недостатки, или оттого, что их нет, только вот все, что я заметил:

1. *Согражданина вашего*. Он не симбирский, а русский гражданин и, следовательно, – согражданин всех нас. Эту честь нам уступать нельзя. Не лучше ли сказать: *согорожанина вашего, нашего общего согражданина* ...

2. Не один Симбирск ставил памятник Карамзину, поэтому выражавший свои чувства при этом случае не мог быть *органом одних симбиряков*. Нельзя ли сказать *органом общего чувства* ...

3. О книжной лавке Карамзин не заботился. Сочинения его продавались без его хлопот. Не вернее ли будет: *между*

---

²⁵⁵ Историческое похвальное слово Карамзину. – *Сост.*

типографией и письменным столом.

4. В прежние века не было *безусловных верноподданных*. Сколько князей изгонялось за нарушение условий! Одно подозрение в злодеянии Бориса²⁵⁶ восстановило против него всю Россию. Одно неуважение к обрядам и обычаям русским уничтожило самозванца. А те грамоты, на которых целовали крест наши властители при восшествии на престол от Шуйского²⁵⁷ до Анны²⁵⁸? Нет, то-то и особенность нашего прежнего верноподданства, что оно было *не безусловное*, но, напротив, условленное *законностью*. Самое слово «верноподданный» как-то нейдет к характеру прежних веков. В нем закал нового времени. Оно из лексикона Феофана²⁵⁹ и Явор-

---

²⁵⁶ Годунов Борис Федорович (1552–1605) – боярин, шурин (брат жены) царя Федора I Иоанновича, в 1587–1598 фактический правитель государства, с 1598 – русский царь. – *Сост.*

²⁵⁷ Шуйский Василий Иванович (1552–1612) – русский царь (1606–1610) Василий IV Иоаннович. Представитель княжеского рода Шуйских (суздальская ветвь Юриковичей). После низложения жил в плену у поляков. – *Сост.*

²⁵⁸ Анна Иоанновна, Анна Ивановна (1693–1740) – императрица Всероссийская (1730–1740) из династии Романовых. Четвертая дочь царя Ивана V (брата и соправителя царя Петра I) и царицы Прасковьи Федоровны. В 1710 была выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма. Овдовевшая через 2,5 месяца после свадьбы, Анна была отправлена Петром I в Курляндию. После смерти Петра II была приглашена в 1730 г. на российский престол. – *Сост.*

²⁵⁹ Архиепископ Феофан, Елеазар Прокопович (1681–1736) – украинский политический и духовный деятель, богослов, писатель, поэт, математик, философ, переводчик, публицист, универсальный ученый. Ректор Киевской академии (1710–1716), архиепископ Псковско-Великолукский и Нарвский (1718–1725), Великоновгородский (1725–1736). С 1721 г. – первый вице-президент Святейшего правительствующего синода (и по смерти Стефана Яворского – его факти-

ского²⁶⁰. К тому же весь конец этого периода слишком пахнет риторикой, хотя начало его прекрасное.

5. Нельзя ли сказать: *который по примеру древних, забытых веков...*

6. Можно ли сказать: *честь и слава веку и государству, где крепостной крестьянин* и пр.?.

7. Не правильнее ли: *забытый в прошедшем веке?* Потому что в прежние века мы без сравнения больше ценили доблести нравственные и внутренние, религиозные, чем внешние, видимые.

8. Что за *правила твоего искусства?* И зачем об них думать? Все, что наводит на риторику, наводит на зевоту.

9. Что такое *русский бог?* Вообще эта манера говорить о Ломоносове²⁶¹ уже очень опошлилась. *Там, на берегу Белого моря* и пр. Не лучше ли так? Богу угодно было, чтобы еще при жизни самодержца, преобразователя государства,

---

ческий руководитель), с 1726 г. – первенствующий член Синода. Проповедник, сподвижник Петра I. – *Сост.*

²⁶⁰ Митрополит Стефан, Симеон Иванович Яворский (1658–1722) – епископ, с 1700 митрополит Рязанский и Муромский, с 1701 экзарх (блюститель патриаршего престола) – в годы, предшествовавшие упразднению патриаршества при Петре I. С 1721 г. Президент Духовной коллегии (Святейшего правительствующего синода). Выступал с осуждением протестантских воззрений и тенденций, насаждавшихся Петром I. – *Сост.*

²⁶¹ Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, один из основоположников физической химии, поэт, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки. – *Сост.*

родился тот крестьянин, которому предназначено было преобразовать наше слово. Через пятнадцать лет и пр.

10. *Ведь* что-то не в тон. Не лучше ли *моменты* заменить *ступенями* или по крайней мере *периодами*.

11. Здесь, кажется, место упомянуть о *Новикове*²⁶² и представить в настоящем свете его влияние на Карамзина. Ты, правда, упомянул о нем в другом месте, но только что упомянул. В памяти о Карамзине Новиков должен занимать не такое место. Конечно, собственный гений и внутренний голос были руководителями Карамзина, но кто раскрыл в нем этот гений? Кто освободил этот голос от шума мелкой жизни? Кто вдохнул живительную мысль и дал средства к высокому направлению жизни? Хорошо бы было представить здесь это общество незаметных делателей, трудящихся в тишине и без славы, без выгоды, на пользу человечества и Отечества. Карамзин мог сблизить язык с естественностью и с действительной жизнью потому, что жизнь действительная уже получила то высокое значение, которое было ею утрачено и без которого она не могла иметь образованного слова. Карамзин разрешил вопрос потому, что вопрос уже был предложен и данные к решению готовы.

12. *Успокоившись* – лишнее. Может быть, писатель испытывал сильное волнение, но читатель еще спокоен, хотя и за-

---

²⁶² Новиков Николай Иванович (1744–1818) – русский журналист, издатель и общественный деятель, масон, один из крупнейших фигур русского просвещения. – *Сост.*

интересован.

13. *Произвести впечатление о себе в правительстве* – не по-русски.

14. Бабушка Екатерина Афанасьевна Протасова, при которой мы читали твою речь, заметила при этом случае, что вместе с необыкновенным успехом, который имела «Бедная Лиза», вместе с необыкновенным восторгом возбудила она и сильных, горячих порицателей, которые говорили тогда, что при этом упадке искусства остается уже ожидать только того, чтобы писатели называли своих героев еще и *по отчеству!* Вы увидите, говорили они, назовут! Право, назовут и по отчеству! За это злонамеренное пророчество сердились тогда все обожатели Карамзина.

15. Прекрасный отрывок: здесь весь Карамзин в зародыше. Здесь слышен и Новиков. Не тут ли сказать об нем?

16. Начиная с *крестьянской*; задача – не крестьянская, хотя и о крестьянах. Нужно другое слово.

17. Зачем объявлять эту тайну?

18. Слово *республиканская свобода* колет глаза. Не лучше ли *народная*?

19. Как хочешь, *закрыв глаза* – не хорошо. Потому-то он и ринулся в бездну русской истории, что *открыл глаза*, которые у других были закрыты.

20. Не лишняя ли эта вставка от черты до черты? Зачем тут рассуждение о правилах науки или искусства? Не лучше ли прямо начать: *В приготовлении материалов* и пр.

21. Уж это слишком! Богословам начинать с *Карамзина*!

22. Как остальные выписки твои все кстати и объясняют твою мысль, так эта выписка, надобно признаться, самая несчастная. Подумай хорошенько, можно ли без оговорки выставить эту мысль *Карамзина*? Если была темная точка в светлом уме *Карамзина*, то, конечно, это смешение понятий о единовластии и самовластии, о воспитании *грубого и невежественного народа просвещенным правительством*! Здесь начало раздвоения между правительством и народом. *Разум* народа – в церквях, в университетах, в литературе, в убеждениях сословий и пр. В правительстве – народная *воля*; может ли быть *воля* умнее *разума*? Может *казаться* умнее, когда, не слушаясь разума, *подражает* чужому образу действий. Отсюда минутный блеск и неминуемое расстройство организма. Оттого Петр²⁶³ идет не в пути народа, а наперекор ему. Одним словом, здесь-то вся завязка вопроса между Востоком и Западом в русском образе мыслей. Приводя *Карамзина* без возражений, ты опровергаешь сам себя.

23. Язык *произвестись* не может.

24. Отчего Жуковский назван воспитанником *Карамзина*, а не просто другом?

Но главное, что можно заметить о всей речи, это то, что она производит впечатление сильное, и написана, и действу-

---

²⁶³ Петр I Великий (1672–1725) – государственный деятель, полководец и дипломат, единственный сын царя Алексея Михайловича Романова от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной; русский царь (с 1682), российский император (с 1721). – *Сост.*

ет прекрасно. Честь тебе и слава!

56. Оптинскому старцу Макарию²⁶⁴

19 сентября 1846 года

Ваше преподобие, достопочтеннейший и многоуважаемый отец Макарий!

Наталья Петровна²⁶⁵ уже писала к Вам с нашими подводами, отправившимися вчера в обратный путь. Теперь я хочу сообщить Вам несколько слов о Вашем издании²⁶⁶. Я видел Шевырева еще на короткое время и узнал от него, что теперь печатается 13-й лист. Десять листов уже совершенно отпечатано; из них восемь уже находятся у Вас, а два будут к Вам отправлены с завтрашнею почтою. Листик опечаток, Вами замеченных, я посылаю к Вам с отметками Шевырева, который просит возвратить его ему обратно с Вашим решением. Дело в том, что между замеченными Вами опечатками многие не опечатки, а изменения против рукописного

---

²⁶⁴ Иеросхимонах Макарий, Михаил Николаевич Иванов (1788–1860) – священнослужитель, преподобный оптинский старец. – *Сост.*

²⁶⁵ Н. П. Киреевская. – *Сост.*

²⁶⁶ Имеется в виду книга «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (М., 1847). Архимандрит Паисий, Паисий Нямецкий, Петр Иванович Величковский (1722–1794) – клирик Константинопольского патриархата; переводчик (переводил святоотеческие труды); почитается восстановителем монашеских традиций исихазма и «умной молитвы». Служение проходило на территории Малороссии, на Афоне, Молдавии. – *Сост.*

текста; другие же поправлены самим цензором, третьи действительно опечатки и обозначены им знаком X. Эти последние будут вставлены в погрешностях; изменения, сделанные цензором, надобно оставить так, как он сделал, а перемены против рукописи, сделанные Вами, надобно опять представить цензору. Потому Шевырев просит Вас пересмотреть их, и если что найдете действительно нужным, то извольте обозначить на листке, а без каких перемен можно обойтись, то те извольте вычеркнуть для скорейшего хода дела в цензуре. Впрочем, Федор Александрович²⁶⁷ не задерживает и принимает доброжелательное участие в издании Вашем. Митрополит²⁶⁸, к которому Шевырев относился еще при начале дела, не только принял это известие доброжелательно, но и обещал сам покровительствовать ему и действительно сам писал о том к Голубинскому, который тогда же уведомил об этом Шевырева.

Прошу Ваших святых молитв и благословения.

Спешу на почту.

Преданный Вам с любовью Ваш недостойный сын И. Киреевский.

---

²⁶⁷ Голубинский Федор (Феодор) Александрович (1797–1854) – священник, богослов, философ, член Московского комитета цензуры духовных книг (1826–1851), профессор Московской духовной академии. – *Сост.*

²⁶⁸ Здесь и далее в письмах к оптинскому старцу Макарию имеется в виду митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). – *Сост.*

57. А. П. Елагиной

Декабрь 1846 года

Милая маменька!

До нас дошли слухи о вашем нездоровье, очень страшно и грустно за вас. Ради Бога, будьте здоровы! Я хотел было ехать к вам, но остановился дожидаться письма от вас, потому что у меня тоже не совсем здоровы жена и маленькая Маша²⁶⁹...

В Москве нового мало. Бедный Языкушко²⁷⁰ очень болен. Кажется, после таких беспрестанных 15-тилетних страданий, расстроивших его весь организм, мудрено поверить Иноземцеву, который видит надежду выздоровления. Иногда думаю, что не эгоизм ли это с нашей стороны – желать ему продолжения страданий, ему, которого чистая, добрая, готовая к небу душа, утомленная здесь, верующая, жаждущая другой жизни, не может не найти там тех радостей, которых ожидает. Здесь ему буря непогоды, за которой он давно предчувствовал, что есть блаженная страна. Впрочем, все во власти Того, Кто лучше нас знает, что лучше. Потому я не прошу у Него ни того, ни другого, а только чтобы уметь просить Его Святой воли.

В Москве теперь делает большой шум диссертация Акса-

---

²⁶⁹ Киреевская Мария Ивановна, в замужестве Бологовская (1846—?) – дочь И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

²⁷⁰ Н. М. Языков. – *Сост.*

кова²⁷¹. Она наконец напечатана в огромной книге, с лишком 30 листов убористого шрифта, и через две недели по выходе вдруг запрещена, остановлена в продаже и должна опять перепечатываться. В самом деле, кажется, что это насмешка непростительная, если это только не просто глупость источника нашего ума – Московского университета. Пропустить книгу целым советом профессоров, печатать ее полтора года и потом велеть перепечатывать!

Простите, обнимаю вас, до завтрашней почты.

58. А. П. Елагиной

27 декабря 1846 года

Милая маменька, сейчас получил письмо от вас и от Маши²⁷². Вы пишете, что все нездоровы, и не описываете чем – это нехорошо и дает беспокойство. У нас горе: бедный Языкушко болен. Я хотел писать к брату²⁷³, но так как он теперь у вас, то сообщите вы ему. За Хомяковым я послал эстафету.

У него <Языкова> горячка, он простудился, выпивши стакан холодной воды. Бредит стихами, в которых слов нельзя разобрать, и что-то поет. В ночь с воскресенья на понедель-

---

²⁷¹ Речь идет о магистерской диссертации К. С. Аксакова о М. В. Ломоносове, защищенной в 1841 г. Цензура заставила автора изменить некоторые выражения о Петре I и петровском периоде и перепечатать книгу. – *Сост.*

²⁷² М. В. Киреевская. – *Сост.*

²⁷³ П. В. Киреевский. – *Сост.*

ник он исповедался и приобщился <Святых Таин>, был в чистой памяти, распорядился всеми своими делами. Он потребовал священника в 4-м часу ночи, несмотря на то, что Иноземцев²⁷⁴ уверял его, что болезнь не опасна и что уверен в его выздоровлении. Языков с твердостью настоял на своем желании, говоря, что это лекарство лучше всех и что оно одно ему осталось.

После того ему было лучше. Иноземцев не предвидел близкой опасности. В среду ему было гораздо лучше, Иноземцев в 2 часа пополудни нашел его в бреду и велел поставить шпанскую муху²⁷⁵, хотел заехать в 9 часов узнать, как подействовала шпанская муха, но в 5 часов Языков успокоился. До этой минуты жизнь его была страдальческая. Он перешел в другую – светлую, достойную его светлой, доброй души. Нет сомнения, что если кому-либо из смертных суждено там славить величие, и красоту, и благость Господа, то, верно, из первых ему. П. М.²⁷⁶ здесь. А. М.²⁷⁷ был здесь и уехал в Симбирск, по необходимым делам, в прошедшую пятницу. Лицо Языкушки светло и спокойно, хотя носит печать прежних долгих страданий, залог будущих теперь на-

---

²⁷⁴ Иноземцев Федор Иванович (1802–1869) – знаменитый в свое время врач. – *Сост.*

²⁷⁵ «Шпанская мушка» – насекомое, а также различные препараты, изготовленные из него (порошки, настойки, мази). – *Сост.*

²⁷⁶ Языков Петр Михайлович (1798–1851) – русский геолог, брат Н. М. Языкова. – *Сост.*

²⁷⁷ Языков Александр Михайлович (1799–1874) – брат Н. М. Языкова. – *Сост.*

ступивших утешений. Накануне кончины он собрал вокруг себя всех живущих у него и у каждого поодиночке спрашивал, верят ли они воскресению душ? Когда видел, что они молчат, то просил их достать какую-то книгу, которая со- всем переменит их образ мыслей, – но они забыли название этой книги! Обстоятельство крайне замечательное, теперь они стараются всеми силами и не могут вспомнить. Очевидное и поразительное доказательство таинственного Божьего смотрения о спасении и руководстве душ человеческих. Прощайте, обнимаю вас за жену и за детей.

Ваш сын И.

Пожалуйста, напишите о себе и заставьте Петруху брата написать также. Скажите ему не вдруг об Языкове. Я боюсь, что это слишком поразит его. Приготовьте также и Петерсона²⁷⁸. Это будет в завтрашних газетах, потому боюсь теперь не сообщить вам.

59. Оптинскому старцу Макарию

До 5 января 1847 года

Посылаю Вам этот первый экземпляр книги Вашей, почтеннейший и многоуважаемый батюшка, спешу сказать Вам о ней два слова: печатание кончено; завтра на почте по-

---

²⁷⁸ А. П. Петерсон. – *Сост.*

шлется шесть экземпляров в цензуру при письме к Федору Александровичу, который, вероятно, возвратит их с первой почтой; тогда только можно будет получить книгу всю из типографии²⁷⁹.

В прилагаемом экземпляре обертка будет другая и сзади виньетка переменится. Удивительно, что в русской университетской типографии кресты все латинские. Снимок с почерка старца Паисия²⁸⁰ литографируется. В этом экземпляре ошибочно переплетчиком пропущено окончание предисловия. Оно придется потом, после; теперь же время почти не позволяет откладывать.

Прошу Вас принять мое искреннее поздравление с Новым годом и передать его также почтеннейшему отцу игумену²⁸¹, отцу Иоанну²⁸² и отцу Виталию²⁸³ и удостоить Ваших святых

---

²⁷⁹ На обороте титульного листа книги «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» читаем: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании до выпуска из типографии доставлено было в Цензурный комитет указанное число экземпляров. Январь 5-го дня 1847 года. Московская духовная академия. Цензор: профессор протоиерей Федор Голубинский». – *Сост.*

²⁸⁰ Паисий (Величковский). – *Сост.*

²⁸¹ Моисей Оптинский, Тимофей Иванович Путилов (1782–1862) – схииеромандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни. – *Сост.*

²⁸² Послушник Иоанн, Иван Андреевич Половцев или Половцов (1826–1904) – помощник и духовный сын оптинского старца Макария, насельник Иоанно-Предтеченского скита при Оптиной пустыни (1847–1857), духовный писатель, впоследствии архиепископ Литовский и Виленский (с 1893 г.) Ювеналий. – *Сост.*

²⁸³ Неустановленное лицо. – *Сост.*

молитв душевно Вам преданного И. Киреевского.

60. П. В. Киреевскому

10 января 1847 года

Обнимаю тебя, друг, брат Петруха, и вместе с тобою и со всеми вами соединяюсь мысленно и сердечно, чтобы поздравить вас с завтрашним днем. Я не писал к тебе перед Новым годом, потому что не нашел в себе духу говорить тебе о бедном нашем Языкушке. Из письма моего к маменьке, написанного 27-го декабря, ты узнаешь подробности о его последних минутах: они были святы, прекрасны и тихи. Хомяков приезжал на несколько часов и, похоронив Языкова, тотчас отправился к жене в деревню, потому что она больна. Тут я видел в первый раз, что Хомяков плачет; он переменялся и похудел, как будто бы встал из длинной болезни. Тело положили в Данилове²⁸⁴ подле Валуева. Шевырев написал об нем прекрасную статью в городском листке. Он вспоминает всю его жизнь его же стихами.

Сегодня жду писем из Петрищева: очень боюсь за маменьку. У меня тоже не совсем здоровы жена и маленькая Машенька. В этот год я перешел через ножи самых мучительных минут, сцепленных почти непрерывными бедами, так

---

²⁸⁴ Данилов монастырь, расположенный в Москве. Основан в конце XIII века московским князем Даниилом Александровичем. – *Сост.*

что когда я нес мою бедную Катюшу²⁸⁵ в церковь, то это было почти легко, в сравнении с другими чувствами.

Обнимаю тебя крепко.

Твой брат И. К.

61. Оптинскому старцу Макарию

Между 11 января и 17 марта 1847 года

Достопочтеннейший и многоуважаемый батюшка!

Вам угодно приступить ко второму изданию книги Вашей, «Житие старца Паисия», с прибавлением тех книг, которые были исправлены или вновь переведены старцем Паисием. Само собою разумеется, что покуда мы в Москве, то для нас будет большое счастье содействовать, сколько мы можем, этому полезному делу. Степану Петровичу²⁸⁶ я уже говорил об этом, и он, со своей стороны, также рад, и если успеем, то завтра пошлем прошение в Цензурный комитет. Но кажется, что если печатать Симеона Нового Богослова²⁸⁷, Максима Исповедника²⁸⁸ «По вопросу и ответу», Фео-

---

²⁸⁵ Киреевская Екатерина Ивановна (1843–1846) – дочь И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

²⁸⁶ С. П. Шевырев. – *Сост.*

²⁸⁷ Симеон Новый Богослов (949—1022) – византийский религиозный писатель и философ-мистик. – *Сост.*

²⁸⁸ Максим Исповедник (около 580–662) – византийский мыслитель и богослов. – *Сост.*

дора Студинита²⁸⁹, «Житие Григория Синаита²⁹⁰» и восемь или даже пять слов Марка Подвижника²⁹¹, то этот том будет более первого. А между тем все еще не все труды старца Паисия будут напечатаны, т. е. останутся еще Максима Исповедника «Толкование на “Отче наш”», Иустина Философа²⁹² «О Святой Троице», аввы Фалассия²⁹³ четыре сотницы и Симеона Евхаитского²⁹⁴ слово «О безмолвии». Не лучше ли уже будет напечатать все в трех частях? А что эти последние книги точно переведены старцем Паисием, то на это доказательством может служить находящийся у нас экземпляр этих книг, данный нам покойным отцом Филаретом²⁹⁵, где по сторонам выставлены листы греческой «Филокалии²⁹⁶» и где

---

²⁸⁹ Феодор Студит (759–826) – византийский церковный деятель и писатель. – *Сост.*

²⁹⁰ Григорий Синаит (ок. 1268–1346) – православный святой, возродил на Афоне практику Иисусовой молитвы. – *Сост.*

²⁹¹ Марк Пустынный, Марк Подвижник, Марк Аскет (IV век) – монах, автор аскетических сочинений. – *Сост.*

²⁹² Иустин Философ, Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик, Юстин Мученик (ок. 100–165) – раннехристианский мученик, представитель ортодоксально-религиозной точки зрения в вопросе о сущности религии, ее происхождении; выдвигал доказательства истинности бытия Бога. – *Сост.*

²⁹³ Фалассий (VI век – около 660 года) – преподобный отец, настоятель одного из монастырей в Ливийской пустыне. – *Сост.*

²⁹⁴ Симеон Евхаитский (?–IX) – митрополит Еохаитский, духовный писатель. – *Сост.*

²⁹⁵ Схиеромонах Феодор, Федор Николаевич Пуляшкин (1758–1842) – подвижник благочестия, духовник И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

²⁹⁶ «Добротолюбие», «Филокалия» – сборник духовных произведений право-

соблюдается правописание старца Паисия и выставлены над словами точки, как в Исааке Сирине²⁹⁷. Я уже говорил об этом с Федором Александровичем. Он обещался пропустить скоро, только опасался за некоторые темноты в «Толковании на “Отче наш”». Во избежание затруднений от этой темноты я думал сделать одно из двух: или напечатать против словенского подлинника русский перифразис, как сделано с книгой Лоре «О любви»²⁹⁸, или в выносках приложить перевод только одних темных мест, соображаясь с переводом латинским, прислав и то и другое на Ваше предварительное рассмотрение и исправление. Это казалось мне нужным для того, чтобы не исправлять самого текста, писанного Паисием, а сохранить его как вещь священную. Потом – прошу Вас уведомить меня, угодно ли Вам будет мое предложение, и поспешить присылкою рукописей, если не всех вдруг, но хотя бы *частями*, потому что и Голубинский говорил мне, что он скорее и охотнее может просматривать рукописи *частями*, т. е. по нескольку листов, а не все вдруг. Что касается до предисловия, то, я думаю, не лучше ли будет его опять

славных авторов IV–XV вв. Сборник составлен митрополитом Коринфским Макарием и Никодимом Святогорцем и был впервые опубликован на греческом языке в 1782 г. в Венеции у Антония Вортоли. – *Сост.*

²⁹⁷ Исаак Сирин, Сирянин, Сириянин, Ниневийский (VII в.) – один из Отцов Церкви, христианский писатель-аскет, епископ Ниневии, жил в Ассирии и Сирии. – *Сост.*

²⁹⁸ По-видимому, речь идет об одном из изданий «Святого отца нашего Макария <Исповедника> о любви» (СПб., 1817, 1819; М., 1839, 1845). – *Сост.*

печатать последнее для того, что между этим временем, вероятно, Вы получите многие сведения о лицах, там упоминаемых, от разных читателей Вашей книги и потому многое можно будет прибавить. Кстати, прилагаю Вам письмо Ф. А. Голубинского к Шевыреву, писанное еще <?> в марте месяце прошлого года²⁹⁹. Но Шевырев вспомнил об нем при самом окончании печатания, потому я и не успел послать его к Вам тогда, а вставил сам в предисловие ту перемену об отце Афанасии³⁰⁰, какую предлагал Голубинский. Но мне кажется по некоторым соображениям, что Голубинский напрасно приписывает такое полезное участие Якову Дмитриевичу³⁰¹ в исправлении «Добротолюбия». Вероятнее кажется предположить, что он принадлежал к тем ученым исправителям, о которых говорил митрополит Гавриил³⁰² и которые больше мешали, чем помогали. Впрочем, Вам это должно быть из-

---

²⁹⁹ Дата указана ошибочно – не март, а май 1846 года. – *Сост.*

³⁰⁰ Схимонах Афанасий, Николай Андреевич Охлопков (?—1825) – ученик преподобного Паисия Величковского, духовный учитель преподобного Макария Оптинского. – *Сост.*

³⁰¹ Никольский Яков Дмитриевич (1765–1839) – лингвист и переводчик, священник, протопресвитер Успенского собора Московского кремля. – *Сост.*

³⁰² Славянское «Добротолюбие» готовилось к печати по благословению и под непосредственным наблюдением митрополита Гавриила (Петрова). Митрополит Гавриил, Петр Петрович Петров-Шапошников (1730–1801) – епископ, архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (с 1770), архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский (с 1775 г.), митрополит (с 1783), митрополит Новгородский и Олонецкий (1799 г.); богослов и проповедник. – *Сост.*

вестнее. Что же касается до Филарета Глинского³⁰³, то я говорил об нем замечание Ваше Федору Александровичу, но он ответил мне, что Филарет точно был очень долго игуменом, но при конце жизни был сделан архимандритом. Если при втором издании Вам угодно будет приложить портрет старца Паисия, то прошу Вас написать об этом поскорее, пока он еще не стерт с камня. Это будет дешевле, чем снова рисовать его. Также и о снимке с почерка.

Окончив о книге, позвольте мне предложить Вам просьбу о себе самом: я желал бы говеть в этот пост и приобщиться Святых Таин, но не смею этого сделать без Вашего разрешения. Благословите ли Вы меня, батюшка, или прикажете отсрочить? С нетерпением буду ожидать Вашего ответа и с покорностью.

Душевно Вам преданный Ваш духовный сын и почитатель И. Киреевский.

P. S. Отцу игумену и отцу Иоанну³⁰⁴ прошу Вас передать мое глубочайшее почтение.

Письмо Федора Александровича прошу возвратить.

---

³⁰³ Филарет, Фома Данилевский (1773–1841) – православный монах; игумен и восстановитель Глинской пустыни. – *Сост.*

³⁰⁴ Здесь и далее в письмах к оптинскому старцу Макарию имеется в виду послушник Иоанн (Половцев). – *Сост.*

62. Оптиному старцу Макарию

Между 8 февраля и 17 марта 1847 года

Высокопочтеннейший и многоуважаемый отец Макарий!

Вчера получил я письмо от Шевырева вместе с одним местом корректуры «Жития старца Паисия», и то и другое препровождаю к Вам для рассмотрения. Хорошо бы было, если бы Вы успели отправить корректуру обратно к Шевыреву в понедельник с экстра-почтою. На полях корректуры Вы найдете заметки Шевырева карандашом: он спрашивает, какого правописания угодно Вам держаться в словах *славянский*, *словянский* или *словенский* и в словах *отнюдъ* или *отнюдь*. По моему мнению, в последнем слове несомненно должно быть в конце *ъ*, т. е. *отнюдъ*. Первое же слово пишут каждый своим образом. Я обыкновенно пишу *словенский*, производя *словени* от слова в противоположность *немцам*. Впрочем, извольте выбрать, какое Вам кажется правильнее, и по нем исправить другие, выставляя поправку *на полях* так, как на последней странице исправлено словом *разум*.

Адрес Ваш Шевырев уже имел и по нем один раз уже и писал к Вам, но, вероятно, потерял.

Не скорее ли будет дело, если бы, вместо того чтобы посылать корректурные листы из напечатанного уже текста по почте, – исправить предварительно по напечатанной книжке те ошибки, которые найдутся там сверх замеченных опеча-

ток, и послать книжку Шевыреву. В случае сомнения о правописании, кажется, можно положиться на него. А что будет печататься вновь с рукописей, то пусть он посылает в корректуре. Впрочем, извольте сделать, как найдете лучшим. Я говорю это предположение только для сокращения времени.

Видно, что они там оценили Ваше дело настоящим образом и приняли его к сердцу. Очень бы желательно было, чтобы исполнилось предположение Голубинского и московский митрополит с своей стороны прибавил что-нибудь к предисловию. Кроме достоинства его пера, он может более всех других иметь драгоценные сведения о многом и о многих, упомянутых в предисловии.

Наталья Петровна не пишет к Вам потому, что чувствует себя не совсем здоровою. Она поручила мне сказать Вам ее почтение и передать Вам, что о госпоже Галактионовой³⁰⁵ она действительно еще не справлялась, но что по желанию Вашему она непременно с нею познакомится. Что же касается до ее денег, то на такую вещь, без сомнения, найдутся много охотников, а из многих легко можно будет по Вашему совету избрать вернейшего. Мы же, слава Богу, теперь в деньгах не нуждаемся. Если же никого верных не найдется и Вы непременно этого пожелаете, то, разумеется, мы исполним Вашу волю. Мы оба просим передать наше почтение отцу игумену и не забывать в Ваших святых молитвах душевно Вам преданного И. Киреевского.

---

³⁰⁵ Неустановленное лицо. — *Сост.*

63. М. В. Киреевской

17 марта 1847 года

<...> Ты пишешь, милая сестра, что тебя давно уже преследует мысль о освобождении крестьян, что ты молишься Богу, чтобы Он позволил тебе осуществить эту сладкую мечту, что думаешь, что и мы в этом случае одобрим твоё желание и просишь наших советов о том, как произвести в *действительное исполнение* твоё намерение. Благодарю тебя за то, что ты сообщила нам свою мысль и хочешь знать наше мнение. Долгом сердца считаю сказать его тебе с полной искренностью.

Но прежде чем я скажу тебе своё мнение о *твоем* деле, я считаю также долгом сказать тебе мои убеждения об освобождении крестьян в России *вообще* для того, чтобы ты не предполагала во мне такого мнения, которого я не имею, и не придавала бы оттого моим советам более весу, чем сколько они заслуживают.

Правда, у нас теперь беспрестанно толкуют об эмансипации Кошелев, Хомяков и другие. Но я их мнения не разделяю. Не потому, что бы я считал хорошим и полезным для России оставить навсегда крепостное состояние; не потому, что бы я считал это возможным: крепостное состояние должно со временем уничтожиться, когда предварительно будут сделаны в государстве другие перемены: законность судов,

независимость частных лиц от произвола чиновников и многие другие, которых здесь исчислять не нужно; но в теперешнее время, я думаю, что такая всеобъемлющая перемена произведет только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и поставит отечество наше в такое положение, от которого сохрани его Бог! И что такое свобода без законности? Зависимость от продажного чиновника вместо зависимости от помещика. Но выгоды помещика больше или меньше связаны с благосостоянием его крестьян, но, говоря вообще, помещики самые дурные имеют больше совести, чем чиновники: кроме совести, в них есть, больше или меньше, чувство чести, которое мешает им злоупотреблять свою власть, есть зависимость от мнения других, которая была причиной, что отношения их к крестьянам каждый год улучшаются и с тех пор уже, как я помню, изменились совершенно. Чиновник же не связан ничем, кроме своей выгоды и другими чиновниками, тоже продажными. Ты знаешь сама, в каком положении государственные крестьяне, а если не знаешь, то спроси брата Петра, или священника Александра Петровича³⁰⁶, или любого соседа, или купца, который знает их положение, и скажи после того, стоит ли это положение того, чтобы производить переворот в России?

Но я это говорю об *общем* освобождении крестьян в России, что нисколько не мешает частным людям освобождать своих крестьян, если они думают доставить им лучшее поло-

---

³⁰⁶ Неустановленное лицо. — *Сост.*

жение. Но подумай по совести (не увлекаясь желанием сделать поступок, который люди могут хвалить; не увлекаясь самолюбивым удовольствием сказать самой себе: я освободила крестьян своих, я поступила по совести! – когда в самом деле поступок твой будет носить громкое имя, не изменяя ничего на деле), подумай: в самом ли деле лучше будет твоим крестьянам заплатить за себя 100 тысяч и получить за то право называться свободными, подпав под власть чиновников, чем, не называясь свободными, быть такими на деле и, не платя 100 тысяч рублей (которых у них нет и которых добывание их непременно запутает), платить тебе ежегодно самый маленький оброк, нисколько их не стесняющий и не породивший в них ни малейшей жалобы? Подумай это по совести и спроси сама себя в глубине сердца: не тщеславие ли перед самой собою заставляет тебя желать изменить их положение? Если ты думаешь, что они этого желают, то ты ошибаешься: желать этого, может быть, могут несколько человек, которые побогаче других, но вообще их это известие испугало. По крайней мере я так слышал от них же. Они говорят, что живут под твоим *крылом*, как у Христа за пазухой, перемены всякой боятся и деньги за свой выкуп платить очень затрудняются. Всего же более боятся они того, чтобы ты их не продала, потому, как они говорят, что сумму за их выкуп ты назначила такую малую, что тебе другие помещики охотно отдадут много больше и тогда они могут попасть в дурные руки. Некоторые помещики уже слышали там о тво-

ем намерении, и хотят покупать их у тебя, и думают дать тебе больше 100 тысяч, полагая, что ты делаешь это, нуждаясь в деньгах. Из них есть один особенно, которого крестьяне боятся как человека дурного и злого. Но я уверен, что ты не продашь их, и потому об этом не распространяюсь.

К тому прибавлю еще, что я знал отменно почтенных людей, между ними назову К. Ф. Муравьеву³⁰⁷, которые также хотели заключить с своими крестьянами условие, по которому они имели бы право выкупаться в свободные хлебопашцы, но разобрав дело вблизи и посоветовавшись с людьми знающими, хотя и сделали они многие для того предварительные действия, и употребляли много хлопот, и крестьяне были согласны, и правительство позволило, но, однако, они убедились, что это условие будет во вред обеим сторонам, и оставили дело по-прежнему.

В дополнение этого я еще скажу тебе, что правительство теперь вольных хлебопашцев уничтожает и обращает их в государственные крестьяне. Вчера еще слышал я, что огромное демидовское имение (кажется, 6 тысяч душ), которое было вольными хлебопашцами, теперь обращено в государственных крестьян под общее управление окружных чиновников. Каково будет твоим крестьянам, заплативши тебе 100 тысяч, вдруг очутиться под властью чиновника, который заставит их платить двойной оброк против того, который они

---

³⁰⁷ Муравьева Катерина Федоровна, урожденная баронесса Колокольцева (1771–1848) – крестная мать детей И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

платят тебе? Потому что казенный оброк вместе с окладом на жалование чиновникам или управляющим более 8 рублей серебром с души, тогда как они платят около 4 рублей серебром с души. Но сколько еще сходит с государственных крестьян незаконных поборов и сколько несправедливостей от пьяных и полномочных писарей, от волостных, от окружных и пр.!! Сколько соблазнов к незаконному действию посредством подкупов! Какая опасность от откупщиков, которые могут поставить у них кабаки, харчевни, против их воли дать им соблазн и пр. Возьми еще и то в соображение, что, выплачивая тебе откупную сумму, они непременно войдут в зависимость ростовщиков, которые высасывают обыкновенно всю нравственную кровь у крестьян, а ты сама, между тем, получая их выкуп не вдруг, а по срокам, непременно истратишь деньги по мере их получения и потом останешься без ничего и не будешь в состоянии быть полезною никому, сделав еще вред мужикам.

Вот мое мнение. Обсуди его без страсти и пристрастия. Если же, рассудив, ты останешься при своем намерении, то прошу написать ко мне и я тотчас же поеду к знающим это людям и пришлю тебе форму, условия и пр.

Еще одно считаю тебе не лишним сказать: если ты боишься, что после твоей смерти положение крестьян твоих изменится, то ты можешь сделать какое хочешь завещание и положить его для верности в Опекунский совет, так что крестьяне твои во всяком случае и несмотря ни на каких наслед-

ников будут после тебя или обязанными на таких или других условиях, или совершенно свободными, смотря по тому, как ты сочтешь за лучшее. Но для этого хорошо бы было, чтобы завещание твое сделано было в тайне, чтобы не возбудить у крестьян мыслей, которые могут быть им вредны прежде времени. А покуда ты жива, продолжай управлять ими, как делала до сих пор, бери с них легкий оброк, дай им свободу управлять собою, не предай их в обиду чиновников, и они будут благословлять тебя так всегда, как теперь благословляют.

Обнимаю тебя.

Твой брат Киреевский.

(Приписка П. В. Киреевского).

Я было хотел также писать к тебе нынче об этом деле, но брат прочел мне свое письмо, и так я с этим мнением *совершенно согласен*, как я уже и говорил тебе прежде, то и не считаю уже нужным повторять то же. Пуще всего желаю, чтобы ты обдумала это как можно больше и не спешила.

Крепко тебя обнимаю. Мы все, слава Богу, здоровы.

10 марта

Твой брат Петр К.

(Опять рукою И. В. Киреевского).

Написавши это письмо, я отдал его Кошелеву и притом рассказал, в каком положении твои крестьяне находятся. Он

сказал мне, что хотя он и эмансипатор *ex officio*³⁰⁸, однако тебе никак не посоветует освободить, а оставить как есть. Потом он написал прилагаемое письмо, в котором совсем его немного запутал, я думаю, от желания проповедовать свою любимую тему. После того я его видел, и он тоже говорит, что тебе никак не следует и нет причины эмансипировать и что ты сделаешь этим только вред, а не пользу твоим крестьянам. А в письме его это не так ясно.

Обнимаю тебя еще раз.

64. Оптинскому старцу Макарию

28 марта 1847 года

<...> Теперь немножко беспокоит нас состояние здоровья Натальи Петровны, которая чувствует себя не совсем хорошо. Она с самого приезда в Москву все как-то не поправляется, но, напротив, худеет и расстроивается. Молитвы Ваши Господь услышит. Прошу Вас передать мои поздравления отцу игумену и просить его святых молитв о нас, много его уважающих. Прошу Вас также взять на себя труд поздравить от меня почтенного старца иеромонаха А³⁰⁹. С искренним почтением и беспредельною преданностию имею счастье быть Вашим духовным сыном и покорным слугою.

---

³⁰⁸ По обязанности (*англ.*). – *Сост.*

³⁰⁹ Амвросий Оптинский, Александр Михайлович Гренков (1812–1891) – священнослужитель, иеросхимонах. – *Сост.*

65. Оптинскому старцу Макарию

23 марта 1848 года

<...> Благодарю Вас, почтеннейший и многоуважаемый батюшка, за Вашу благосклонную память обо мне и за книгу, присланную мне в день моего рождения. Благословение Ваше при начале моего нового года принял я за счастливое будущее. Но известие о Вашем нездоровье много огорчило нас, и мы просим Вас сделать нам одолжение: поручить окружающим Вас извещать нас на первой почте о ходе Вашей болезни и выздоровлении.

С уважением и преданностью Ваш духовный сын И. Киреевский.

66. М. П. Погодину

Март-апрель 1848 года

<...> Ты пишешь ко мне, что не худо бы литераторам представить адрес императору о излишних и стеснительных действиях цензуры³¹⁰. Сначала я оставил эту мысль без большого внимания как несбыточную. Потом, однако, когда я об-

---

³¹⁰ Император Николай I усилил цензурные ограничения, которые коснулись всех литераторов и издателей. – *Сост.*

думал твой характер и что у тебя часто от первой мысли до дела бывает полшага, – тогда я испугался и за тебя, и за дело. Подумай: при теперешних бестолковых переворотах на Западе *время ли* подавать нам *адресы* о литературе? Конечно, цензурные стеснения вредны для просвещения и даже для правительства, потому что ослабляют умы без всякой причины, но все эти отношения ничего не значат в сравнении с текущими важными вопросами, которых правильного решения нам надобно желать от правительства. Не велика еще беда, если наша литература будет убита на два или три года. Она оживет опять. А между тем подавать просительные адреса в теперешнее время значило бы поставить правительство во враждебное или, по крайней мере, в недоверчивое отношение к литераторам, что гораздо хуже, потому что может повести к следствиям неправильным и вредным, правительство теперь не должно бояться никого из благомыслящих. Оно должно быть уверено, что в теперешнюю минуту мы все готовы жертвовать второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россию от смуты и бесполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы правительство не вмешало нас в войну по какой-нибудь прихоти или дружбе к какому-нибудь шведскому или <неразб.> королю; чтобы оно не пошло давить наших словен вместе с немцами³¹¹; что-

---

³¹¹ Император Николай I почитал своим долгом выполнение решений Венского конгресса 1814–1815 гг. и реализацию целей Священного союза. Иными словами, для России были незыблемы границы европейских государств, установленные после наполеоновских войн, и была неоспоримо обязательной помощь (в

бы оно не возмутило народ ложными слухами о свободе³¹² и не вводило бы никаких новых законов, покуда утишатся и объяснятся дела на Западе, чтобы, например, оно не делало инвентарей³¹³ к помещичьим именьям, что волнует умы несбыточными предположениями; чтобы оно не позволяло фабрикам без всякой нужды заводиться внутри городов и особенно столиц, когда они с такою же выгодой могут стоять за несколько верст от заставы и пр. Впрочем, всего в письме не расскажешь.

67. Оптинскому старцу Макарию

29 ноября 1848 года

Достопочтеннейший батюшка!

По милости Божией и за Ваши святые молитвы Наталья Петровна сегодня, 29 ноября, в 8 часов поутру благополучно разрешилась от бремени сыном Николаем³¹⁴, которому быть восприемным отцом она просит Вас. К ее просьбе я усерд-

---

том числе и военная), оказываемая союзным правительствам в противодействии революционным движениям. – *Сост.*

³¹² В конце 1847 г. Николай I на встрече с депутацией дворянства Смоленской губернии высказался за отмену крепостного права. Началось общественное обсуждение этого вопроса. – *Сост.*

³¹³ После описи владений помещиков строго регламентировались размеры и формы крестьянских повинностей. – *Сост.*

³¹⁴ Киреевский Николай Иванович (1848—?) – сын И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

нейше присоединяю свою. Крестины будут, как мы думаем, восьмой день, т. е. в день Николая Чудотворца. Прошу Вас известить об нашей радости и вместе передать глубочайшее почтение отцу игумену и старцу Иоанну³¹⁵ и усерднейший поклон всем святым отцам Вашей обители, которые помнят об нас.

С уважением и преданностью Ваш духовный сын И. Киреевский.

68. Оптинскому старцу Макарию

3 декабря 1848 года

Достопочтеннейший батюшка! Отец Макарий!

Спешу написать Вам несколько слов для того, чтобы просить Ваших святых молитв о Наталье Петровне. Она родила благополучно, как я Вам писал, и первые дни чувствовала себя очень хорошо, но со вчерашнего дня ей сделалось хуже, и мы боимся, чтобы с нею не повторилась та болезнь, которая была у нее после ее последних родов. Впрочем, сегодня она чувствует себя опять несколько легче.

Крестить нашего Николая думаем мы 6 декабря часов в шесть или семь вечера. С вашего позволения будет поминаться Ваше имя как восприемника, и мы все просим Ваших

---

³¹⁵ Иеросхимонах Иоанн, Иван Иванович Малиновский (1763–1849) – насельник Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. Автор полемических произведений против старообрядчества. – *Сост.*

69. Оптинскому старцу Макарию

10 января 1849 года

Почтеннейший батюшка!

Наталья Петровна не может сегодня писать к Вам сама, потому что простудилась и получила довольно сильную боль в горле, от которой должна лежать. Третьего дня она брала молитву³¹⁶, вчера поутру почувствовала маленькую боль в горле, которая, однако же, не остановила ее ехать к обедне. Вечеру боль сделалась гораздо сильнее, а сегодня поутру еще увеличилась. Она просит Ваших святых молитв.

Голубинский был у нас 7-го числа. Он обещал много, но не знаю, найдет ли время и силы исполнить. Второе слово Марка Подвижника «О крещении» хотел прислать в следующую пятницу. Феодора Студита хотел тоже просмотреть и, если там найдется немного ошибок в орфографии и знаках препинания (потому что других поправок он, не имея подлинника, делать не думает), обещал прислать к нам для того, чтобы печатать без цензуры, а ему в цензуру посылать корректурные листы. Это было бы гораздо скорее.

---

³¹⁶ Здесь говорится о молитвах сорокового дня по рождении младенца. – *Сост.*

Печатание «Устава» Нила Сорского³¹⁷ он очень одобряет, но говорит, что надобно спросить предварительное позволение у митрополита. Сверх того, он хотел справиться, находится ли эта книга в числе тех, которые Синод объявил своею собственностью. Если не находится, то печатать можно без затруднений. Если находится, то надобно будет просить Синод. От ответа патриархов папе³¹⁸ он сказал нам слух очень огорчительный и почти невероятный. Но как он сам этого ответа не читал, а только считал, то мы и думаем, что тут есть какая-нибудь ошибка.

Он говорил, будто там сказано о происхождении Святого Духа, что православная церковь хотя и принимает это происхождение от Отца и Сына *по существу*, но не принимает его по ипостаси³¹⁹. Такое отступление от одного из первых догматов православия кажется невозможным. Но если это правда, тогда русской церкви следует протестовать громко и поддержать истину, к которой, вероятно, пристаёт и весь Восток.

Испрашивая Вашего святого благословения на весь наш дом, остаюсь с почтением и преданностию Ваш покорный

---

³¹⁷ Нил Сорский, Николай Майков (ок. 1433–1508) – русский церковный и общественный деятель, глава нестяжателей. – *Сост.*

³¹⁸ Вероятно, имеется в виду выпущенное 6 мая 1848 г. в Стамбуле (Константинополе) «Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам», которое является ответом на окружное послание от 6 января 1848 г. папы римского Пия IX. – *Сост.*

³¹⁹ В действительности, в Окружном послании 1848 г. таких слов нет. – *Сост.*

слуга И. Киреевский.

70. Оптиному старцу Макарию

31 марта 1849 года

<...> Благодарю Вас, почтеннейший и сердечно уважаемый Батюшка, за благодушное Ваше воспоминание о дне моего рождения, за добрые желания Ваши и святые молитвы, в которых я вижу незаслуженный мной дар Божий на подкрепление шатких и слабых к добру движений моего сердца. Позвольте мне поздравить Вас с наступающим светлым праздником и просить принять и мои желания вместе со всеми любящими и уважающими Вас. Прошу Вас также передать мои поздравления отцу игумену и отцу Иоанну и тем святым отцам Вашей обители, которые удостоят вспомнить обо мне.

С истинным почтением и преданностью имею счастье быть Вашим духовным сыном и покорнейшим слугою.

И. Киреевский

71. В. А. Жуковскому

Весна 1849 года

<...> Когда я получил и прочел письмо Ваше, душа моя не наполнилась, а переполнилась чувством живой и сладкой

благодарности. Впрочем, не знаю, так ли называть это чувство. Мне кажется, не меньше согрело бы мне сердце, если бы я узнал, что Вы сделали для другого то и так, как это сделали для меня. Вы перервали Вашу любимую работу над «Одиссеей», которая приближалась уже к концу, для того чтобы говеть на страстной неделе свободно от всех посторонних занятий. Но в это время, получив мое письмо, Вы ни на минуту не усомнились нарушить Ваш святой шабаш для того, чтобы просить о моем сыне. Благодарю Того, Кто дал мне счастье быть близко Вас, и от всей души прошу Его, чтобы Он заплатил на Ваших детях то, что Вы сделали для моего сына³²⁰, и чтобы мой сын, о котором Вы ходатайствовали как о собственном, помнил в течение жизни своей быть достойным этого. Письма Ваши³²¹ я отправил на другой же день в Петербург и по Вашему совету написал к Броневскому³²². Теперь получил уже от него ответ, что принц³²³ согласен на Вашу просьбу о несчитании моему сыну 9-ти месяцев препятствием для вступления в 4-й класс лицея, но что касает-

---

³²⁰ Киреевский Василий Иванович (1835— после 1911) – сын И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

³²¹ См.: Наст. изд. Т. 4. Переписка В. А. Жуковского с принцем П. Г. Ольденбургским о И. В. Киреевском. – *Сост.*

³²² Броневский Дмитрий Богданович (1795–1867) – генерал-лейтенант, директор Императорского Александровского лицея (1840–1853). – *Сост.*

³²³ Принц Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881) – генерал-адъютант, сенатор, главноуправляющий IV отделением собственной его императорского величества канцелярии (1869). – *Сост.*

ся до принятия его на казенный кошт, то это зависит от высочайшей воли и принадлежит только детям генералов и чиновников не ниже 4-го класса. Первое для нас самое важное, а второе, кажется, лучше так, как случилось. Чувствуя всю доброту Вашей просьбы об этом, я думаю, однако, что хотя точно состояние наше ограничено, но все нам легче будет платить за сына, как другие, чем пользоваться незаслуженно такого рода милостью. Впрочем, письмо Ваше и в этом отношении было бесполезно. Получив его, я дал прочесть сыну: он был им глубоко тронут и, вероятно, навсегда сохранит то сознание, что, просив за него милости, Вы этим как бы ручались за него, следовательно, кроме других причин, уже и поэтому на него легла обязанность соответствовать Вашему ручательству своим внутренним настроением честно. Случайный же результат просьбы есть уже дело постороннее для его внутренней обязанности. Кто знает? Может быть, придет время, когда это сознание послужит к тому, чтобы подкрепить его внутренние карантинны против той нравственной заразы, от которой теперь гниет Европа, этой французской болезни, от которой у бедного западного человека уже провалилось небо, хотя и надеюсь, что эта болезнь до нас не коснется или если коснется, то какого-нибудь несущественного края нашей общества. Грустно видеть, каким лукавым, но неизбежным и праведно насланным безумием страдает теперь человек на Западе. Чувствуя тьму свою, он, как ночная бабочка, летит на огонь, считая его солнцем. Он

кричит лягушкой и лает собакой, когда слышит слово Божие. И этого испорченного, эту кликушу хотят отчитывать – по Гегелю! Теперь еще вдвое тяжелее, чем прежде, знать Вас там, под гнетом тяжелой необходимости жить посреди этих людей и далеко от отечества. Я понимаю, что никакие цепи изгнания не могут быть мучительнее цепей болезни того существа, в котором не только соединилось все милое сердцу, но вместе и все ближайшие обязанности священного долга охранять и беречь. Прошу Бога от всей души, чтобы Он скорее утешил Вас здоровьем Вашей жены и тем дал Вам возможность возврата. Здесь не только слово Ваше, но и самое присутствие было бы полезно в текущую многозначительную минуту. Оттуда Вам действовать почти невозможно. Ваша брошюра и письмо к Вяземскому как ни прекрасно написаны, как ни хвалились вы в журналах, но, верно, написались бы не так, если бы Вы были здесь, и потому того действия, которое должно иметь Ваше слово на русских читателей, они произвести не могли. «Одиссея» совсем другое дело. Она вне времени, и Ваш перевод ее есть важное событие в истории нашей словесности. Она вне времени, потому что принадлежит всем временам равно, исключая, однако же, нашего, потому что наше вне обыкновенного порядка и вне всякой умственной и литературной жизни. Оттого и она не могла явиться у нас в той силе, которая ей принадлежит над нормальным состоянием человеческого ума. Действие ее на литературу нашу должно быть великое, но медленное и тем

сильнее, чем будет менее ново, чем более она будет читаться. Таков самый характер ее красоты. Это не блеск страсти, не электрическая и ослепительная молния в темную ночь, но ясный взгляд высокого испытанного разума на богатую и глубокую природу, светлый и тихий вечер, таинственный отдаленностью горизонта. Известие, что перевод Ваш уже почти кончен, удивило и обрадовало всех нас. Я, признаюсь Вам, не воображал Гомера в той простоте, в той неходульной поэзии, в какой узнал его у Вас. Каждое выражение равно годится в прекрасный стих и в живую действительность. Нет выдающегося стиха, нет хвастливого эпитета, везде ровная красота правды и меры. В этом отношении, я думаю, он будет действовать не только на литературу, но и на нравственное настроение человека. Неумеренное, необузданное слово в наше время, кажется мне, столько же выражает, сколько и производит необузданность сердечных движений. Есть, однако же, некоторые вещи в Вашей «Одиссее», которые мне кажутся ниже ее общего уровня. Я заметил их для того, чтобы поговорить с Вами при свидании, и мог их заметить потому, почему на белой бумаге можно заметить малейшую пылинку. Эти пылинки заключаются не в выражениях, которые кажутся мне удивительным совершенством, но в перестановке слов, которая иногда кажется мне более искусственной, чем могла бы быть, особливо и только сравнительно с общей естественностью. Впрочем, написавши это, я чувствую, что довольно странно выходит: мне говорить Вам о недостатках

Вашего слога. Утешаюсь только мыслью, что, может быть, Вы, выслушавши все толки званых и незваных судей, между кучею вздора найдете что-нибудь дельное и в таком случае второе издание Вашей «Одиссеи» будет еще совершеннее. Если же из всех замечаний не найдете ничего дельного для себя, то тем полезнее будет для меня слышать Ваше мнение. Обнимаю Вас от всей души за себя, за жену, за сына и всю семью. От маменьки уже более недели не получал известий. По последнему письму здоровье ее было довольно хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.